

На правах рукописи

КУВВАТОВА САЛОМАТ МУСОЕВНА

**ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА
ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА
НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК**

10.01.01 – Таджикская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Рустамова Г.Р.

Душанбе -2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3-13.
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК	14-44.
1.1. Этапы перевода поэзии М.Ю. Лермонтова на таджикский язык.....	14-33.
1.2. Художественно-структурное своеобразие хвалебных од, посвященных М.Ю. Лермонтову.....	34-44.
ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА НА ТВОРЧЕСТВО Х. ЮСУФИ И К. КИРОМА	45-70.
2.1. М.Ю. Лермонтов в восприятии и переводе Хабиба Юсуфи.....	45-61.
2.2. Отражение духовных переживаний лирических героев М.Ю. Лермонтова в творчестве Кутби Киромы.....	62-70.
ГЛАВА III. МЕЛОДИЧНОСТЬ И ЛИРИЗМ ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА, ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ПЕРЕВОДА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК	71-136.
3.1. Поэзия М.Ю. Лермонтова в таджикских переводах XX века.....	71-98.
3.2. Лирика М.Ю. Лермонтова в переводах М. Фархата и Б. Рахимзода.....	99-114.
3.3. Сопоставительный анализ перевода стихотворения «Морская царевна».....	115-122.
3.4. Особенности перевода поэмы «Мцыри» на таджикский язык.....	123-136.
Заключение	137-142.
Список использованной литературы	143-152.

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время одним из основных факторов взаимообогащения народов является культурный обмен и литературные связи. Следовательно, современный литературный мир требует комплексного изучения литературных связей, которые содействуют художественному развитию литератур различных народов. В этом плане особое значение имеет основательный анализ и изучение творчества известных представителей литератур, определение их места в творческом взаимодействии.

Одним из важнейших критериев для развития литературы любого народа, наравне с исследованием собственных традиций, является изучение художественного опыта других национальностей. Особую заинтересованность учёных к данному процессу можно объяснить тем, что немаловажным фактором для развития литературы в целом является идейное и эстетическое взаимообогащение и взаимообмен художественными ценностями.

Возрастающий интерес к изучению крайне сложной проблемы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур свидетельствует о том, что этот раздел литературоведения становится весьма актуальным.

Уровень популярности Михаила Лермонтова в литературных кругах других народов во многом обусловлен тем, насколько тесны культурные связи этой страны с Россией в далеком прошлом, а затем и в советском периоде. К примеру, давние культурные связи России с Германией способствовали появлению имени русского поэта на страницах немецкой печати еще при его жизни. А в странах Востока, где народы обладают иной поэтической культурой, творчество Лермонтова стало известным позднее. В данном случае, например, представители таджикской литературы, ставя перед собой цель глубже и выразительнее воспроизвести героическую современность, повысить уровень духовной жизни своего народа, обогатить

культурные горизонты, прибегают к опыту русской литературы, ибо она, как классическая, так и советская, всегда стремилась к новым идеям и поиску новых средств художественного отображения действительности. Влияние творчества М.Ю. Лермонтова на таджикскую литературу неоспоримо, но характер этого влияния пока еще не изучен. Между тем, исследование этой проблемы представляет значительный литературоведческий интерес.

Исследование истории перевода произведений Лермонтова на таджикский язык показывает, что бурно развернулось переводческое дело в Таджикистане после Октябрьской революции. Новый общественный строй, политика партии и, наконец, сама жизнь выдвигала перед литературой проблему перевода как одну из самых насущных в деле сближения национальных культур. Именно в этот период произведения русской культуры стали проникать в культурную жизнь таджикского народа. Живительным источником для таджикской советской литературы становится традиции таджикской классической литературы, имеющей громадный опыт в создании поэтических произведений, уходящих своими корнями в устное народное творчество. Однако для художественного воссоздания новой послереволюционной действительности и жизни народа теперь было недостаточно существующих традиционных жанров и образных средств. В это время в таджикской литературе начали стремительно развиваться новые жанры (в частности реалистической прозы), в развитии и становлении которых немаловажную роль сыграли переводы из произведений А.П. Чехова, Л. Толстого, Н.В. Гоголя, М. Горького (20-30-е г.) и других. А. Сайфуллоев следующим образом сформулировал этот вопрос: «Появление новых художественных форм и жанров – драматургии, романа, реалистических повестей и рассказов, публицистики, появление новых образов и развитие новых художественных форм изложения – всё это связано с взаимоотношениями таджикской литературы и многонациональной советской литературы, с развитием взаимосвязи и взаимовлияния национальных культур» [111, с. 10].

Лермонтовская поэзия тоже после революции совпала с настроением таджикского народа, который только что сбросил цепи векового феодального гнета. История восприятия Лермонтова в Таджикистане представляет собой процесс поэтапного познания сложного художественного мира русского поэта. Процесс осознания его творчества в таджикском культурном мире гармонируется с основными этапами развития историко-литературного движения в Таджикистане. Именно благодаря непосредственному сотрудничеству отдельных периодических изданий обеих стран, а также личным контактам таджикских и русских литераторов произведения Лермонтова уже в 1930-е годы появляются в таджикской печати. В эти годы из лермонтовского творчества на таджикский язык переводятся не что иное, как романтические произведения («Песня», «Тамара», «Парус», «Демон», «Герой нашего времени» и др.). Эти произведения имели огромный успех среди читателей и оказали большое влияние на таджикскую литературу.

Неразделимой частью успеха поэтического перевода является создание функционально-сходного художественного произведения в ином языковом виде, которое может вызвать родственное подлиннику художественно-эстетическое впечатление. Речь идет не о машинальной передаче форм и смысловых элементов оригинала в другой умственный простор, а встраивании их в соответствии с нормами воспринимающего языка. По современным научным убеждениям, перевод должен приниматься как заслуживающее подлинника оригинальное произведение.

Необходимо отметить, что подробно и равнозначно представить таджикскому читателю творчество по-настоящему национального поэта, как М.Ю.Лермонтов, чья поэзия представляет его как патриота, истинного гражданина, борца за свободололюбивые идеи, явилось довольно сложной задачей для таджикских литераторов. Известно, что без специфического восприятия переводчика, без его оригинального взгляда на автора не может быть настоящего, соответствующего норме перевода. Вместе с тем, взгляд переводчика, его восприятие, его интерпретация с необходимостью должны

подвести к позиции автора подлинника, привести туда, куда хочет повлечь нас сам автор. Лишь только в этом случае перевод может быть безошибочным и равноценным.

Актуальность темы объясняется еще и тем, что, несмотря на богатую историю переводческой деятельности таджиков и факт существования при Союзе писателей Таджикистана Отдела художественного перевода, вследствие влияния общественно-политических и экономических ситуаций в стране переводческое дело развивается медленно. На наш взгляд, для достоверной оценки путей развития таджикской литературы необходимо историко-литературное изучение процесса становления и развития художественного перевода, и частью этого является наше исследование.

Степень изученности темы. Необходимо отметить, что художественный перевод, как один из видов творческого изучения иноязычной литературы и наряду с этим как эстетический феномен, имеющий влияние на собственную культуру переводчика, носит в таджикской литературе исконные традиции и уходит корнями в те времена, когда язык фарси-дари и литература на нем еще не были сформированы. В качестве примера обратимся к эпосу «Шах-наме» Фирдоуси, производной основой которой является хроника Данишвара «Хватайнамак», а также переводы «Калилы и Димны», который по преданию, был переведен с индийского языка на пехлави, с пехлави на арабский и с арабского на персидско-таджикский язык. Позже с арабского на дари были переведены «Истории Бухары» Абубакра Наршахи, «Тысяча и одна ночь» и другие произведения. Это говорит о том, что школа таджикского художественного и научного перевода является носителем богатой истории и традиций. Как отмечает таджикский литературовед М. Зайниддинов: «Таджикская школа художественного перевода существовала с давних времен. Наши предки уделяли этому направлению особое внимание. Даже в IV-III вв. до нашей эры, можно встретить упоминания о переводческой деятельности. Тогда существовала даже большая переводческая школа имени Гунди Шопур, куда

привлекались лучшие преподаватели и полиглоты, которые переводили ценные образцы научных, философских, исторических и литературных произведений мира. Конечно же, это стало хорошей основой для нашей работы и сегодня» [120].

Проблемы художественного перевода на таджикский язык, имеющие разнообразный характер, осуществлялись на протяжении XX века. История таджикского художественного перевода и в связи с ней проблемы взаимосвязи, взаимодействия и взаимообогащения родственных или разнонациональных литератур, в нашем случае - многовековые контакты между таджикской и русской литературой - до настоящего времени малоисследованная проблема в отечественном литературоведении.

К научным исследованиям, рассмотренным в рамках нашей тематики можно отнести монографические работы и научные статьи, посвященные общим проблемам перевода и литературных связей В.Г. Белинского, Л. Гроссмана, В.Н. Комиссарова, Л.С. Бархударова, Г.И. Ломидзе, И. Андроникова, Г. Гачечиладзе, А.З. Розенфельд и других.

Стоит упомянуть о статьях А.З. Розенфельд «Переводы произведений Лермонтова на таджикский язык» [89] и А. Дехоти «Барои сифати баланди тарцимаи асарҳои назм» («За высокое качество перевода поэтических произведений») [107], в которых рассматриваются основные проблемы перевода произведений М.Ю. Лермонтова на таджикский язык.

А также определенный опыт в исследовании проблем литературных связей, взаимодействия, взаимовлияния, взаимообогащения таджикской литературы с литературами других народов мира накоплен таджикскими учеными. Эта проблема всегда находилась в центре внимания таджикских литературоведов, как М. Шукуров, А. Сайфуллоев, Х. Шодикулов, В. Самад, З. Муллоджонова, А. Давронов, М. Зайниддинов и многих других.

При исследовании своей темы мы обратили внимание на труды таджикских литераторов по изучению творчества М.Ю. Лермонтова. Сюда относятся работы Х. Юсуфи «Подшоҳи идрок ва озодӣ» («Царь познания и

свободы») [119], М. Искандарова «М.Ю. Лермонтов. Дар бораи ҳаёт ва эҷодиёт» («М.Ю. Лермонтов. О жизни и творчестве»), [23] Н. Маъсуми «Лермонтов ва эҷодиёти ӯ» («Лермонтов и его творчество») [108] и других. Они содержат подробную информацию о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова на таджикском языке.

В исследовании вопроса влияния М.Ю. Лермонтова на творчество таджикских поэтов ценными являются статьи таджикского ученого Х. Шодикулова «Лермонтов ва шуарои тоҷик» («Лермонтов и таджикские поэты») [117] и «Таронасарои Ватан» («Певец Родины»), которая посвящена теме восприятия М.Ю. Лермонтова Х. Юсуфи [116].

Необходимо упомянуть о научных работах таджикских исследователей: Н.Н. Холмухаммедовой «Западно-восточный синтез в творчестве М.Ю. Лермонтова» [97], предметом исследования которой является влияние Востока на творчество Лермонтова; Х. Холова «История и проблемы перевода лирических стихотворений и прозы А.С. Пушкина на таджикский и персидский языки» [98], затрагивающий вопрос о влиянии М.Ю. Лермонтова на творчество Х. Юсуфи.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время ожидают специальных и динамичных исследований такие вопросы переводческого дела, как теория и практика таджикского художественного перевода, особенности перевода конкретных видов и жанров, а также отдельные стороны навыков переводческой деятельности.

Анализ имеющейся литературы показывает, что проблема выяснения и художественных особенностей таджикского перевода и сравнительно-сопоставительный анализ перевода произведений М.Ю. Лермонтова до сих пор остается малоизученной. К сожалению, до настоящего времени отсутствуют специальные исследования или монографические работы, посвященные этой проблеме.

По этой причине, для всестороннего анализа переводческой культуры XX века с привлечением материала из разных научных областей, вытекает

необходимость сосредоточения в данной работе к многостороннему исследованию истории перевода поэзии М.Ю. Лермонтова на таджикский язык, а именно, особенностей художественного перевода поэтических произведений выдающегося русского поэта.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является изучение воздействия М.Ю. Лермонтова на формирование современной таджикской литературы. Таджикские поэты на протяжении длительного времени проявляли огромный интерес к творчеству Лермонтова, и это явление послужило источником для нашего исследования. Мы также намериваемся провести сравнительный анализ переводов поэзии М.Ю. Лермонтова на таджикский язык и вскрыть их отличительные черты с точки зрения воспроизведения в них национальной окраски, соблюдения грамматических особенностей подлинника, национального колорита переводов поэзии Лермонтова. Автор диссертации ставит перед собой цель подытожить результаты опытов переводов произведений Лермонтова на таджикский язык. Не исключено, что отслеживания и заключения, осуществленные на основе анализа имеющихся переводов произведений русского поэта и прозаика на таджикский язык, могут стать практическим помощником будущим переводчикам Лермонтова, и внесут достойный вклад в теорию художественного перевода.

В диссертационной работе проявляется интерес к восприятию русского поэта М.Ю. Лермонтова в Таджикистане; переводческим публикациям наиболее значимых литераторов исследуемого периода, в которых видны взгляды переводчиков относительно иноязычных текстов.

В процессе исследования были поставлены **следующие задачи:**

- проследить историю перевода произведений М.Ю. Лермонтова на таджикский язык и эволюцию отношения таджикских поэтов и писателей к творчеству классика русской литературы;

- установить этапы и принципы осуществления таджикскими поэтами переводов произведений М. Ю. Лермонтова;
- определить степень эквивалентности перевода стихотворений М.Ю. Лермонтова на таджикский язык с их оригиналом в плане образности и использования средств художественного изображения;
- обозначить характерные особенности созданного в воспеваниях и посвящениях таджикских поэтов образа М.Ю. Лермонтова;
- исследовать этапы развития «таджикского» образа русского поэта в пространстве, относящемся к иной культуре;
- определить наиболее художественно значимые «аналоги» лермонтовских текстов, нетрадиционность индивидуально-творческого осознания художественного мира русского поэта таджикскими переводчиками.

Источниками исследования являются таджикские переводы и вольные переложения поэзии Лермонтова, выполненные таджикскими поэтами-переводчиками Х. Юсуфи, Б. Рахимзода, М. Фархатом, М. Шерали, К. Киромом, А. Адхамом, Г. Келди, Гулрухсором и другими. Их переводы были размещены в сборниках лермонтовской поэзии, изданных в разные времена: «М.Ю. Лермонтов. Шеърҳои интихобшуда» - «М.Ю. Лермонтов. Избранные стихотворения» (1941), «М.Ю. Лермонтов. Асарҳои мунтахаб» - «М.Ю. Лермонтов. Избранные произведения» (1954), «М.Ю. Лермонтов. Чавонии ҷовидонӣ» - «М.Ю. Лермонтов. Вечная молодость» (1964), «М.Ю. Лермонтов. Осори мунтахаб. Ҷ. 1-2.» - «М.Ю. Лермонтов. Избранные произведения». Т. 1-2» (1981), «М.Ю. Лермонтов. Шеърҳо ва дostonҳо» - «М.Ю. Лермонтов. Стихотворения и поэмы» (1981), а также стихотворения таджикских поэтов, посвященные М.Ю. Лермонтову.

В процессе работы автор воспользовался монографиями, статьями, изданными в различных журналах и газетах, таджикскими учебными пособиями по истории таджикской литературы и учебниками по русской

литературе, а также сообщениями в интернете, полный список которых приведен в «Библиографии» диссертации.

Объектом исследования являются таджикские переводы поэтических произведений Лермонтова. Наряду с этим были изучены опубликованные в газетах и журналах указанного периода статьи, суждения таджикских литераторов о личности и творчестве М.Ю. Лермонтова, стихотворения таджикских поэтов, посвященные М.Ю. Лермонтову.

Методологические основы исследования. Диссертационное исследование опирается на аналитический, исторический, сравнительно-сопоставительный и статистический метод исследования в целях выявления особенностей художественного перевода произведений М.Ю. Лермонтова на таджикский язык. В процессе исследования автором за основу взяты труды таджикских и зарубежных ученых по проблемам теории и практике художественного перевода, привлечена литература, посвященная творчеству М.Ю. Лермонтова.

Научная новизна данного диссертационного исследования заключается в том, что в нем впервые в таджикском литературоведении предпринимается попытка многостороннего комплексного изучения произведений М.Ю. Лермонтова в таджикских переводах. В работе изучено совершенствование «переводческого» восприятия русской поэзии посредством таджикских переводов.

Реальный материал, который привлечен в данной работе, в значительной части прежде не изучался или же анализировался частично. Одновременно с оригиналом подвергнуты анализу и соотнесены всевозможная родственность и созвучность между произведениями русского классика и разножанровыми произведениями таджикских литераторов.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что его научные и практические выводы могут быть использованы в будущем для создания новых переложений М.Ю. Лермонтова, и вообще могут применяться при переводе русской

поэзии в целом. Достигнутые результаты также могут быть применены в предстоящих исследованиях по таджикско-русским литературным взаимосвязям, при анализе творчества отдельных поэтов двух литератур. А также материалы диссертации можно использовать для проведения специальных курсов по теории и истории перевода, организации и проведении специальных семинаров, посвященных творческой деятельности М.Ю. Лермонтова. Результаты работы можно нацелить также на преподавание в высших учебных заведениях: лекции по вопросам таджикско-русских литературных связей.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

- Художественный перевод является особенно активным видом литературных связей, который имеет огромное значение для всякой национальной культуры;

- Переводческий процесс в Таджикистане можно разделить на 3 этапа:

1. Начало XX века (30-40-е г.) – появление первых переводов произведений Лермонтова на таджикский язык;

2. Середина XX века (50-60-е г.) – массовые профессиональные переводы русских классиков, высший уровень активности в переводах лермонтовской поэзии;

3. 1970-80-е годы - формирование переводческого дела – теории и практики художественного перевода в таджикской литературе. В эти годы отмечены многообразные тенденции в переводе лермонтовской поэзии. Г. Келди, Гулрухсор, А. Адхам, К. Киром и многие другие поэты в этот период явились представителями разных принципов перевода;

- Художественные произведения также как и литературные переводы должны анализироваться на более качественном уровне, чтобы это могло способствовать развитию и литературоведения, и переводоведения в Таджикистане.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на совместном заседании кафедры русской и мировой литературы и теории и истории литературы Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни (протокол № 4 от 02. 04. 2019 года). Основные положения работы нашли свое отражение в выступлениях автора на международных и республиканских научных конференциях, а также в статьях, опубликованных в научных изданиях, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации и в республиканской печати.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, состоящих из разделов, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

1.1. ЭТАПЫ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

Таджикская переводческая школа, начало которой, как уже говорилось, было положено в давние времена, окончательно складывается в середине XX века. Промежуточные этапы этого длительного процесса имели определяющее значение для формирования современной теории художественного перевода.

Как отмечает известный таджикский литературовед Хамрокул Шодикулов: «Первые переводы стихотворений М.Ю. Лермонтова на таджикский язык, появились в 30-е годы». [100, с. 8]. С этого времени таджикские литераторы начинают проявлять усиленный интерес к переводу наследия Лермонтова, которое мы условно разделили на три этапа.

Первый этап истории перевода поэтических произведений Лермонтова на таджикский язык относится к 1930-1940-м годам. В это время заинтересованность русской литературой была лишь у определенного круга читателей. Самым знаменательным событием данного этапа является издание сборника «Лермонтов М.Ю. Шеърҳои интихобшуда» - «Лермонтов М.Ю. Избранные стихотворения» (1941). Как отмечает литературовед А. Сайфуллоев: «В литературной жизни 30-х годов художественный перевод занимает особое место. До этого переводческое дело никогда не имело такой близости с творческим опытом писателей, никогда не выполняло полностью воспитательную и просветительскую задачу. Перевод ускорял развитие таджикской литературы. Привлекательно, что на первом месте стоял перевод русской литературы» [111, с. 15].

Второй этап сводится к 1950-1960-м годам. Функционирование школы переводчиков под руководством Айни и Лахути, формирование поколения профессиональных переводчиков привело к массовой переводческой

деятельности. Издание сборников «М.Ю. Лермонтов. Асарҳои мунтахаб» - «Лермонтов М.Ю. Избранные произведения» (1954 г.) и «М.Ю. Лермонтов. Чавонии ҷовидонӣ» - «М.Ю. Лермонтов. Вечная молодость» (1964 г.) стало кульминационным моментом этого этапа.

Третий этап истории таджикских переводов поэзии русского поэта приходится к началу 1970-х и 1980-м годам. В это время повысилась издательская культура, которая привела к более обоснованным и качественно исполненным изданиям переводов таджикских поэтов: так в этот период вышел в свет сборник в двух томах «М.Ю. Лермонтов. Осори мунтахаб» - «М.Ю. Лермонтов. Избранные произведения» (1981 г.). Перевод и издание шедевров русской поэзии на таджикский язык приобрели требуемого уровня. С течением времени Мумин Каноат, Лоик Шерали, Бозор Собир стали продолжателями традиций переводческих школ А. Лахути и Х. Юсуфи.

Нами установлено более 200 переводов стихотворений М.Ю.Лермонтова. Эти переводы осуществлены 15 переводчиками. В диссертации в той или иной мере анализируются тексты 30 переводов и результаты работ 10 переводчиков.

Художественные переводы играют важную роль в литературных связях и в развитии культур двух государств. «Укрепление литературных связей таджиков с другими народами, - отмечает литературовед М. Зайниддинов, - напрямую зависит от развития сферы художественного перевода» [120].

О значении перевода в сплочении народов, а также в обогащении многонациональной советской культуры свидетельствуют и программные положения партийных документов. ЦК КП (б) Таджикистана 10 июля 1932 г. принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций и организации Союза советских писателей Таджикистана» [85, с.17]. Это постановление имело огромное значение в объединении творческих сил мастеров поэтического слова. Образование новой организации писателей сыграло важную роль в формировании таджикской литературы, в привлечении одаренных представителей молодого поколения в

ряды поэтов, писателей, драматургов. Творчество молодых авторов в основном было посвящено новой жизни таджикского народа.

На Первом съезде советских писателей, который прошел в августе 1934 года в Москве, принимали участие основоположник современной таджикской литературы С. Айни и поэт А. Лахути, а также молодые писатели Таджикистана. Этот съезд сыграл немаловажную роль в формировании таджикской литературы. Съезд писателей возглавлял М. Горький. Он в своем выступлении подчеркнул роль переводческой деятельности литераторов национальных республик.

Молодые литераторы решили проверить свои силы в переводе произведений русских и зарубежных классиков. Это было необходимо для воспитания масс в духе дружбы и уважения к другим народам. В Таджикистане была создана специальная группа переводчиков под руководством А. Лахути (1933 г.). Немного спустя, на таджикский язык были переведены «Мои университеты», «Детство», «В людях» Горького. Молодой талантливый поэт Х. Юсуфи в 1939 году перевел поэмы Пушкина «Кавказский пленник», «Братья разбойники» и «Демон» Лермонтова на таджикский язык.

В настоящий момент важным вопросом является исследование перевода отдельных жанров и видов из творчества М.Ю. Лермонтова. По причине того, что его поэзия и особенности ее перевода на таджикский язык является в данной работе объектом изучения, возрастает необходимость в совершении краткого отступления с целью предоставления информации об истории изучения данного вопроса. Это явление может содействовать глубокому научному изучению специфики перевода поэзии Лермонтова, форм и принципов перевода, таланта переводчика и, конечно, сравнительному анализу языковых гармоний текстов подлинника и перевода. Поэтому первая глава нашей работы посвящена истории перевода поэтических произведений М.Ю. Лермонтова.

Следует отметить, что поэтические произведения с разнообразными жанрами составляют основополагающую часть литературного наследия Лермонтова. Поэт был последователем традиций гражданской поэзии декабристов и Александра Сергеевича Пушкина. Он мастерски использовал все способы поэтического искусства абсолютно во всех признанных лирических жанрах и этим приумножил лексическое богатство великого русского языка.

Для того, чтобы читатель мог более ясно вообразить причину тонкого мироощущения и лирического строя души Лермонтова, перед тем, как начать изучение лирики поэта, считаем уместным вспомнить о его родословной.

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в 1814 году в семье офицера, который происходил из рода обедневших дворян. Его воспитывала бабушка. У нее в усадьбе в Тарханах прошло всё детство Лермонтова. Бабушка безмерно любила его и не жалела на его образование денежных средств, поэтому будущий поэт получил прекрасное домашнее образование. Учась в Московском университетском благородном пансионе (1828-1830 гг.), Лермонтов начинает писать стихи, которые впервые были опубликованы в альманахе воспитанников пансиона «Цефей». В период с 1828 г. по 1832 год он написал 15 поэм («Последний сын вольности», «Измаил-Бей», «Кавказский пленник» и др.), три драмы («Люди и страсти», «Испанцы», «Странный человек»). В 1829 году поэт написал первую редакцию поэмы «Демон». Известным имя поэта сделало стихотворение «Смерть поэта» (1837).

Русский поэт Александр Блок, написал: «Наследие Лермонтова вошло в плоть и кровь русской литературы» [121], а известный таджикский литературовед Х. Шодикулов отметил, что «чудесные творения Лермонтова дороги для нас так же, как поэзия Рудаки, Джамии, Камола и других классиков таджикской литературы» [100, с. 8]. Хотя для начинающего поэта были неизбежны влияния, у Лермонтова даже в ранних стихах проглядывается

собственный стиль, к которому можно отнести такие произведения, как «Монолог» (1929 г.), «Дума» (1838 г.).

Ещё в ранней лирике он пишет стихи, переполненные раздумьями о жизни и смерти, о добре и зле, о смысле существования, о любви и верности, о минувшем и грядущем: «Боюсь не смерти я. О нет! Боюсь исчезнуть совершенно» [10, с. 135]. Как тонко отмечал Л.П. Гроссман, «юношеские стихотворения Лермонтова поражают читателя разнообразием размеров, жанров, строфических типов, тонких и сложных приемов гармонизации поэтической речи. Все это строфическое, жанровое и метрическое богатство юноши Лермонтова, не говоря уже о его поразительных по своей смелости ритмических опытах и приемах звукописи, изумляет даже при сопоставлении с творческой историей самых великих поэтов» [72, с. 685].

Лермонтов мечтал о яркой и удивительной жизни. Свободные и гордые герои, люди пылкого сердца, могучей воли были плодом его творческой фантазии. Эти люди преданны клятве и могут умереть за родину, за вольнолюбивые идеи, за преданность самим себе. Таким является и Мцыри – «любимый идеал» поэта, а также лирический герой стихотворения «Парус» - непокорный, тревожный, ищущий «...А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!» [10, с. 390].

Энергичный, патриотический дух поэзии Лермонтова, ее поэтичность, романтическое воображение, простота созвучная с изящной непревзойденной формой, в конечном итоге, поразительная музыкальность его стихотворений и прозы – это всё относит Михаила Юрьевича Лермонтова в один ряд с величайшими писателями мира.

Стихи, написанные Лермонтовым о любви к природе, к Родине, прекрасны, они написаны изысканной красотой восприятия, от них читатель приходит в восторг. Например, в стихотворении «Выхожу один я на дорогу», поэт создает сложные метафорические картины:

...Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит... [10, с. 543].

Данные строки свидетельствуют о том, что Лермонтову дано было видеть мир с высот. Он слышал, как «пустыня внемлет богу» и «звезда с звездой говорит».

В течение всей своей короткой жизни у Лермонтова было невероятно остро сформировано чувство рока. Поэт в стихотворении «Сон», которое было написано незадолго до его гибели, предвозвестил о своей смерти. Сюжет стихотворения охватывает точно те события, которые позже произойдут под горой Машук: «В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я...» [10, с. 530].

Действительно эти слова являются реальными, пророческими. Поэт трагически погиб в расцвете сил, оставив после себя неоценимое наследие. Его жизнь была короткой, но яркой и насыщенной. Русский писатель и поэт И.А. Бунин за три дня до своей смерти признавался: «Я всегда думал, что наш величайший поэт был Пушкин. Нет, это Лермонтов! Представить себе нельзя, до какой высоты этот человек поднялся бы, если б не погиб двадцати семи лет» [123]. Народная любовь к Лермонтову никогда не уменьшится, бессмертный и навсегда молодой поэт будет жить в сердцах читателей, пока живы его творения.

Каждое произведение Лермонтова – это новое слово в литературе. Известный критик В.Г. Белинский в своей статье «Стихотворения Михаила Лермонтова» справедливо отмечает: «Талант Лермонтова поражает невольно удивлением всякого, у кого есть эстетический вкус» [124]. Х. Шодикулов о переводах произведений русского поэта на таджикский язык подчеркивает, что «эти переводы воспринимаются не как пересаженные деревья, которые трудно переносят жизнь в новом климате, а как возвращенные на почве таджикской литературы создания» [100, с. 8].

Эту мысль подтверждают следующие строки из стихотворения «Совет» («Маслиҳат»):

Чун ғам ба сари ту ояд, эй дӯст,
Бо хеш мапечу дил қавӣ дор,

Поянда чу нест кулфату ғам,
Беҳуда мадеҳ дили худ озор.

Аз нозу итоби духтарона,
Аз шасту шитоби нангу номус,
Маънос нашав, ки кӯр гардад,
Дар панҷаи гардиши шабу рӯз.

Аз нафси зиёда даст баршӯй,
Бар ҳарчи ки ҳаст, кун қаноат,
Ҳар як дами шодӣ дон ғами май,
Хоҳӣ ту, нахоҳӣ ғам биёяд.

Озори касон маҷӯй, додар,
Худро ба қатори мардумон дор,
Имрӯз касе намояд ар бад,
Фардо дили ту шавад гирифтор.

Гапношунаву фалокат – ин дил,
Бо ин ҳама зистан тавонӣ,
Ҳар шӯру шари чавонии ту
Худ паст шавад ба зиндагонӣ.

Перевод М. Шерали [34, с.32].

В данном стихотворении, наполненном оптимистическими нотами, Лермонтов говорит, что всегда надо верить в лучшее: «все с годами пронесется – улыбнись и разгустись» и надеяться на позитивный исход: «сердце... наконец находит счастье». В стихотворении «Совет» доброжелательное слово «друг» поэтом было адресовано к сверстникам: «Если, друг, тебе сгустнется, / Ты не дуйся, не сердись: / Все с годами пронесется - / Улыбнись и разгустись» [10, с. 95].

В следующем стихотворении «Чаша жизни» («Ҷоми ҳаёт»), которое напоминает дуновение хайямовского вина, поэт говорит:

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами... [10, с. 214].

Перевод:

Май зи ҷоми зиндагӣ нӯшем мо,
Чашми худ пӯшидаву бе мову ман.
Карда тар лабҳои заррин ҷомро
Бо сиришки дидағони хештан...

Перевод М. Фархата [30, с.64].

Опираясь на вышеуказанные строки, есть необходимость упомянуть рассуждение М. Искандарова о творчестве Лермонтова: «Стихи и поэмы Лермонтова призывают народ к мужеству, к борьбе и героическим поступкам. Он сам такой героический поступок совершил на литературном фронте: продолжил дело и традиции великого Пушкина и декабристов» [30, с. 3].

Нижеприводимый отрывок, в котором очевидна высокая идея, доказывает изречение ученого. В стихотворении «Из Андрея Шенье» поэт возглашает:

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу... [10, с.325].

В стихотворении «К*» («Ба»), переполненном признанием в любви и чувствах, Лермонтов пишет:

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою,

Хоть пути не кончить им вдвоем!.. [10, с.366].

Перевод:

Аз тасодуф якдигарро ёфтем,
Хешро дар якдигар бишнохтем.
То ба охир гарчи ҳамдам нестем,
Ҳар ду бо як сӯз дил бигдохтем...

Перевод Б. Фируза [34, с.46].

Главной темой стихотворения «Желание» является тема родины и его герой мечтает о свободе, что говорит о свободолюбивом духе автора:

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?.. [10, с.199].

Михаил Юрьевич Лермонтов автор первого в русской прозе социально-психологического романа «Герой нашего времени». История создания романа интересна тем, что автор после прочтения «Евгения Онегина» вдохновился и решил написать подобное ему произведение. Найти суть существования и целенаправленно двигаться к цели – этому учит произведение Лермонтова. В романе все направлено на разоблачение «истории души человеческой». Роман состоит из пяти глав: «Бэла», «Максим Максимыч», «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист».

М.Ю. Лермонтов является последователем пушкинских традиций. Но его произведения имеют другое звучание. Ощущение грусти и подавленности, горести и раскаяния, красящие поэзию Лермонтова, стало причиной разгрома его общественно-политических идеалов. Поэт пламенно любил Россию, но он жил в страшное время, поколение 30-х годов XIX века считалось «потерянным». Поэтому поэт решил обратиться к славному прошлому русского народа, написав гимн русским людям - «Бородино»:

И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в бородинский бой... [10, с.410].

Перевод:

Биёед, мо ҳам супорем чоңро,
Бидодем дар чоңдихӣ ваъдаҳо мо,
Қасамро намудем мардона иҷро...

Перевод М. Фархата [30, с.112].

Ещё одно произведение, в котором поэт протестует против устаревших взглядов высшего общества – это стихотворение «Смерть поэта». Стихотворение связано с гибелью А.С. Пушкина. Оно было написано в порыве отчаянности и стремления к правосудию. Смерть поэта очень сильно потрясла Лермонтова. Произведение «Смерть поэта» нашло горячий отклик в сердцах людей, оно переписывалось в сотнях экземплярах:

...Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!.. [10, с. 412].

Эти строки не могли не встревожить царя, он вскоре сослал Лермонтова на Кавказ.

Перевод:

Истода пуртамаъ ҳама дар гирди тахти шох,
Эй қотилони шавкату озодии даҳо,
... натавонед он замон
Шустан ба хуни тираи ҷисми разилатон,
Маъсум хуни шоири бечурм мурдаро!..

Перевод Х. Юсуфи [34, с.5].

По словам русского поэта и критика С.А. Андреевского, «родиной Лермонтова является небо, ровно простирающееся на запад и на восток» [129]. У Лермонтова любовь к России крепко связана с сильными чувствами

к Кавказу. Поэт отлично знал Кавказ и любил его всем сердцем. В лучших его стихах и поэмах таких как «Восточные повести», «Ангел смерти», «Измаил-бей», «Хаджи Абрек», «Аул Бустанджи» а также в романе «Герой нашего времени» открываются перед нами красоты Кавказа, которые с детства пленили поэта. Не зря тема Востока становится любимой темой в творчестве Лермонтова. В 1830 году шестнадцатилетний Лермонтов написал стихотворение «Кавказ», в котором отразил свои воспоминания об этом удивительном крае и выразил свою любовь:

Хотя я судьбою на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ! [10, с. 75].

Перевод:

Агарчи қисмат аз ман лаҳзаҳои субҳи фирӯзӣ,
Шумо, оҳ, кӯҳсорони чанубиро ҷудо кардааст.
Барои то абад ёдоварӣ он ҷо будан шарт аст,
Аҷаб ман дӯст медорам туро, Кавказ!

Перевод А. Сафарзода [40, с. 3].

«Немецкий переводчик Лермонтова Боденштедт считал, что русский поэт в своих стихах выполнил научное открытие в области природы. В предисловии к переводу стихотворений Лермонтова он пишет: «Пусть назовут мне хоть одно из множества толстых географических, исторических и других сочинений о Кавказе, из которого можно бы живее и вернее познакомиться с необычайной природой этих гор и бытом их населения, чем из какой-нибудь кавказской поэмы Лермонтова» [122].

Общеизвестно, что за длительное время своего существования народы всего мира поддерживали связь друг с другом в области культурного и духовного наследия. Вот что пишет об этом литературовед В. Самад: «Ни

одна литература не может формироваться и развиваться без литературных и культурных связей с другими народами. Нельзя не согласиться с этим ярким историческим и литературным фактом» [110, с. 3].

«Источниками сведений Лермонтова о творчестве персидско-таджикских классиков, - сообщает исследовательница Наргис Холмухаммедова, - были не только русская периодическая печать и литературные источники, но и уроки известного востоковеда В. Болдырева, которые он получил во время учебы в Московском университете» [112, с.34].

О связи русского поэта с Востоком Х. Холов пишет: «Можно предположить, что Лермонтов пользовался животворящими силами мировой и персидской литературы. Равным образом он тоже оказал большое влияние на последователей Фирдоуси и Саади» [98, с. 171]. Это говорит о том, что таджикские литературоведы тоже уделяют внимание рассматриваемому вопросу. Причиной этому может быть то, что М.Ю. Лермонтов пишет в стихотворении «Валерик»:

...И молча зло переносу,
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольню сблизили... [10, с.497].

В ряду сказанного о любви Лермонтова к Кавказу хочется подчеркнуть, что поэт восхищался мужеством и воинскими качествами кавказцев, потому неудивительно, что этот образ занимает значительное место в его творчестве («Аул Бустанджи», «Хаджи Абрек», «Каллы», «Измаил-бей» и др.).

Велика заслуга Лермонтова, как и Пушкина в упрощении русского языка. Об увлекательности языка Лермонтова спустя 50 лет А.П. Чехов говорит: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах, - по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать» [70, с.298].

Лермонтов, как и Пушкин, отказался употреблять архаизмы (но это в ранних стихах наблюдается). Следуя традициям Пушкина, в своих произведениях широко использовал источники простонародной речи. Этот момент особенно ярко наблюдается в произведении «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Само создание произведения такого характера является доказательством кровного родства духа поэта с народным духом:

...Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие:
То за трепезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич... [11, с.415].

Перевод:

...Ба гардун офтоб аз нур монда,
Ба як сӯ абрҳо маҳчур монда.
Иван Васильевич бо родмардон
Нишаста дар сари хони пуравлон...

Перевод Б. Фируза [33, с. 103].

Лермонтов был влюблен во все, что связано с народной жизнью. Например, в стихотворении «Родина» поэт с наслаждением наблюдает за крестьянским праздником:

И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под пьяный говор мужичков. [10, с. 509].

Перевод:

Бегаҳи шабнамгирифта идҳо
Ҳозирам то ними шаб созам нигоҳ
Рақси покӯбону ҳуштак бо сафо,

Гуфтугӯи маст деҳқонони роҳ...

Перевод А. Адхама [34, с.66].

Эти строки, наполненные любовью к Родине, исходят из глубины души поэта. Поэтому прекрасные стихотворения поэта стали настоящими шедеврами русской литературы и памятником гению русской поэзии.

Произведения Лермонтова, таджикскому народу по-настоящему стали доступными лишь после Октябрьской революции. Большую роль в этом сыграли переводы его произведений на таджикский язык. Чтобы донести до таджикского читателя всю красоту лермонтовской поэзии, нужно было осуществить колоссальный переход в культурном и эстетическом формировании народа. Именно это стимулировало представителей таджикской литературы на высокую подготовленность и утомительный труд. Творчество Лермонтова было необходимым элементом, как в эстетическом формировании народа, так и в формировании национальных литератур.

Как уже отмечалось, первые переводы стихотворений М.Ю.Лермонтова на таджикский язык, появились в 30-е годы. Первым переводчиком был Сухайли Джавхаризаде. В 1935 году он перевел «Песню» и отрывок из поэмы «Демон», вышедший под названием «Тамара».

В 1936 году вышел перевод романа «Герой нашего времени», относящийся перу Вадуда Махмуда. Роман в этом переводе издавался шесть раз: дважды в Ленинградском отделении Таджгиза в 1936 году. Редактором последнего издания был Мухаммед Амин Гафуров, выпускник ЛГУ, погибший на фронте. Два других издания вышли в Сталинабаде в 1941, 1953 гг. А в 1977 и 1978 годах роман переиздавался по выпуску – Таджикгосиздата 1953 года в Душанбе под редакцией Бахрома Фируза, с иллюстрациями В. Безушко.

Широкое ознакомление таджикских читателей с поэзией Лермонтова началось с переводов Хабиба Юсуфи. «В 1940 году, в Ленинградском отделении Таджгиза был издан перевод «Демона» Лермонтова (М. Ю.

Lermontov. Iblis) на таджикском языке с латинским алфавитом и, немного спустя, в 1941 году вышел первый сборник его избранных стихотворений (Для таджикского языка в 1928 году вместо арабского алфавита был принят латинизированный алфавит, которым пользовались до 1940 г. С 1940 года таджикская письменность была переведена на новый алфавит на основе русской графики)» [89, с.399]. Редактором этих книг был молодой одаренный журналист и переводчик Абдушукур Пирмухаммад-заде.

В сборник 1941 года вошли лучшие творения М.Ю. Лермонтова: «Парус» («Бодбон»), «Два великана» («Ду пахлавон»), «Смерть поэта» («Вафоти шоир»), «Узник» («Бандӣ»), «Три пальмы» («Се нахл»), «Прощай, немытая Россия» («Хайр, нопок Руссия, падруд»), «Казачья колыбельная песня» («Аллаи зани казак») и др.

С начала пятидесятых годов над переводами произведений Лермонтова стали заниматься талантливые поэты Таджикистана Б. Рахимзода, М. Фархат и другие.

В 1949 году была переведена и издана отдельной книгой поэма «Мцыри». Поэма несколько раз переводилась и переиздавалась в 1941, 1948, 1949, 1958, 1968, 1971, 1981 годах.

Поэтические и прозаические шедевры М.Ю. Лермонтова начинают широко изучать в таджикских школах. Переводы сразу же размещались на страницах «Хрестоматии таджикской литературы». Еще в 1939 году в книгу Самандарова и Бехбуди «Хрестоматия по литературе XIX века» была включена повесть «Бэла», затем в хрестоматию 5-6 классов вошли «Три пальмы», «Смерть поэта», «Парус» и другие творения поэта.

В 1951 году под редакцией Р. Хади-заде выходит однотомник избранных произведений поэта. Необходимо отметить, что издание многих таджикских книг, как в оригинале, так и переводных является огромной заслугой Ленинградского отделения Таджикгосиздата.

Следует отметить, что каждый из переводчиков старался наибольшей точностью донести до таджикского читателя и тему, и поэтичность

лермонтовского стиха. Таджикские переводы лермонтовских произведений помещались на страницах журналов «Шарқи Сурх» («Красный Восток»), «Машъал» («Факел»), газет «Коммунист Таджикистана», «Тоҷикистони сурх» («Красный Таджикистан»), «Маориф ва маданият» («Просвещение и культура»), «Пионери Тоҷикистон» («Пионер Таджикистана»), «Ҷавонони Тоҷикистон» («Молодежь Таджикистана»), «Адабиёт ва санъат» («Литература и искусство») и др. Из года в год росло число переводов произведений Лермонтова. Как отмечает А. Сайфуллоев: «Переводы являются свидетельством того, что таджикская литература начинает все больше обращаться к русской классической литературе, растет число авторов, меняется сам характер интереса к русской литературе – он становится источником осведомленности и художественного творения» [111, с. 16].

В октябре 1952 года по инициативе Союза советских писателей Таджикистана, Института языка и литературы Академии наук, Таджикского государственного издательства в Сталинабаде (нынешний Душанбе) было проведено совещательное заседание по вопросам перевода художественной литературы. В совещании по вопросу о проблеме перевода прозаических произведений выступил главный редактор Государственного издательства Таджикистана Х. Ахрори и о состоянии перевода поэтических произведений выступил заведующий секцией поэзии Союза советских писателей Таджикистан А. Дехоти. На собрании ряд писателей, переводчиков, научных деятелей, представителей прессы и различных издательств говорили о достижениях, недостатках и ошибках переводчиков многих художественных произведений, об улучшении переводческого дела. В свою очередь по вопросам перевода произведений из русского языка и языков других народов были высказаны ценные мысли и предложения. В частности, было сказано: «Литература народов СССР развивается под непосредственным воздействием русской литературы и, не изучив русскую литературу и русских писателей, культурная жизнь народов многонационального СССР не

может успешно идти вперед. Поэтому проблема перевода художественных произведений в настоящее время превратилась в дело государственного значения» [107, с. 101-112].

В этой связи хотелось бы отметить, что сразу же после этого собрания в журнале «Шарқи сурх» («Красный Восток») появляются статьи Х. Ахрори «Дар бораи баъзе масъалаҳои тарҷумаи наср» («О некоторых вопросах перевода прозы») и А. Дехоти «Барои сифати баланди тарҷимаи асарҳои назм» («За высокое качество перевода поэтических произведений»). В своей статье таджикский писатель и поэт А. Дехоти высказался относительно переводов таких произведений Лермонтова, как «Смерть поэта» («Вафоти шоир»), «Демон» («Иблис»), «Парус» («Бодбон»), «Боярин Орша» и других, выполненных поэтом Хабибом Юсуфи. А. Дехоти не отметил в них никаких недостатков и признал переводы «успешными и соответствующими форме и содержанию текста оригинала». *«Если представим себе, что таджикская литература - это река, то художественные переводы из языка великого русского народа являются каналами, которые присоединяясь к этой реке, делают ее полноводной и ее течения все более сильным»*, - пишет А. Дехоти в названной статье [107, с.103].

В 1964 году в Таджикистане был отмечен 150-летний юбилей Лермонтова. Это был день великого торжества культуры и обернулся в выражение братства народов. В том же году, также как и в других республиках бывшего Советского Союза, в Таджикистане проводились мероприятия культурного характера. В Душанбе, Ленинабаде (нынешний Ходжент), Пенджикенте и других городах и поселках Таджикистана были открыты книжно-иллюстративные выставки, посвященные этому юбилею. Большая книжно-иллюстративная выставка проводилась в Государственной библиотеке имени Фирдоуси. А также в честь данного юбилея были организованы экскурсии по лермонтовским местам. Примером этому может послужить заметка В. Рыжакова, появившаяся в газете «Коммунист Таджикистана» (1964 г., от 15 октября, №242 (10289)). «И цветы тебе и

любовь» так называется рассказ корреспондента из Пятигорска, в котором говорится о таджикских студентах, посетивших лермонтовские места в Пятигорске. Они спешили поклониться священным местам, где боролся, творил и погиб Михаил Юрьевич Лермонтов. Цветы, возложенные ими к подножию памятника Лермонтова, были украшены ленточками с надписью: «Скромные цветы от таджикских юношей и девушек, поручику Лермонтову, маршалу русской литературы, дань любви и благоговения». Один из этих студентов был из Куляба, и в беседе с корреспондентом, он признается, что вспомнил родной Куляб. «Однажды учительница русского языка прочитала строки: «Часто во время зари я глядел на снега и далёкие льдины утёсов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу все темно, возвещали прохожему утро...», которые помню, и сейчас. Я слушал учительницу и удивлялся: откуда Лермонтов знал наш горный край? Оказалось – эти строчки были о Кавказе».

Из вышесказанного следует, что образ восточного человека, восточной культуры, образ кавказских гор из лермонтовских произведений оказались созвучны с таджикскими стихами и близки отечественному читателю тем, что напоминают таджикские горы.

К данному юбилею Лермонтова был выпущен сборник «Вечная молодость» («Чавонии човидонӣ»). Это небольшого формата книжка, в ней представлено предисловие М. Искандарова и иллюстрации Туренко. В книгу включены лучшие произведения великого поэта, являющиеся вершинным достижением русской литературы. Переводы стихотворений принадлежат двум поэтам – Боки Рахимзода и Мухиддину Фархату. Все вошедшие в этот сборник стихотворения Лермонтова, помимо нескольких раньше переводившихся Хабибом Юсуфи стихов, на таджикском языке печатались впервые. Из включенных в книгу 64 переводов 39 относятся Боки Рахимзода и 25 Мухиддину Фархату, последний перевёл и поэму «Последний сын вольности» («Писари вопасини озодӣ»).

А уже в годы независимости, в 2014 году, в Таджикистане отметили 200-летие со дня рождения поэта. Были проведены торжественные заседания, конференции и литературный вечер в честь поэта в театре имени В. Маяковского.

Итак, из литературного наследия Лермонтова на таджикский язык переведено свыше 200 стихотворений, 14 поэм, «Герой нашего времени», «Ашик-Кериб». К числу вторично переведенных стихотворений и поэм Лермонтова относятся: «Бородино», «Песня», «Желание», «Черны очи», «Звезда», «Смерть поэта», «Утёс», «Морская царевна», «Мцыри» и другие. Перевод наследия Лермонтова может предоставить огромный материал для выявления множества проблем, которые относятся к взаимовлиянию художественного опыта разных национальностей. Следует отметить, что еще многие творения Лермонтова, такие как «Сашка», «Сказки для детей», «Две невольницы», «Поле Бородино», «Первая любовь», «К Гению», «Воля» и другие остались за чертой внимания таджикских переводчиков. На наш взгляд, для современных переводчиков перевод всего творческого наследия М.Ю. Лермонтова на таджикский язык является высокопоставленной задачей.

Волнительные, глубоко проникновенные стихи Лермонтова никого не оставляют равнодушным. Творчество Лермонтова – это одна из прекраснейших страниц русской литературы. Радостно видеть в доме таджикского читателя рядом с книгами Джамии, Айни, Турсунзаде книги мятежного русского поэта. Это свидетельство широкого признания его творчества в народе, это и убедительное свидетельство роста культуры народа, который приобщается к сокровищнице мировой культуры. Из современников переводами Лермонтова занимаются гениальные таджикские поэты, истинные мастера слова Гулназар Келди, Гулрухсор, Фарзона и др.

Любопытство таджикских поэтов к поэтическому наследию Лермонтова было вызвано желанием познать и изучить мастерство великого

художника слова. Так сравнительный анализ творчества русского стихотворца показало, что главной приоритетной темой его творчества была воспитательная и эстетическая. Бурный интерес у творческого сообщества вызвали его революционные мысли, призывающие к любви Родине, патриотизму. Можно с уверенностью сказать, что данный интерес не прошел даром – он дал свои плоды, что в свою очередь, требует серьезного литературоведческого исследования. Тем более, что за многие годы собралась не маленькая теоретическая база.

1.2. ХУДОЖЕСТВЕННО-СТРУКТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ХВАЛЕБНЫХ ОД, ПОСВЯЩЕННЫХ М.Ю. ЛЕРМОНТОВУ

Безусловно, таджикские писатели и поэты испытывали глубокое почтение к личности Лермонтова, были в восторге и ценили творения великого мастера слова. Настоящая закономерность стала причиной формирования новой национальной поэзии и устранения ставших традицией отношений к стихосложению.

Следующий вопрос нашего исследования – это тема воспевания М.Ю. Лермонтова и хвалебные оды, написанные таджикскими поэтами в его честь.

Поэзия талантливого сына России завоевала большую любовь у таджикских читателей. Впервые с его произведениями таджикский читатель знакомится в школьном учебнике и на всю жизнь запоминает их, потому что они формируют мировоззрение школьников. Потому таджикские поэты посвятили много стихотворений Лермонтову, в которых воспевается гений поэта.

Стихотворение «В сердце жив» (1964 г.), посвященное М. Лермонтову, написал известный таджикский поэт Бобо Ходжи, который являлся заведующим редакцией художественно-переводной литературы издательства «Ирфон». В своем стихотворении он описывает качества русского поэта, говорит о бессмертном духе Лермонтова:

О, Россия!
Край дерзких свершений, любви и мечты,
Край великих талантов и мудрых людей,
Я приехал к тебе с бадахшанской седой высоты,
Чтобы память почтить одного из твоих сыновей.
Я приехал к тебе из далёкого края поэтов,
Где творил Камол незабвенный, Сино и Рудаки.
Я приехал к тебе, чтобы дружбой горячей согретый,

Возложить свой венок – бадахшанские розы ярки.
Злая пуля разбила певучую, страстную лиру,
Только славу поэта враги истребить не смогли.
Он был песней народа и ныне звенящий над миром,
И её не убить, как нельзя уничтожить земли.
Жив поэт в сердце юноши, в сердце глубокого старца,
В человеческой памяти Лермонтов вечно живёт.
На любом языке его песнь никогда не состарится,
Мир, влюблённый в него, ему вечную славу поёт! [19, с.8].

В начале стихотворения Бобо Ходжи восхваляет Россию, назвав её «краем великих талантов и мудрых людей». Поэт сравнивал Лермонтова с народной песней и с землей, которых невозможно уничтожить. В стихотворении «В сердце жив» Бобо Ходжи выражая чувства уважения к личности Лермонтова, указывает на дружбу таджикского народа с русским народом.

Так как в период 60-80 гг. XX века наблюдается повышенный интерес к переводческому делу и к творчеству Лермонтова, вопрос о посвящениях и хвалебных одах, написанных в честь Лермонтова, занимает особое место в нашей работе. Важно отметить, что каждое стихотворение имеет свои особенности, но в то же время в их структуре присутствует некоторая общность. Потому в данной работе для получения более ясного представления о значении поэзии Лермонтова для таджикской литературы возникает необходимость анализировать посвящения поэтов Мумина Каноата, Бобо Ходжи, Баде Жола и других, написанные в исследуемый период.

Образ Лермонтова, как певца могущественного духа русского народа, является символом его исторического призвания. Это четко отражено в посвящениях таджикских поэтов. Автором следующей оды, под названием «Сын России», является известный таджикский поэт Мумин Каноат (1932-

2018). Поэт внес огромный вклад в развитие литературы современного Таджикистана. Наиболее значительные произведения Мумина Каноата «Голоса Сталинграда» (1971 г.), «Мелодии Ширази» (1971 г.), «Моё имя – Таджикистан» (1974, в русском переводе «Материнский лик»). Перед тем, как написать посвящение Лермонтову, поэт занимался переводческой деятельностью и лишь после того, как он созрел, он создал свое произведение:

Навылет пуля –
И разбито сердце
Об камень зла.
И песнь оборвалась...
В одно мгновенье вся любовь эпохи
На землю честной кровью пролилась... [1, с. 8].

Называя Лермонтова «любовью эпохи», таджикский поэт, выражает свое убеждение о том, что имя великого поэта люди будут помнить вечно, а источником постижения и освоения искусства художественного мастерства в течение многих веков может послужить его поэзия. Действительно, почтение к личности Лермонтова в стихотворении М. Каноата передается ярко и выразительно:

Всё было в пуле:
Подлость и коварство,
И клевета, и ненависть врагов.
А у него в груди –
И гнев, и песня,
И к Родине сыновняя любовь.
Любовь его живой водою стала,
А кровь цветущей степью ожила,
Травой на ветру заволновалась,
Тюльпанами на взгорьях проросла.

Он здесь упал,
Но никогда не властна
Над ним крутого времени река [1, с. 8].

Мумин Каноат и Лоик Шерали после А. Лахути, Х. Юсуфи были продолжателями традиций переводческих школ русской поэзии. Для М. Каноата поэзия оценивалась как высшее призвание, вольное служение народу, служение духовности. Суждения и идеи, на которых основана лермонтовская поэзия, в какой-то степени родственны М. Каноату.

А также поэт М. Хайдаршох, для которого Лермонтов был вдохновителем, в стихотворении «Дар назди хайкал» («У памятника»), опубликованном в газете «Тоҷикистони Советӣ» («Советский Таджикистан», 1983, от 27 февраля, № 242 (10289)), строит сюжет вокруг сцены смерти Лермонтова, и называет его стихи величественными и певучими («пуртамкину хушоҳанг»):

Ба сӯи хайкали ту нақши по бисёр мебинам,
Ба гирдаш мухлисони шеъри оташбор мебинам.
Ниҳодам пои худ ҳар ҷо, ки дидам нақши пой ту,
Шудам аз ҷону дил бисёртар ман ошноӣ ту.
Дар он ҷо саҳнаи марги туро пеши назар дидам,
Вучуди қотилон олудаи хуни цигар дидам... [42, с.3].

Перевод:

У памятника твоего много следов рассмотрел,
Вокруг любителей пламенных стихов узрел.
Куда б ни наступал, видел следы твоих ног,
И познакомиться поближе я с тобою смог.
Сцена кончины твоей пред взором предстала,
Душа убийц, испачканная кровью страдала.

(Перевод автора - С.К.)

В стихотворении поэт яростно порицает убийц Лермонтова и воспекает вечность его слова:

Нашуд хомуш бо тираш шарори ишқи ту дар дил,
Муроди қотилон аз куштанат ҳаргиз нашуд ҳосил...

Перевод:

Не угасла с выстрелом искра любви в сердцах,
Убив тебя, палачи не достигли грязных целей своих...

(Подстрочный перевод автора - С.К.)

В этом стихотворении поэт восхваляет бессмертность поэзии Лермонтова. В данном случае М. Хайдаршоҳ, красочно изображает сцену дуэли, смерть поэта, при этом пытаюсь найти ответы на извечные вопросы о его кончине. Анализ показывает, что от начала до конца автор описывает личность Лермонтова в таких выражениях, как «ту будӣ ошиқи гардун, ту будӣ ошиқи мардум, ту будӣ ошиқи кишвар» (ты был влюблен в небеса, ты любил народ, ты любил родной край), «ошиқи шеъри чу машъалҳо фурузанда» («влюблен в стихи сверкающие как факелы») [42, с.3].

Следующее стихотворение в честь Лермонтова можно назвать подражанием лермонтовскому стихотворению «Смерть поэта». Это стихотворение П. Саттори «Шоир. Ба Лермонтов» («Поэт. Лермонтову»), которое было опубликовано в газете «Ҳақиқати Қўрғонтеппа» («Кургантюбинская правда») от 14 июля 1979 года к 165 летию со дня рождения Лермонтова:

Ба он дастони хунолуду хуношом,
Ба дилҳои сияҳтар аз мӯрии ҳаммом,
Ғазаб дар қаъри сина баҳри пуртуғён,
Ва рашку бухлу кина оташи сӯзон. [39, с.4].

В начале стихотворения П. Саттори, характеризуя убийц, использует сравнение «дилҳои сияҳтар аз мӯрии ҳаммом» - души чернее, чем дымовая

труба. Начало стихотворения – это элегия. В стихотворении в смерти Лермонтова поэт обвиняет стоящих у трона людей. Причиной гибели Лермонтова П. Саттори называет: «теги чаҳолат кушт шоирро» - клинок невежества убил поэта. О тех, кто оправдывал убийц Лермонтова, поэт говорит «адолат зери пои хирасарҳо шуд» - правосудие оказалось под ногами сумасбродов:

Туро куштанд, эй шоир,
Аё пайғамбари шеърӯ суханпардозӣ оламгир.
Туро куштанд дар майдон,
Ки гӯё шеърро куштанд...
Чи мегӯӣ, ки гар теги чаҳолат кушт шоирро,
Адолат зери пои хирасарҳо шуд.
Ду-се нобихраде аспӣ чаҳолат ронд,
Ба вақте парчами шӯру шар афрохт,
Ва худро шоҳӣ олам хонд. [39, с.4]

Автор называет Лермонтова «пайғамбари шеърӯ суханпардозӣ оламгир» - пророк поэзии и красноречивый покоритель мира. В стихотворении четко выделяется две относительно самостоятельные части. Первая часть – это не просто смерть поэта, а его убийство, которое произошло по вине «ду-се нобихрад» - нескольких глупцов. Во второй части стихотворения П. Саттори выражает личные чувства уважения и любви, и в этой части отчетливо изображается поэтический облик Лермонтова:

Валекин шеърро,
Он оташи ҷовидро
В-он шуълаи хуршедро,
Ки аз дилҳо ба монанди шароре част
Ва ба дилҳо чу доруи Сино биншаст,
Чи сонаш метавон куштан? [39, с.4]

Перевод:

Однако стихи,
То вечное пламя,
Тот луч солнца,
Что как искры, выскочившие из сердец,
И как зелье, что придумал Авиценна- мудрец,
Как можно убить?

(Перевод автора - С.К.)

Здесь тоже поэт использует сравнения для характеристики образа русского поэта. Для поклонников и читателей стихи Лермонтова как вечное пламя, которое согревает сердца, как луч солнца, освещающий путь и как зелье, которое лечит наши раны.

В конце стихотворения поэт обращается к Лермонтову и ставит его в один ряд с Россией, с русским языком, с поэзией, покоряющей мир, которые бессмертны:

Чи мегӯй, аё шоир,
Ту мондиву Русия!
Ту мондиву забони модари рус,
Ту мондӣ, шеъри оламгир!

Перевод:

Что скажешь, о поэт,
Остался ты и Россия!
Остался ты и родной язык русских,
Остался ты и покоривший мир твой стих!

(Подстрочный перевод автора – С.К.)

Таджикский поэт обращается к читателю с убеждением, что основной причиной гибели Лермонтова стали интриги определенного круга людей, которых он называет «ду-се нобихраде» - несколько глупцов. В стихотворении изображается реальная обстановка России в лермонтовские

времена. В заключение стихотворения идет описание всемирной славы Лермонтова. Популярность и мировая слава Лермонтова разъясняется тем, что он был «лучом солнца, освещающим путь». Лермонтов и его немеркнущая поэзия вечны как Россия и как русский язык. Как видно из данного отрывка, П. Саттори видит в Лермонтове великолепного художника слова, горячо любящего родную литературу. Он завершает произведение выражением своего почтения гению великого поэта.

В газете «Маориф ва маданият» («Просвещение и культура») от 6 февраля 1971 года было опубликовано стихотворение поэтессы Баде Жола «Маъшук. Ба ёди Лермонтов» («Машук. Памяти Лермонтова»). Стихотворение написано к 130-летию смерти поэта.

М.Ю. Лермонтов трагически погиб на дуэли в окрестностях Пятигорска у подножия горы Машук. В своем стихотворении Б. Жола, обращаясь к горе Машук, говорит:

Чи сокитию чи сангиндилй, эй Маъшук!
Чи гуна дўст бидорам туро, ки домани ту
Зи хуни нобиғаи шеър лаккадор бувад?!
Дар он дақоиқи шуме, ки хасм дашна ба даст
Барои куштани шоир ба синаи ту шитофт,
Чаро чарақае аз шеъри пуршарораи ў
Ба доманат нанишаст,
Ки пой то ба сар оташфишон шавй, эй кўх! [22, с.4].

Перевод:

Ты молчалив и жесток, о Машук!
Как полюбить тебя, когда склоны
Твои кровью гения запятнаны.
В то мгновенье роковое, второпях
Шел противник с кинжалом в руках,
Чтоб поэта погубить, и почему

Искорка из пламенного стиха
Не села к подножью твоему
Чтоб стал ты вулканом, о гора!

(Подстрочный перевод автора – С.К.)

Как видно, таджикские литераторы высоко ценили наследие Лермонтова и в своих произведениях выражали огромное уважение к личности и творчеству поэта. В данном произведении таджикская поэтесса выражает глубокое сожаление о том, что Машук не превратился в огнедышащий вулкан и не уничтожил царский трон «Ба коми шўъла кашӣ пайкари сиёҳиро / Ба сарнагун кунӣ аз хашм тахти шоҳиро».

Ба коми шўъла кашӣ пайкари сиёҳиро
Ба сарнагун кунӣ аз хашм тахти шоҳиро,
Чунон ки кард далерони насли Лермонтов.
Чи гуна аз ту биранчам, ки кўҳӣ, эй Маъшук,
Ҳамеша кўҳ бимон,
Ҳамеша зиндаю сарсабзу пуршукўҳ бимон. [22, с.4].

Перевод:

Проглотил бы вулкан черный идол племен,
Свергнул бы в ярости царский трон,
Как поступали герои лермонтовских времен.
Как мне обижаться на тебя, ты же гора, о Машук,
Останься всегда горой,
Цветущей, величественной и живой.

(Перевод автора - С.К.)

Стихотворение Б. Жола создано в период ознакомления с переводами ряда произведений из творчества Лермонтова. Её интерес к Лермонтову объясняется тем, что в 60-е годы в лирике поэтессы усиливается гражданская тематика. Страстные, одухотворенные революционным

пафосом стихи, призывающие к борьбе, созвучны с лермонтовской вольнолюбивой лирикой. К примеру, в стихотворении «Табрик» («Поздравление») она пишет:

Озодию офтоб агар нест, - Если нет свободы и солнца
Рухсорай зиндагист торик. - Темен у жизни лик. [22, с.4].
(Перевод автора - С.К.)

Анализ показывает, что каждый поэт имел индивидуальный подход к написанию хвалебных стихов Лермонтову, воспевающему Родину, любовь к человечеству и жизнь.

В связи с этим необходимо отметить, что во всех посвящениях подчеркивается роль творчества Лермонтова в жизни таджикского читателя. Об этом, в частности, свидетельствуют стихотворения «Ошиқи Маъшук» («Влюбленный в Машука») М. Хайдаршох, «Панҷкӯҳ» («Пятигорье») М. Танк, «Ало шоир!» («О, поэт!») Ш. Бунёда, которые не вошли в диссертацию.

Произведения, написанные в честь Лермонтова, свидетельствуют о правоте В.Г. Белинского: «Уже недалеко то-время, когда имя его в литературе делается народным именем и гармоничные звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы, между толками её о житейских заботах...» [126].

Таким образом, наступило время для полного исследования вопросов восприятия творчества Лермонтова таджикскими поэтами, а также проблем перевода наследия поэта на таджикский язык, рассчитывая на то, что указанные нами недостатки и недочёты помогут в будущем улучшить качество перевода поэзии Лермонтова на таджикский язык. Нашей целью является и то, чтобы литературоведы приступили к принятию мер для тщательного изучения характерности его поэзии.

В первой главе мы затронули только некоторые стороны проблемы перевода произведений Лермонтова на таджикский язык, а во второй и

третьей - мы представим доскональную характеристику данных произведений, чтобы сделать их объектом рассмотрения и сопоставления.

ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ ПОЭЗИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА НА ТВОРЧЕСТВО Х. ЮСУФИ И К. КИРОМА

2.1. М.Ю. ЛЕРМОНТОВ В ВОСПРИЯТИИ И ПЕРЕВОДЕ ХАБИБА ЮСУФИ

Перевод является одним из форм и способов общения народов. Наверное, возникновение перевода связано с появлением потребности общения между людьми, говорящими на разных языках. Переводы всегда налаживали контакты, сближали людей и народы. Общение – одно из самых сильных потребностей человека, и оно не может ограничиваться рамками носителей одного языка. Прогресс общества выражается именно в интенсивности общения между людьми, между культурами. В этой области соответствие художественных особенностей текста перевода оригиналу является злободневной проблемой. Переводчик при воссоздании нового текста, понимает, что основной причиной различий между его переводом и оригиналом является иная языковая система, объективные данные которой не позволяют передать все точности воспринимаемого содержания.

«В тексте перевода предполагаются некоторые «отступления» (трансформации), интерпретации, без них фактически невыполним художественный перевод. С помощью переводческих трансформаций можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода» - считает В.Н. Комиссаров [77, с. 208-209].

«На становление таджикской литературы, на формирование поэтического стиля мастерства ее поэтов повлияло обращения к традициям фольклора, национальной поэзии и к опыту русской и мировой культуры. Благодаря переводу в таджикской литературе зародились новые прозаические жанры – повесть, роман, а также жанр литературной критики» [86, с.81].

Восприятие лермонтовского наследия стало основой сближения русских поэтов и поэтов других национальностей бывшего Советского

Союза. Совместные искания духовных основ возрождения человека и мира сплотила писателей. Распознавание подобного тяготения к одному великому истоку привело автора диссертации к изучению творчества Х. Юсуфи, К. Киррома, М. Фархата и др., которые стремясь к новаторским поискам в области формы и содержания, приступили к переводческой деятельности.

В данном разделе мы решили обратиться к вопросу влияния М.Ю.Лермонтова на творчество Хабиба Юсуфи и Кутби Киррома, который требует особого и досконального изучения.

Лермонтов был огромным художественным авторитетом для Х. Юсуфи. Он – один из новаторов в современной таджикской поэзии – горячо любил стихи русского поэта и хорошо понимал значение творчества Лермонтова для поиска новых форм таджикского стихосложения. В его переводах проявлялось духовное родство двух поэтов. Х. Юсуфи погиб в лермонтовском возрасте на фронте в Великой Отечественной войне, но всю свою короткую жизнь он переводил стихотворения Лермонтова. Имя Х. Юсуфи неразрывно связано с именем великого русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Первый сборник стихов Х. Юсуфи вышел под названием «Таронаҳои ватан» («Песни родины»). В этот сборник вошли более ста рубаи, множество стихов, а также переводы стихотворений Пушкина и Лермонтова, выполненные поэтом. Наследие Х. Юсуфи богато содержанием и одной из главных тем его творчества является тема родины. Он все остальные темы и жизненные вопросы связывает с ней. Х. Юсуфи, прежде всего оригинальный лирический поэт. В строках его содержательных лирических стихотворений «Ба Ватан» («Родине»), «Манзараи Кавказ» («Кавказский пейзаж»), «Мактуб аз Шарқи дур» («Письмо из Дальнего Востока») и др. нашли отражение основные темы творчества поэта (новая жизнь народа, гордость, действие, развитие родного края и т.д.).

Х. Юсуфи высоко ценил не только своё творчество, не только собственные стихи, но и свою деятельность переводчика. И перевел он много

больше, чем написал сам. В «Очерке истории таджикской советской литературы» подчеркивается:

«...Особенно сильное влияние на творчество Х. Юсуфи оказал Лермонтов. Яркими примерами творческого восприятия мятежной и глубоко философской лирики русского поэта являются небольшие, но удивительно глубокие лирические стихотворения Х. Юсуфи «Кавказский пейзаж», «Передайте наш привет народу- герою» [86, с.256].

Поэзия Лермонтова для Х. Юсуфи была творческой школой в пути поэтических исканий. Это влияние много раз отмечалось в выступлениях таджикских ученых и писателей. Сам Х. Юсуфи о творчестве Лермонтова в статье «Подшохи идрок ва озодӣ» («Царь познания и свободы») писал: *«Лермонтов один из величайших поэтов мировой величины отважного русского народа, в лице которого отражены одаренность, традиционное свободолюбие, мощь и революционный дух самого передового народа в мире».* [119, с. 136].

М.Ю. Лермонтова и Х. Юсуфи отделяет целое столетие. Но в их поэзии прослеживается та самая связь времен, которая отличает только больших поэтов. Х. Юсуфи была особенно дорога и близка из Лермонтова его святая любовь к Родине. До боли сердечной, по собственному признанию, любил Лермонтов Отчизну. Эти прекрасные слова мог повторить и Х. Юсуфи. Он бескорыстно и сердечно любил свою Родину, любил все – до крошечного ручейка и малой травинки, любил ее сегодняшний день, любил героическое прошлое.

Влияния поэтов русского романтизма на Х. Юсуфи представляется в новом оттенке. К примеру, его стихотворения о Родине возникли под воздействием русской романтической поэзии, в частности, стихотворения «Мой дом» Лермонтова, написанном в 1831 году, в котором, как и во многих других, с теплотой была описана Родина: русское село и его люди: «Мой дом везде, где есть небесный свод, / Где только слышны звуки песен...» [10, с. 300].

Такое понимание любви к родине, в художественном взгляде Х. Юсуфи послужило причиной нового появления патриотизма, с которым можно столкнуться в наследии корифеев таджикско-персидской литературы Фирдавси, Саади и Лахути. Собрав в себе две концепции, Х. Юсуфи творит произведения, которые целиком и полностью являются следствием его творческого воодушевления. Примером сказанному могут послужить стихотворения «Ватани дил» - «Родина сердца» (Қалам ба даст бигирам, ки шеър бинависам, / Забони ман зи хама пештар Ватан гӯяд) [44, с. 37], которое на русском языке прозвучало бы примерно так:

В руке перо держу я вновь,
На устах, как прежде, заветное слово.
Сердце воспевает Родине любовь,
Кладом вдохновений зову его снова.
Ты - утренняя свежесть, ты – песня моя,
«Цветущий луг» - говорят про тебя.
Ты необъятна, твои дали без края
Родиной милой сердце называет.

(Подстрочный перевод автора – С.К.)

или «Ишки Ватан» - «Любовь к Родине»:

Зи ишки Ватан чӯш дорад дилам,
Ба ҳарфи Ватан гӯш дорад дилам...
Дило, давраи мо ачаб давраест,
Ба таърихи олам чунин давра нест.
Чаҳон даври Ковусу Кай дидааст,
Чунин давраро лек кай дидааст?

[44, с. 18]

Перевод:

Сердце от любви к Родине волнуется,

К ее словам приучена слушаться.
О сердце, наше время удивительно,
Мировая история такого еще не видела.
Мир свидетель Ковуса и Кая времен,
Такого времени, когда она видела?

(Подстрочный перевод автора – С.К.)

Важно отметить, что поэт был ярким противником засорения родного языка. Об этом свидетельствуют его многочисленные статьи, где он активно выдвигает актуальные литературные проблемы, литературных связей. Х. Юсуфи также замечает, что благодаря переводу в таджикской литературе возникают новые благоприятные качества. Им рассмотрены особенности национальной поэзии в статьях «Боз якчанд калима дар бораи поэзии имрӯзаи мо» - «Еще несколько слов о нашей сегодняшней поэзии» (1940) [45, с.15], «Барои поэзии муносиби давр» - «Для соответствующей времени поэзии» (1940) [45, с.10]. Эти статьи исследуют некоторые произведения из таджикской литературы, критикуют различные переводы. По утверждению известного таджикского литературоведа Х. Шодикулова, перевод и критика в творческой деятельности Х. Юсуфи занимали особое место: «В его критике, - писал Х. Шодикулов, - проблемы таджикской поэзии 30-х годов и ее связей с культурным опытом других народов, проблемы реалистической русской поэзии, и ее контактов с достижениями западного романтического стихотворения подвергаются равномерному и глубокому анализу» [116, с. 5-14].

Роль поэта Х. Юсуфи в переводческом деле огромна. Для перевода поэт выбирал из стихов русских классиков и русских советских поэтов только то, что близко ему самому. Позже критики и литературоведы назовут этот период в его жизни школой литературного перевода, творческим освоением опыта русской классической и советской поэзии. Но для Х. Юсуфи это были годы подготовки к самому главному в своей жизни. Он

переводил других, но поэзия Лермонтова цепко пленила все его существо. И, наконец, отбросив все сомнения, Юсуфи открыл томик Лермонтова, чтобы русский поэт заговорил по-таджикски. С его именем связаны первые стихотворные переводы Лермонтова на таджикский язык.

Великие таджикские поэты Лоик Шерали и Мумин Каноат считали, что большого поэта должен переводить большой поэт-переводчик. Таким является Х. Юсуфи, первые переводы которого появились, когда поэту было двадцать лет. Это были такие стихотворения, как «Желание», «Парус», «Смерть поэта», «Узник», «Прощай, немытая Россия»; поэмы «Черкесы», «Хаджи Абрек», «Боярин Орша», «Демон» и др. Таких переводов не знала ещё новая таджикская поэзия. «В переложениях вся красота подлинника оставалась нетронутой. Благодаря Х. Юсуфи, таджикский народ смог читать на родном языке самые важные стихотворения и поэмы Лермонтова» [89, 403]. Как писал таджикский литературовед А. Давронов: «Перевод всегда оценивали двояко: хороший и плохой. Хорошим считался тот перевод, который сближал народы друг с другом, способствовал их крепкой дружбе, обогащению духовной культуры народа, содействовал развитию и прогрессу литературы в той или иной стране и, который признан в качестве образцового явления. Можно привести тысяча примеров из истории человечества переводов давно принадлежащих не одной литературе. Они являются достоянием народа» [106, с. 237]. Обращение Х. Юсуфи к переводу произведений Лермонтова стало важным достижением таджикской поэзии.

Важно отметить, что вышеназванные переводы Х. Юсуфи относились к началу его переводческой деятельности и имели частичные недостатки, в частности, дополнение некоторых строк путем добавления ненужных лишних слов. Но в целом они считаются удачными и соответствуют по форме и содержанию тексту оригинала. При сопоставлении лучших из этих переводов с их оригиналом, сразу можно заметить, что переводчик не просто дословно передает текст, а относится к своей задаче творчески, т. е. ответственно относится к передаче цели, духа, чувств и переживаний поэта.

В качестве примера приведем несколько строк из стихотворения «Смерть поэта» - «Вафоти шоир»:

Шоир ҳалок гашт – ба номус буд ғулом,
Афтодаи шикояту бўҳтону кина шуд,
Дар сина сурб, ташна дил аз баҳри интиқом,
Хам гашта бо ҳамон сари пурифтихори худ! [34, с. 3].

«Вообще, увлечение таджикского поэта могущественной русской поэзией, ее традициями всегда давала основательные результаты. Как в мирные дни, так и в военной ситуации, у него, говоря языком самого Саади, «смешаясь с прахом и кровью», не уменьшилась любовь и привязанность к традициям, наоборот, он приложил все усилия для их расширения, - говорит Х.Холов и как наглядный пример он приводит выдержку из письма Х. Юсуфи, обращенного, вероятно, Н. Маъсуми (таджикскому поэту, литературоведу и языковеду – прим. Х. Холова):

«...Брат, когда я читал произведения Саади Ширази, в моём представлении возникали поучительные картины полные драматизма и боевых действий жизни великого поэта. Но я не мог ясно представить себе, насколько опасной была жизнь таких великих поэтов-воинов, как Саади и Лермонтов, в ужасающих условиях войны! Теперь я понял это, так как моя собственная фронтовая жизнь разъяснила мне эти картины. Порой я иду в атаку вместе со своей ротой, порой на линии обороны, а иногда во время краткого отдыха в землянке или блиндаже и записываю несколько бейтов в записную книжку. Затем читаю и разъясняю их своим солдатам. Что ты скажешь по поводу того, что все они имеют полное представление о жизнедеятельности Саади и Лермонтова?!» [98, с. 169].

Х. Юсуфи завоевал всенародное признание не только своими стихами, но и благодаря переводам А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Поэт, обладая исключительным дарованием, переводя стихотворения русских поэтов, заимствовал новшества и с помощью этих переводов ввел их в личные

оригинальные произведения, безусловно, и в таджикскую литературу. Он двигался вперед от перевода к переводу, совершенствуя своё мастерство, потому, что поэт ставил себе задачу выполнить новый перевод качественнее и лучше предшествующего.

Обращение Х. Юсуфи к переводу творчества Лермонтова явление не случайное. Своеобразие мыслей и дух поэзии Лермонтова были близки Х. Юсуфи. Такая творческая общность, дала возможность Х. Юсуфи выполнить волнующие и живительные переводы. В своих переводах Х. Юсуфи бережно сохранил смысловые и художественные особенности подлинника. «Объективность перевода и сильная индивидуальность переводчика не только совместимы, но и предполагают одна другую», - пишет А.В. Федоров [96, с. 326]. Успешность перевода наблюдается в сопоставлении каждого стихотворения или поэмы с текстом оригинала.

Маленькое стихотворение «Прощай, немытая Россия» Лермонтов написал перед последней поездкой на Кавказ (1841). Правительством было вынесено постановление о том, чтобы поэт покинул Петербург в течение 48 часов. Этот случай стал поводом для написания данного стихотворения, в которой поэт осуждает политический строй России:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ...

Быть может за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей. [10, с. 524].

Х. Юсуфи перевод данного стихотворения выполнил следующим образом:

Хайр, ношуста Россия, падруд,
Ватани бандагону подшоҳон,
Ҳам шумо, хели мундирони кабуд
Ҳам ту, халқи мутеъ бар онон.

Шояд, он қуллаҳои Қавқозам
Аз ҷанобони ту кунанд ниҳон.
Аз ҳамон гӯшҳои тезшунав,
Аз ҳамон дидаи ҳамабинашон. [34, с. 8].

В переводе своеобразно звучала метрика таджикского аруза. Х. Юсуфи выполнил буквальный и даже по звучанию почти близкий оригиналу перевод. Кроме того, что 7-8 строки поменялись местами, в системе стихотворения других изменений не наблюдается. Перевод сохранил главные особенности оригинала – гнев и недовольство поэта от крепостного строя четко выражены на таджикском языке. Обладая большим мастерством, Х. Юсуфи в своем переводе стремился добиться полного сохранения содержания и в то же время соблюдать нормы таджикского стихосложения.

К Юсуфи пришла слава лучшего таджикского переводчика Лермонтова. Таковым он остаётся и по сей день. Обратимся к высказыванию Р. Хашима по этому поводу: «До Юсуфи в таджикской поэзии ни один поэт в такой степени не обращался к переводу наследия великих русских поэтов и никто в такой степени близко не принимал к сердцу, не понимал и не чувствовал эту литературу, ни один поэт не выполнял столь усердно и бережно данную работу» [114, с. 76].

Архивы сохранили черновики его переводов. Десятки вариантов отдельных строк, строчек и даже слов. Работал он удивительно много: учился в университете, читал курс русской литературы студентам и занимался переводческой деятельностью. За короткий срок он сделал столько, на что другим не хватало бы долгой жизни. Так, в произведениях русских классиков Х. Юсуфи находит ответы на многие свои вопросы.

Следовательно, его творческое дарование и ощущение патриотизма иногда доминировали над мастерством переводчика, вследствие чего его переводы сходны с собственными произведениями. «Даже случалось так, что составители книг приписывали патриотические стихотворения Лермонтова к лирике Х. Юсуфи. К примеру, сказать, так случилось «со стихотворением Лермонтова «Казачья колыбельная песня». Хайри Тошпулодова, составитель «Сборника стихотворений» Х. Юсуфи, в 1949 году поместила это стихотворение наряду с собственными произведениями Юсуфи» [98, с. 173]. Данный факт является доказательством мнений таджикских литературоведов о том, что грустное и задумчивое вызывающее чувство произведение Лермонтова, было свойственно Х. Юсуфи. Поэтому его переводы были сходны с оригиналом, и одновременно с этим Х. Юсуфи в них выявился как поэт.

В оригинале стихотворение состоит из шести строф по восемь строк в каждой. Наше исследование показало, что Х. Юсуфи не закончил перевод «Казачьей колыбельной песни», так как в сборнике стихотворений поэта, вышедшем под редакцией М. Фархата («Мачмӯаи шеърҳо», 1962), напечатаны те же первые четыре строфы, правда, на этот раз среди других переводов из Лермонтова. Для наглядности приведем отрывок из оригинала и перевода стихотворения «Казачья колыбельная песня»:

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмёшь ружьё.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи дитя моё родное,
Баюшки – баю. [8, с. 41].

Перевод:

Худ ту бидонӣ бирасад фурсате,
Ҳаёти пурчӯши чанг,
По чу далерон ба узангу ниҳӣ,
Ба даст гири туфанг.
Зинаки чангиатро
Зинат диҳам саропо
Ширинакам, аллаё,
Алла гўям, аллаё... [65, с. 6].

На протяжении 30-х и в начале 40-х годов прошлого века Х. Юсуфи перевел на таджикский язык поэмы «Черкесы» («Черкесҳо»), «Хаджи Абрек» («Ҳочи Абрек»), «Демон» («Иблис»), «Боярин Орша», «Беглец» («Гуреза») и отрывок из поэмы «Мцыри». О переводе этих поэм следует отметить, что поэт при переводе использовал размеры аруза. Отмечая положительные стороны переводов, следует отметить сохраненный порядок построения предложений и рифмовки оригинала. Соглашаясь с переводческими воззрениями, мы считаем важным, подчеркнуть, что перевод некоторых произведений требует обратить внимание на подчинение содержания и формы.

В 1940 году вышел перевод на таджикский язык «Демона» Лермонтова. В статье, напечатанной в газете «Тоҷикистони сурх» («Красный Таджикистан») 16 октября 1941 года в связи со столетием со дня гибели Лермонтова, озаглавленной «Подшоҳи идрок ва озодӣ» (Царь познания и свободы), Х. Юсуфи пишет, что «так называет себя Демон, герой гениального произведения М. Ю. Лермонтова, и что эти слова непосредственно относятся к великому поэту, выступившему против «царя несправедливости на земле и в небесах» [119, с. 8].

Особая сложность перевода этого гениального произведения, как «Демон», заключается в том, чтобы донести до таджикского читателя

величие, воссозданное в оригинале, и систему приемов образных выражений, ключевых слов, портретных описаний, которыми мастерски пользуется непревзойденный Лермонтов, и которые, как показывают наши наблюдения, постарался передать на таджикском языке тоже непревзойденный мастер художественного перевода Х. Юсуфи. Лучшим доказательством сказанного может послужить перевод отрывка из «Демона», где Лермонтов описал внешность, удивительную красоту Тамары:

То остановится, - глядит –
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы:
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка... [11, с. 508].

Перевод:

Гаҳ истода назар мекард бар пеш
Ки чашмони намаш аз зери мижгон
Ба як зебоие мешуд дурахшон;
Ишорат менамуд бо абрувонаш,
Каме хам менамуд гоҳе миёнаш,
Ба болои гилем мерафт тозон,
Шино месохт пой нозуки он...[34, с. 75].

Как пишет известный таджикский литературовед З. Муллоджанова: «Переводчик должен знать характерные для нового круга читателей жизненные ассоциации. Помнить об историко-культурных традициях, эстетических навыках. Естественно, необходимо так передать содержание и форму подлинника, чтобы правильно донести до иноязычного читателя впечатление, которое производит оригинал на своем родном языке» [83, с. 180]. Передача содержания всей поэмы «Демон» осуществляется Х. Юсуфи в

соответствии с эстетическими возможностями таджикского читателя, с опорой на традиции эпического произведения – достон. Демон превращается в одного из героев таджикской мифологии – «Иблис» (злой дух).

Собственно, текст отрывка «Клятва Демона» мы определяем как «вольный перевод». Х. Юсуфи справился с одним из трудных отрывков поэмы, где большую сложность представляет внутреннее движение переживаний героя. В первом четверостишии отрывка «Клятва Демона» не наблюдаются явные отклонения, кроме того, что в подлиннике первые три стиха отрывка начинаются словом «клянусь», а в переводе словом «клянусь» («касам») начинается только первый стих:

Клянусь я первым днем творения,
Клянусь ее последним днем,
Клянусь позором преступленья
И, вечной правды торжеством. [11, с. 530].

Перевод:

Қасам бар аввалини офариниш.
Ба рӯзи вопасини офариниш,
Ба расвоию бар айби чиноят,
Ба чашни ҷовидонии ҳақиқат. [34, с. 95].

Далее, при переводе следующего четверостишья, Х. Юсуфи немного отдалается от оригинала: слово «паденье» превратилось у него в «поражение (мағлубият), «мука»- в «трудность» (сахтиҳо).

Ба сахтиҳои талхи мағлубият
Ва бар уммеди кутоҳ вақти нусрат,
Қасам бар васли оромидиханда,

Ба ҳичрони зи нав таҳдидкунанда [34, с. 96], который в оригинале звучит следующим образом:

Клянусь паденья горькой мукой,

Победы краткою мечтой:
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой. [11, с. 530].

Сравнивая третье четверостишие оригинала и перевода, можно увидеть соотношение слов: духов – рӯҳҳо, мечи – шамшер, ангелов – малоик, врагов – душманҳо. В результате правильного подбора эквивалентных слов, можно считать перевод данного отрывка:

Қасам бар издиҳоми рӯҳҳо, ҳам
Ба тақдири тамоми тобеъонам,
Ба шамшери малоикҳои холис-
Ба душманҳои бедори худи ман. [34, с. 96]

близким оригиналу:

Клянусь сонмищем духов,
Судьбою братьев мне подвластных,
Мечтами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов. [11, с. 530].

В переводе описываются все действия Демона, поэтому перевод сохраняет важные особенности оригинала:

Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе все, все земное –
Люби меня! [11, с. 533].

Перевод:

Фуроям то чукуриҳои дарё,
Парам аз абрҳо гардида боло,
Ба ту бахшам ҳама мавҷудиятро,
Ту манро дӯст дор! [34, с. 98].

Выполнение такой колоссальной сложности работы, как перевод «Демона», потребовала от переводчика больших знаний в области языка, литературы, культуры, продиктованной, по-видимому, чувством благоговения и восторга перед талантом гения Лермонтова. Хабиб Юсуфи, как один из лучших переводчиков лирики Лермонтова, сумел воссоздать поэтическую интонацию оригинала этого произведения. Он стремился как можно точнее донести до таджикского читателя и содержание, и поэтичность отрывка «Клятва Демона» посредством таджикской метрики и образной системы, воссоздать величие оригинала. Другими словами поэма «Демон» в переводе Х. Юсуфи получила второе рождение. З. Муллоджанова подчеркивает: «Благодаря правдивому воспроизведению оригинала в переводе на другой язык, произведение как бы получает вторую жизнь, второй раз волнует своих новых читателей. Оно переживает своё новое рождение, новое своё хождение по новым землям, городам, странам, сердцам» [75, с. 176].

Анализ следующего отрывка показывает, что в переводе Х. Юсуфи чувствуется его эмоциональное соучастие, сопереживание, без которого нельзя считать художественный перевод полноценным. Его перевод представляет собой единство формы и содержания. «О качестве переводов нужно судить не столько по количеству удачно переданных моментов оригинала, сколько по тому, насколько переводчику удалось добиться единства содержания и формы, объективного и субъективного», - замечает, литературовед А.В. Лилова [80, с. 76].

У Лермонтова:

Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой... [11, с. 530].

У Юсуфи:

Қасам бар осмону бар чаҳаннам,

Ба ту ҳам, бар муқаддасҳои олам;
Қасам бар он нигоҳи вопасинат,
Қасам бар ашқҳои аввалинат... [34, с. 96].

«Таджикские литературоведы выявили многие моменты плодотворного влияния Пушкина и Лермонтова на творчество Х. Юсуфи. Специалисты отмечают, что особенно в стихотворении Х. Юсуфи «Манзараи Кавказ» («Кавказский пейзаж», 1938 г.) явно наблюдается влияние Лермонтова» [44, с. 247]. А Н. Маъсуми, известный литератор и языковед, подчеркивает, что «творчество Пушкина и Лермонтова существенным образом повлияло на становление поэтического стиля и почерка Х. Юсуфи. Появление новаторства в его произведениях можно объяснить тем, что поэт неустанно изучал, анализировал и переводил на родной язык стихотворения русских поэтов» [108, с.127]. К этому заявлению можно было привести множество примеров, но мы решили довольствоваться несколькими строками из перевода стихотворения М. Лермонтова под названием «Баллада»:

Оригинал:

Над морем красавица дева сидит;
И, к другу ласкаясь, так говорит:
«Достань ожерелье, спустися на дно;
Сегодня в пучину упало оно!» [8, с. 6].

Перевод:

Менишинад бар канори баҳр ёри маҳчабин,
Ноз карда, бар ҳабиби хеш мегӯяд чунин:
«Ёб гарданбанди манро ту, фаро дар зери баҳр!
Вай фитод имрӯз бар гирдобу он бурдаш ба қаър». [34, с. 6].

Иногда Х. Юсуфи темы для своих стихотворений брал из творчества Лермонтова. Так, например, стихотворение «Исёни мавҷҳо» («Восстание волн») написано под влиянием лермонтовского стихотворения «Волны и

люди», в котором лирический герой выражает пессимистическое настроение по поводу жестокосердия общества.

Но стихотворение Х. Юсуфи носит бунтарский и воодушевляющий характер. Стихотворение написано способом сравнения, в нем изображено вероломное нападение фашистов на нашу землю и твердость советской армии:

Боди шӯришгар - Ветер мятежный
Мевазад аз Шарқ, - Веет с Востока,
Дар тамоми бахр - Во всем море
Фитна мехезад. - Начинается смута. [44, с. 176]

(Подстрочный пер. автора – С.К.)

Перевод произведений русских писателей, в том числе Лермонтова, явился школой творческого прогресса и плодотворной почвой для развития творчества таджикских литераторов. Х. Юсуфи был, несомненно, многим обязан Лермонтову: к нему пришла слава лучшего таджикского переводчика Лермонтова не случайно. В статье «Шоири гениалии рус – Гениальный русский поэт» Х. Юсуфи пишет: «Мы наряду с произведениями наших классиков – Рудаки, Фирдавси, Носир Хисрав, Джами изучаем бессмертные и всемирно известные произведения М.Ю. Лермонтова и, переводя их, обогащаем сокровищницу таджикской литературы» [45, с. 23-28].

Учась у русского классика, Х. Юсуфи воспринял самое существенное у Лермонтова: народность и высокую идейность, присущие его произведениям, а также их романтическую окрыленность [86, с. 8].

2.2. ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЛИРИЧЕСКИХ ГЕРОЕВ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ТВОРЧЕСТВЕ КУТБИ КИРОМА

«Огромные изменения не только в политическую, но и в духовную жизнь Таджикистана внесла Октябрьская социалистическая революция. Новый образ жизни потребовал пересмотреть жизненные и духовные ценности: перед таджикской литературой встали новые задачи. Для таджикской советской литературы глубоко осознанным эстетическим требованием становятся новые художественные формы» [86, с. 257].

Теперь уже в новой стране наибольшую силу воздействия имели свободолюбивые идеи, романтические настроения, героические образы – одним словом, новые герои.

Творчество М.Ю. Лермонтова, являющееся яркой и важной вехой русской литературы, оказало в этот период сильное влияние на таджикских писателей и поэтов. Мятёжный дух его поэзии, его отвращение к рабству и тирании, тяготение к прекрасному, печаль и тоска о счастье и стремление к свободе – всё это отвечало ожиданиям и настроениям таджикского народа, находило отклик в творчестве таджикских литераторов. Принятие и осваивание лермонтовских начал в таджикской литературе обрело многообразный характер. В данном разделе мы установили перед собой задание определенно рассмотреть лишь одну сторону этой проблемы, а точнее влияние поэзии Лермонтова на творчество Кутби Киромы.

Константин Паустовский в повести «Золотая роза», посвященной труду писателя, пишет: «Почти у каждого из писателей есть свой вдохновитель, свой добрый гений, обыкновенно тоже писатель. Стоит прочесть хотя бы несколько строк из книги такого вдохновителя – и тотчас же захочется писать самому. Как будто бродильный сок брызжет из некоторых книг, опьяняет нас, заражает и заставляет браться за перо» [87, с. 487-699].

Таким вдохновителем для К. Киромы был Лермонтов, самый излюбленный и родственный ему душой. По-видимому, именно сама личность Лермонтова и его лирический герой оказало большое влияние на формирование К. Киромы. Лирический герой Лермонтова – это, прежде всего мудрец, мыслитель, глубоко размышляющий о злободневных проблемах своего времени. Мысли о грядущем родины и народа, о своём поколении, о предназначении поэта и поэзии – вот диапазон его интересов. В этих размышлениях выражается активность, эмоциональность его натуры. О стихотворениях Лермонтова Белинский писал: «Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорблённого духа» [126]. Жизнедеятельного, мыслящего человека, чутко отзывающегося на требования своего времени, лермонтовского героя неминуемо постигает тоска и грусть по насыщенной содержанием жизни. Он желает применить свою могучую силу, мечтает о бурных действиях.

Для К. Киромы - автора поэтических сборников «Запах хлеба», «Мост времени», «Напевы вершины», «Закон любви», «Горный кряж», «Вдохновение», «Сердце брата» и др., тоже характерен романтический пафос. Если в первых произведениях поэта пафос проявляется иногда в риторических оборотах, то позже в зрелых трудах К. Киромы он пригревается подлинным лиризмом. Именно такое переплетение сильнонапряженного лиризма с романтическими побуждениями образует, пожалуй, самую неотразимую особенность его поэзии и роднит его с Лермонтовым.

Таджикский поэт Кутби Кирум начал переводить рано и продолжал заниматься переводами, в основном с русского языка, до конца жизни. Поэт внес огромный вклад в таджикскую переводческую культуру своими стихами из Лермонтова. В современных периодических изданиях нам удалось выявить 42 перевода стихотворений Лермонтова на таджикский язык, выполненных К. Кирумом. Конечно же, это не могло не отразиться на его творчестве. В. Самад по этому поводу пишет: «Художественный перевод является одним из основных элементов литературных связей и чаще всего

превращается в литературное воздействие. Творческий опыт и история литературоведческих учений убедительно доказывает, что творчество переводимого поэта волей-неволей влияет на творчество поэта-переводчика. В этом случае художественный перевод расценивается не как существенное явление литературных связей, а как фактор развития литературы» [91, с.19].

М. Ю. Лермонтов в стихотворении «1831-го июня 11 дня» писал:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать. [10, с.183].

Продемонстрированная в данных строках стремление действия, борьбы, тоска по героическому в жизни, созвучно эмоциональной атмосфере многих стихотворений К. Кирова. Особенно специфично в этом отношении стихотворение «Серебристый тополь»:

Я серебристый тополь,
В саду на самом краю
Со дня своего рождения
На самом ветру стою.
Я прям,
Я судьбой не сгорблен,
И совесть моя чиста...
Вам кажется: я бесплоден,
Но, вас от беды храня,
Я прям,
И поэтому молния
Сперва поражает меня! [6, с. 61].

В этом коротком стихотворении включена важная для жизни программа лирического героя К. Кирова, проявлено его желание прожить

жизнь отважно на благо людей. Наиболее аналогичны по духу лермонтовских произведений строки *«В саду на самом краю – со дня своего рождения на самом ветру стою... зимою ветром холодным, а летом зноем дышу»* [6, с. 61], которые напоминают лермонтовское *«На тёмной скале над шумящим Днепром растёт деревцо молодое. Деревце моё ветер ни ночью ни днём не может оставить в покое»* [10, с.279], и далее *«Я прям, я судьбою не сгорблен... люди меня не жалеют...»* и у Лермонтова *«Никто не дорожит мной на земле... я холоден и горд»*.

Несмотря на то, что смерть для лирического героя Лермонтова порой казалось спасительницей от ужасных мучений, значительно типичнее для поэта те произведения, где мысли о смерти, о недолговечности жизни приводили к усиленной жажде жизни, к мысли, что:

...жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то!- жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых... [10, с.190].

В частности в стихотворении наблюдается сходство со строками из стихотворения «Памяти горных вершин» К. Кирова, пронизанное настоящим гражданским энтузиазмом:

...О нет! Ещё я без узлов,
Не связан,
И на базаре я ещё не продан.
Хочу быть тем,
Чем был в начале самом –
Свободной птицей,
Над горой парящей,
Готовой победить
Или разбиться... [6, с.8].

В стихотворении «Ночь в одиночестве» необходимо выделить ещё один момент, объединяющий его с лермонтовской поэзией, показывающий на продолжение лермонтовской традиции. Это – интенсивное переплетение любовной лирики с лирикой гражданской. Так, в стихотворении «Ночь» Лермонтова читаем:

Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Воспоминания о былом...
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне. [10, с. 169]

У Кутби Киромы в стихотворении «Ночь в одиночестве»:

Ночь в одиночестве
Холодно.
Ни светлячка, ни огня;
Трудное, горькое прошлое
Вновь обступило меня... [6, с.63].

Далее у Лермонтова:

И там скелеты прошлых лет...
Меж ними есть один скелет –
Он обладал моей душой. [10, с. 169]

У К. Киромы:

Видятся как наяву
Девочки те,
С которыми носил я в кишлак траву...
Но пуще всего запомнил
Бахор – девчонку одну. [6, с.63]

У Лермонтова:

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить...
Но память, слёзы первых лет!
Кто устоит против них? [10, с. 169]

У К. Киром:

Весну мою выдали замуж,
Осень настала вновь.
Об этом не позабудешь...
Первая любовь... [6, с.63].

Число этих примеров можно было бы повысить, но и приведенного хватает для формулировки, что на эстетическое развитие К. Киром лермонтовская поэзия оказала значительное воздействие.

Кутби Киром, прежде всего лирик. Народный поэт Таджикистана Гулназар Келди отметил: «Кутби Киром воспевал любовь к Родине, благородство, а также образ возлюбленной. Конечно, другие поэты также сочиняли об этом, однако никто другой так пламенно и пронизательно не писал как Кутби Киром. Его стихи не были лозунгами, у него была истинная поэзия» [128].

Все произведения Кутби Киром отличаются эмоциональной яркостью, проникновенностью и благородной искренностью. Это и формирует неотразимую особенность его таланта лирического поэта, снова роднящий его с Лермонтовым. В стихотворениях «Путнику в голодной степи», «Запах хлеба», «Соколиный закон», «Родина», «У памятника жертвам войны кишлака Урметан» отображаются острые переживания собственной личности, целостно сочетающиеся в сознании героя с душой о жизни и о своем времени. В этих стихотворениях отчетливо просматривается влияние Лермонтова – психолога на К. Киром. Поэзия Лермонтова с его удивительной способностью изображать тончайшие нюансы переживаний

человека научила К. Киром, Б. Рахимзода, М. Фархата и других таджикских поэтов мастерству психологического анализа. Множество произведений К. Киром, преимущественно лирические стихи, зачастую представляют собой, как бы части дневника. Это впечатление увеличивается ещё и тем, что поэт нередко упоминает имена своих близких, словом делает акцент на то, что лирическое произведение автобиографическое. Например, в стихотворении «Утро»:

...Мир наступил в моём дому.
Не ссорятся больше сыновья
Андалеб и Кова,
Шамс и Камар...
В это утро
В доме нашем появилась на свет
Девочка!.. [6, с. 18].

Или же в стихотворении «Счастье» он пишет:

В окошке дождь,
Нет ни земли, ни неба,
Разбитая, больная колея.
Но в чашке – чай,
В руке – лепёшка хлеба.
Тарелками бренчит жена моя... [6, с.16].

Известно, что лирический герой поэзии Лермонтова олицетворяет авторскую личность. Такое же уподобление личности поэта с героем лирических произведений очевидно в творчестве К. Киром. О чем бы ни писал К. Киром, он ко всему проявляет персональное отношение. Например, в стихотворении «Родина»:

Я сердцем чист и горд, с миром спорю:

Мне этот мир огромный нынче в пору, -
Я с ним душой отцовской поделюсь!
О родина, отец и мать мои!.. [2, с. 75].

или:

Над песней не властен закон бытия,
Погибнув, живым оставался я,
От песни – до песни,
От сердца – до сердца
Лежит на планете дорога моя... [2, с. 46].

Практически в каждом герое Кутби Кирона мы видим черты самого поэта. Если даже в тех произведениях, где поэт не говорит о себе и своих чувствах, напрямую ощущается определенная гармоничность взгляда поэта на события, на людей, на жизнь.

Вышесказанное не даёт, всё же, повода говорить об аналогичности методов обоих поэтов. Время Кутби Кирона как в социальном, так и в культурном смысле во многом отличается от времени Лермонтова. Бурный, свобододлюбивый романтизм Лермонтова использовался от необходимости дать образ бунтующей личности «при объективной невозможности вскрыть в самой действительности активные силы, борющиеся против существующего общественного строя» [76, с. 245]. Поэтому романтический пафос Лермонтова, был пафосом протеста. Основа основ в романтизме Лермонтова не признание сущего и противоположение ему мечты о гордой и вольной личности.

Романтизм Кутби Кирона рождало чуткое художественное видение нового в жизни современного таджикского народа, чувство гордости за свою родину, т.е. возбудителем восторженного духа поэта стала социалистическая реальность, которая и приобрела истинное отображение в его творчестве:

...деревцо зелёное – орех.
...как хозяин собственной судьбы,
Стоит, красуясь, посредине лета.
Таков я сам сегодня... [2, с.75].

Являясь одаренным, необыкновенным художником, Кутби Киром, творчески осваивал революционную сущность русской поэзии, её романтический пафос, прибывая при этом непревзойденным, неповторимым. Советская действительность предопределила оптимистический смысл его поэзии.

Кутби Киром обладал творческой самостоятельностью, и это проявилась в том, что он воспринял в поэзии Лермонтова то, что могло духовно обогатит его народ. Его произведения впитаны самым существенным, что было у Лермонтова: народность и высокая убеждённость, свойственные его произведениям, а также их романтическую воодушевленность.

ГЛАВА III. МЕЛОДИЧНОСТЬ И ЛИРИЗМ ПОЭЗИИ М. ЛЕРМОНТОВА, ОСОБЕННОСТИ ЕЁ ПЕРЕВОДА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

3.1. ПОЭЗИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ТАДЖИКСКИХ ПЕРЕВОДАХ XX ВЕКА

Переводы произведений русских поэтов и писателей, вообще переводческая деятельность в нашей стране, не новое явление. Назовем лишь некоторые переводы, выполненные нашими литераторами, которые больше известны каждому таджикскому читателю: из Лермонтова - «Демон» («Иблис»), «Смерть поэта» («Вафоти шоир») в переводе Х. Юсуфи, «Бородино» в переводе М. Фархата, «Морская царевна» («Шохдухтари бахрӣ») в переводе Б. Рахимзода; рассказ Л. Толстого - «Кавказский пленник» («Бандии Кавказ») перевод Х. Карима; произведения А.П. Чехова - «Унтер Пришебеев», «Ванька» в переводе Дж. Икроми и «Человек в футляре» в переводе А. Пирмухаммедзаде и многие другие. Переводчики – люди, обладающие большим литературным талантом; отлично знающие родной язык и язык переводимого художественного текста.

В советское время таджикское литературоведение произвело важные исследования в деле познания, как своего классического наследия, так и современного литературного художественного опыта. Основательные работы И.С. Брагинского, А. Мирзоева, Н. Масуми, Р. Хашима, А. Розенфельд, В. Самада, А. Давронова, Х. Шодикулова, А. Сайфуллоева и многих других литературоведов охватывают результаты исследования таджикской литературы. Взаимоотношение литературных традиций, национальная особенность таджикского литературного движения, связь литератур в современную эпоху, художественный мир творчества – это проблемы, которые обсуждались в их трудах.

Творчество немислимо без свободы, без свободы оно завядаёт. Без творческой независимости, без душевной расположенности, без творческого порыва, без идеальной осведомленности не может быть написано ни одно серьёзное произведение. Иметь право на творческую независимость – это залог обязательного признания труда переводчика. Этого права удостоены все поэты-переводчики: и только приступающие к работе, и уже известные знатоки в этой области. Только лишь переводчик, свободный в выборе средств, может достигать глубокую суть оригинала и воссоздать его на родном языке. Однако эта свобода не должна иметь ничего общего со своеволием.

Перевод – это, можно сказать, искусство и умелость, и поэт-переводчик должен отлично владеть языком оригинала, ознакомиться с культурой, знать своеобразие жизни и быта народа, поэзию которого он отображает на своём родном языке.

Лицу, занимающемуся переводами, необходимо быть осведомленным в области истории творческого продвижения автора. Только тогда он может возродить наиболее приблизительно и в точности суть какого угодно произведения в пределах переводимого языка. Быть может это требование весомое, но неперемное.

Множество произведений русских поэтов и писателей, чтобы становиться эпизодом таджикского искусства, одолевают период подстрочного, буквального непоэтического перевода подстрочника.

Одной из не простых задач является безупречный буквальный перевод. Чтобы сделать идеальный перевод, в точности передать все оттенки смысла произведения, отдаленного от нашего времени многими столетиями, поэту-переводчику понадобится не только совершенное владение языком оригинала, но и серьёзные разносторонние знания. Однако мы не всегда имеем под рукой точный, безупречный подстрочник. Иногда случается, что подстрочный перевод, если даже он выполнен знаменитыми мастерами, не всегда, к сожалению, точен. В качестве примера можно привести то, что

В. Державин, переводя рубаи Хайяма по подстрочнику, не смог точно передать их смысл и идейно тематическую сущность.

Сам процесс перевода происходит продуманно и последовательно при следовании определенным правилам в каком-то определенном диапазоне, выходя за которое мы лишаемся права говорить о переводе.

Дозволяется и даже приветствуется пользоваться подстрочниками, но вдобавок к этому важно обратиться за помощью к учёным и специалистам. Надлежит прибегать к помощи учёных-филологов, экспертов в области русской классической поэзии, и обратиться к поэтам-переводчикам за консультацией.

Известно, что всякий истинный переводчик отличается индивидуальным стилем. Естественное дело, что он воспроизводится и в переводах. Только это не значит, что переводчик целиком и полностью может подмять переводимое произведение под свой стиль. То, что совместная работа переводчика с автором является мотиватором творческого прогресса, в этом нет никакого сомнения.

В данном разделе работы мы постараемся проанализировать переводы стихотворений Михаила Юрьевича Лермонтова на таджикский язык, выполненные знаменитыми таджикскими поэтами-переводчиками, которые дают возможность рассуждать о том, как и в каком направлении, складывался их интерес к русской поэзии. Несомненно, главное в образе Лермонтова – это то, что он в первую очередь поэт. Естественно, что именно стихотворения становятся первым предметом внимания таджикского лермонтоведения.

Перевод стихотворного текста очень трудный процесс. Переводчику необходимо обрести стиль и язык автора и одновременно быть преданным своему языку. Установление точности выполненного перевода иногда бывает проблематичным. Одни стараются передать содержание, смысл, присутствие образов, другие выдвигают на первый план форму и ритм. В данной работе уделяется большое внимание анализу переводов стихотворных произведений

Лермонтова. Оригинальные тексты и тексты переводов, являющиеся объективными фактами для наблюдения, служат для сравнительно-сопоставительного анализа. Стоит подчеркнуть, что таджикский язык относится к аналитическому строю и отличается от русского количеством букв, интонацией, грамматической системой. К тому же есть характерные черты поэтического жанра, которые нужно принимать во внимание. Как справедливо замечает один из теоретиков художественного перевода Г. Гачечиладзе: «Перевод, в том числе и поэтический – это воссоздание на другом языке целого произведения, по тем же законам, по каким оно создано на своем языке. Перевод надо рассматривать так же, как и его подлинник: различие лишь в сопоставительном плане, который проявляется на всех уровнях – на лексическом, на синтаксическом, на стилистическом. Однако решающим является сопоставляемость перевода как целого, с подлинником как с целым. В этом – основа перевода» [69, с. 6].

Поклонники таджикской поэзии знакомы с творчеством Бахрома Фируза. Многие рассказы и циклы стихов напечатаны в республиканских и центральных изданиях: «Наврузи» (1968), «Утренняя книга» (1971), «Млечный путь» (1972), «Поклон земле родной» (изд. «Художественная литература», М., 1974), «Колосья одного снопа», «У подножия голубых гор» (изд. «Художественная литература», М., 1979). Бахром Фируз пишет о молодёжи, стремящейся найти своё место в жизни, утверждает силу настоящей дружбы и любви. Ещё в 1981 году издательство «Маориф» («Просвещение») выпустил сборник под названием «М.Ю. Лермонтов. Шеърҳо ва дostonҳо» («М.Ю. Лермонтов. Стихотворения и поэмы»), в который вошли ряд произведений М.Ю. Лермонтова, переведенные Бахромом Фирузом на таджикский язык. Это такие стихотворения, как «Черкесдухтар» - «Черкешенка», «Поэт» - «Шоир», «Н.Ф.И...вой» - «Ба Н.Ф.И.», «К... (Мы случайно сведены судьбою)» - «Ба... (Аз тасодуф якдигарро ёфтем)», «Монолог» и другие.

Наряду с этим, в переводах стихотворений Лермонтова в некоторых случаях наблюдается творческий подход, а где-то сохраняется выражение особенности языка подлинника. Стихотворение «Черкешенка», которое начинается со строк:

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природа дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты! [10, с.50].

Перевод:

Теппазору марғзорон дидаам,
Дидаам ман чангалу кӯхсорро,
Файзи сахрои гулафшон дидаам,
Дидаам халқи саодатёрро,
Соддаю дилчӯй пирон дидаам.
Лек андар соҳили Терек ба ман
Турфа черкесдухтаре омад дучор.
Пора шуд дил аз нигоҳаш бесухан,
Ёд омад зодгах, ёру диёр,
Чилвагар шуд дар назар – Модар-Ватан...
Ҳар замон мерезад аз овои мо
Рӯҳи афсуну надомат бо фиғон
Дар забонҳо сӯзи ғамполои мо,
То ба рӯзи вопасин дар ин чаҳон
Нола дорад ишқ дар дилҳои мо. [34, с.44].

В настоящем контексте наглядно отображен стиль поэта-переводчика Б. Фируза. Комбинации, переведенных Б. Фирузом, такие как: «теппазору марғзорон дидаам» (досл. «холмы и лужайки я видел»), «ёд омад зодгах, ёру диёр, / чилвагар шуд дар назар – Модар-Ватан» (досл. «вспомнились, родина,

друзья и край родной, / блеснула пред взором – родина-мать»), является плодом воображения автора перевода. А следующие сочетания «файзи сахрои гулафшон дидаам» (досл. «щедрость степей, усыпанных цветами, я видел»), «соддаю дилчӯй пирон дидаам» (досл. «простых любезных стариков я видел»), и вовсе отсутствуют в подлиннике. В конечном итоге, на таджикском языке мы получаем не подстрочный перевод, а вольный перевод стихотворения. И его, конечно, таджикский читатель принимает с удовольствием, потому что получилось изумительное стихотворение Лермонтова на таджикском языке.

Возможно, таджикскому поэту показалась особенно близкой элегантность композиции, которая гармонично сочетается с выразительностью художественных образов, описание пейзажа кавказских предгорий, лермонтовское стремление возвращаться в те мгновения, когда он был счастлив. Как видим, Лермонтов подытоживает, что эти минуты всегда живы:

Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит. [10, с.50].

Элементарно, что переводчик, перед тем как перевести художественное произведение, должен освоить идею оригинала, иначе невозможно отразить идейную и художественную красоту подлинника.

Разнообразны по тематике и значимости стихи русского поэта, в том числе стихотворение под названием «Монолог», которое в подлиннике звучит так:

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветём недолго, быстро увядаем... [10, с. 65].

Перевод:

Чоҳилу номард даврон мекунад,
Донишу фарҳанги мо даркор нест.
Аз ҳунар, аз шавқи озодӣ чи суд?
Ин матоъ аз баҳри ин бозор нест!
Чун гиёҳу сабзаи мулки шимол
Зуд мо гул карда мегардем хазон... [34, с. 48].

При переводе Б. Фируз приложил все усилия, чтобы соблюсти главное правило – не нарушать смысл оригинала и посредством родного языка передать особенности и менталитет другого народа. Глубокий интерес вызывает ещё один вопрос, касающийся этого перевода, т.е. о непереводаемости в переводе. В каждом языке есть слова и выражения, которые не переводятся адекватно. В таком случае переводчик старается найти аналогичные эквиваленты, соответствующие языку оригинала или вовсе пропустить их. Следует отметить, что в данном переводе пропущены сочетания «мы, дети севера», «на сером небосклоне» [10, с. 65]. Может поэт сделал это намеренно. Однако к одиннадцатой строке «Не зная ни любви, ни дружбы сладкой» [10, с. 65] при переводе поэт добавил сочетание «бе баҳор» («бе муҳаббат, бе рафоқат, бе баҳор» - досл. «без любви, без дружбы, без весны»). Несмотря на это, видно, что Б. Фирузу удалось передать неповторимые краски лермонтовского стиха.

Отдавая дань работе переводчика, можно считать этот перевод удачным. В переводе соблюдено соотношение языка и духа перевода с оригиналом, соответствуют форма и содержание стихотворения. Сравнивая текст оригинала и перевод, можно сказать, что эти стихи отличаются друг от друга только тем, что написаны на разных языках, но по признакам содержания и идеи, средств художественного изображения сохраняют свою духовную природу.

Стихотворение Лермонтова «К...» («Мы случайно сведены судьбою») - «Ба...» («Аз тасодуф якдигарро ёфтем»), ставшее предметом восприятия и перевода таджикского поэта Б. Фируза представляет собой страстный монолог, в котором поэт пытается достучаться до возлюбленной и рассказать ей о своих чувствах:

Оригинал:

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою;
Хоть пути не кончить им вдвоём. [10, с. 366].

Перевод:

Аз тасодуф якдигарро ёфтем,
Хешро дар якдигар бишнохтем.
То ба охир гарчи ҳамдам нестем.
Ҳар ду бо як сӯз дил бигдохтем. [34, с. 46].

Стихотворение посвящается Варваре Лопухиной, в которой поэт видел свою музу. Лермонтов видит в своей избраннице не только это, он восхищается её богатым внутренним миром. Именно по этой причине поэт просит свою музу:

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них. [10, с. 366].

В переводе Б. Фируза, как и в оригинале, главным остается романтический мотив. Но в отличие от оригинала, в котором герой Лермонтова осознает события своей жизни перед всем миром, у Б. Фируза представлена история любви:

Бар сари ман осмони соф бош,
Вақти тўфонам ба ман ҳамдўш гард,
Зиндаам бо шўру исёну талош,
Дар талотумҳо ба ман ҳамдўш гард. [34, с. 46].

Будь чистым небом над моей головой,
Во время моих бурь со мною будь,
Я жив мятежом, бунтом и стремленьем,
Со мною заодно в волнениях будь.

(Подстрочный пер. автора – С. К.)

По форме перевод Б. Фируза похож на масневи, а содержание подобно газели. В переводе также как и в подлиннике доминируют любовный мотив и любовное настроение.

Известный таджикский поэт Гулназар Келди - автор текста гимна нашей республики, а также поэтических сборников «Солдатский характер» (1969), «Дастархан» (1972), «Лестница» (1975), «Перевал» (1979), «Простор» (1981), «Якорь» (1984), отдельными книгами в издательстве «Советский писатель» вышли поэтические сборники «Звезда Улугбека» (1981), «Тень тутовника» (1986).

Г. Келди глубоко интересовался литературой других стран и знакомил таджикских читателей с творениями своих собратьев по перу. Поэт поддерживал мнение о том, что перевод нужно воспринимать как самостоятельное художественное произведение. В своих переводческих работах он четко следует этой теории. Им переведены на таджикский язык стихи и поэмы М. Лермонтова, книги стихов М. Цветаевой, М. Светлова, Р. Рождественского, а также некоторых других русских, украинских, армянских, азербайджанских поэтов. Его переводы вошли в несколько сборников стихов, одним из которых является «М.Ю. Лермонтов. Шеърҳо ва достонҳо» («М. Ю. Лермонтов. Стихотворения и поэмы», 1986). В сборник включены следующие переводы: «Пайравӣ аз Байрон» («Подражание

Байрону»), «Ба N.N.» («К N.N.»), «Тарона» («Песня»), «Ба Кавказ» («Кавказу»), «Суруди гурҷӣ» («Грузинская песня») и другие.

Лермонтов – это поэт, общение, с творчеством которого для Г. Келди оказалось памятным событием. Поэт-переводчик стремится в высшей степени отражать настроение, реальную картину лермонтовской поэзии.

Стихотворение «Кавказу» («Ба Кавказ»):

Кавказ! далёкая страна!

Жилище вольности простой!

И ты несчастьями полна

И окровавлена войной!.. [10, с.109], в переводе с русского подлинника на таджикский язык, выполненном Г. Келди, выглядит следующим образом:

Кавказ, эй кишвари дури зебо,

Мулки озодии оддии касон!

Ту ҳам аз бахти бадат пурсавдо,

Ту ҳам ба чанг шудӣ хуношом!..

Дигар, эй черкеси озодаманиш,

Ту лар ин чой маҷӯ нақши куҳан,

Мулки озодипарастат имрӯз

Баҳри озодӣ бимирад чун ман... [34, с.41].

Анализируя стихотворение, мы пришли к выводу, что переводчик Г. Келди выполнил буквальный перевод. Для сопоставления обратимся к отдельным выражениям и фразам: «Кавказ! далёкая страна! – Кавказ, эй кишвари дури зебо», «Жилище вольности простой! - Мулки озодии оддии касон!». В первой строке появилось лишнее слово «зебо – красивый» и в результате получилось «Кавказ! далёкая, красивая страна». Во второй строке слово «жилище» переведено как «мулк» (владение), тогда как таджикским эквивалентом слову «жилище» являются «манзил, маскан, бошишгоҳ,

истиқоматгоҳ». В данной строке переводчиком добавлено слово «касон», которое переводится на русский - чужие, другие. На первый взгляд, словно бы, перевод Г. Келди не точен. Подобное суждение можно назвать обманчивым. В действительности перевод высококачественный и таджикский поэт, познав саму суть мотива стихотворения, переведя его на таджикский язык, добивается успеха.

Кавказ для Михаила Юрьевича Лермонтова – это воплощение свободы в полном своём смысле. «Жилище вольности простой!». Мне кажется, что это словосочетание обозначает, что только на Кавказе можно обрести настоящий покой, свободу мысли. Как видно, поэт-переводчик смог передать свободолобивый дух данного стихотворения.

Перед тем, как сопоставить действительность текста оригинала стихотворения Лермонтова «К N.N.» и его перевод («Ба N.N.»), хотелось бы отметить, что стихотворение обращено однокласснику и товарищу Лермонтова по пансиону Сабурову. «Наша дружба смешана со столькими разрывами и сплетнями – что воспоминания о ней совсем не веселы. – Этот человек имеет женский характер. – Я сам не знаю, отчего так дорожил им», - писал Лермонтов [10, с. 618].

Необходимо отметить, что у таджикского поэта Г. Келди перевод получился содержательным. Переводчик осуществил задуманное, иными словами справился со своей работой нужным образом. Разгадав и усвоив для себя жанровые характеристики Лермонтова, и стараясь не пропустить ни одного звука, Г. Келди передал в своём переводе авторские чувства, «дневниковость» этого стихотворения. Мы можем наблюдать это в следующих строках:

Оригинал:

Ты не хотел! но скоро волю рока
Узнаешь ты и в бездну упадешь;
Проколет грудь раскаяния нож.
Предстану я без горького упрека. ..

Я оттолкну униженную руку,
Я вспомню дружбу нашу как во сне;
Никто со мной делить не будет скуку;
Таких друзей не надо больше мне;
Ты хладен был, когда я зрел несчастье
Или удар печальной клеветы;
Но придет час: и будешь в горе ты,
И не пробудется в душе моей участие!.. [10, с. 41].

Перевод:

Туро хоҳиш набуд! Аммо ба ҳукми қисматат охир
Ту мефаҳмӣ, ту меафтӣ ба коми вартаи пурғам.
Ба сина мехалад теғи пушаймонӣ туро он дам,
Бидуни таънаи талхе ба наздат мешавам ҳозир.
Ту мефаҳмӣ дигар он лаҳза маънои нигоҳамро,
Вале баҳри ту марговар бувад чун захру чун шамшер.
Ту мехоҳӣ зи нав рӯ оварӣ бар чурму бар таксир,
На! Акнун дер шуд, эй дӯст, нафъе нест з-ин савдо;
Туро теғи нигоҳи ман зи нав ронад ба дуриҳо!..
Нагирам дасти нопоку ҳақиқатро ба дасти худ.
Ба ёд орам, чу дар хобе кунун ман дӯстии худ,
Нагардад ғамгусори ман каси дигар дар ин дунё!.. [34, с. 38].

В настоящем переводе текст романтического стихотворения передан Г. Келди с сохранением неповторимых красок лермонтовских стихов, музыки его речи. Переводчик смог успешно отобразить эти краски на таджикском языке. В своём переводе таджикский поэт сумел буквально передать фразеологизмы и образность сочетаний («Проколет грудь раскаяния нож» - «Ба сина мехалад теғи пушаймонӣ») и мелодраматичные мотивы («Я оттолкну униженную руку» - «Нагирам дасти нопоку ҳақиқатро ба дасти худ», «Таких друзей не надо больше мне» - «Чунин ёре маро дигар ба роҳи

умр лозим нест»). В данном тексте слово «оттолкну» переведено «нагирам», «униженную руку» – «дасти нопоку ҳақиқатро», в то время как глагол «оттолкну» переводится «тела медихам», а «униженная» – «хору зор, хакир». Переводчик их передал на таджикский язык по смыслу.

Сравнивая оригинал с переводом, мы становимся свидетелями факта, что Г. Келди весьма удачно передал на таджикском языке следующие словосочетания: «Предстану я без горького упрека» - «Бидуни таънаи талхе ба наздат мешавам ҳозир», «Ты хладен был, когда я зрел несчастье» - «Чу бепарво будӣ бар дарду бар идбори тақдирам», которые легко воспринимаются таджикскими читателями.

Накануне дуэли, буквально за несколько недель до трагической гибели М.Ю. Лермонтов написал стихотворение «Утёс». Биографы поэта уверены, что он предчувствовал свою гибель. Однако, в стихотворении «Утёс» нет ни одного указания на то, что Лермонтов понимал, что его земной путь подходит к концу. Стихотворение переполнено романтикой, чувственностью и воодушевленностью. Тема стихотворения двусмысленное изображение природы и любовно-философская. Вероятно, лирический герой сам поэт, находящийся в душевной печали.

Следует отметить, что стихотворение М.Ю. Лермонтова «Утёс» было переведено на таджикский язык четыре раза. Его переводом занимались известные поэты Б. Рахимзода («Кӯҳпора»), Г. Келди («Сахра»), Х. Файзулло («Абр») и автор данной диссертации («Харсанг»). Необходимо отметить, что Х. Файзулло изменил не только оригинальное название («Абр» на таджикский язык переводится как «туча»), но и смысл всего стихотворения, при котором искажается творческий замысел автора оригинального текста. Остальные переводы мы считаем адекватными.

Обратимся к переводу стихотворения, выполненному поэтом Г. Келди, и проведем сравнительно-сопоставительный анализ. Другие переводы будут приведены лишь для того, чтобы представить читателю близкое точное ознакомление с содержанием текста.

Кӯҳпора

Дар оғуши кӯҳпораи паҳлавон
Яке абри заррин шабе хоб кард;
Саҳар хест аз хобу бозикунон
Шино кард дар қулзуми лочувард;

Дар очинги кӯҳпораи пир асар
Бимонд аз сиришки ғами беканор.
Ситодааст танҳову фикре ба сар,
Бувад оби чашмони ӯ шашқатор.

Перевод Б. Рахимзода [30, с.166].

Сахра

Абри тиллои шабе хобида буд
Дар канори сахраи тановаре.
Субҳидам рафт аз паи савдои худ
Дар самои нилии хушманзаре.

Абр рафту дар чабини сахра монд
Нақши тар чун бусаи тар ёдгор.
Сахраи хомӯш гиряд бефиғон
Дар миёни даштзори беканор.

Перевод Г. Келди [32, с.109].

Абр

Дар дили кӯҳи бузурге дидаам,
Як шабе чун тифл абре хуфта буд.
Субҳидам аз хоби худ бархоста,
Бар канори осмон пар мекушуд.
Дар чабини куҳ лекин ёдгор,
Як ду қатри ашк афканду гузашт.

Мекунад андеша ин кӯҳи бузург,
Абр дорад гирия болои дашт.

Перевод Х. Файзулло [41, с. 4].

Харсанг

Хуфт абрчаи тиллоӣ
Шабе дар синаи харсанги калон;
Субҳидам хушҳолу бозикунон
Ба само дар раҳи худ шуд равон;

Вале бар рӯи харсанги куҳан
Монд асари тозаи нам.
Ғарқи андеша шуда, ӯ танҳо
Меистад гириякунон дар сахро.

Перевод автора – С.К. [24, с. 38].

В первую очередь отметим, что поэт-переводчик Г. Келди проявил большое внимание форме. Перевод стихотворения, как и подлинник, представлен двумя четверостишиями, сохраняются две строфы. Необходимо подчеркнуть, что строки перевода не удлиняются вследствие добавления слов, отсутствующих в оригинале. Хотя рифма оригинала с переводом не совпадает, все же текст перевода довольно мелодичен и легко читается. Отметим, что в оригинале использована кольцевая рифмовка (авва), а в переводе - перекрестная (авав).

Обратимся к первым строкам первого четверостишия подлинника и перевода:

Ночевала тучка золотая - *Абри тиллои шабе хобида буд*
На груди утёса – великана; - *Дар канори сахраи тановаре.*

Здесь используются такие приёмы как перестановка. Меняется порядок слов в предложении – первая строка в переводе звучит «*тучка золотая ночевала*». Следующий отрывок из Лермонтова:

Утром в путь она умчалась рано

По лазури весело играя [10, с.525], Г. Келди передал таким образом:

Субҳидам рафт аз паи савдои худ

Дар самои нилии хушманзаре. [32, с.109]

В этих строках переводчик применил прием добавления слов, отсутствующих в оригинале («хушманзаре» - «красивый»). Отметим наличие лексических замен (*умчалась – рафт аз паи савдои худ «ушла по своим заботам»*) и опущений (*рано, весело, играя*). Видимо кажется необычным использование слова рафт (*ушел*) в оригинале *умчалась*.

Далее в сочетании «*по лазури - дар самои нилии хушманзаре*», переводчик на первый план выдвигает цветовую составляющую данного слова.

*Но остался влажный след в морщине - Абр рафту дар ҷабини сахра монд
Старого утёса. Одиноко - Нақши тар чун бусаи тар ёдгор.*

В приведенных строках второго четверостишия наблюдаем добавление слов отсутствующих в оригинале (*абр рафту – туча ушла, чун бусаи тар ёдгор – как влажный поцелуй на память*) и опущение (*одиноко*). Таджикский переводчик олицетворяет утес с образом человека. Возможно, старается заинтересовать к испытанию лирическим героем эмоционально-физических страданий от тоски, печали.

*Он стоит, задумался глубоко, - Сахраи хомӯш гиҷад бефигон
И тихонько плачет он в пустыне. - Дар миёни даштзори беканор.*

В этом фрагменте тоже использован прием перестановки и многочисленные добавления (*бефигон, дар миёни, беканор*). Переводчик допускает опущение слова «*задумался*» в предпоследней строке.

Подытоживая, хотелось бы отметить, что, невзирая на использование переводческих приёмов, Г. Келди смог сохранить тему и сюжет, образы

фигурируют, мотив одиночества порхает в строках. Переводчик полностью сохранил мелодичный ритм, благодаря которому представляешь, как золотая тучка опускается на грудь утёса. Г. Келди перевёл данное стихотворение так, что таджикский читатель, не знающий подлинника, читает его с наслаждением. Перевод представляет большую ценность для таджикской литературы.

Таджикский переводчик Аслам Адхам сыграл большую роль в формировании литературных связей. Велика его заслуга в укреплении отношений таджиков с другими народами. Поэт восхищался стихами Лермонтова. Он перевел на родной язык более 20 стихотворений русского поэта. Можно сказать, что А. Адхам перевел самые знаменитые стихи Лермонтова, такие как «1831-го года дня 11 июня», «Тучи», «Бородино», «Веселый час», «Прощанье», «Романс», «Родина», «Гляжу на будущность с боязнью», «Девятый час...», «Выхожу один я на дорогу», «Нет, я не Байрон, я другой», «Ребенка милого рожденье» и др.

В стихотворении «Родина», которое стало объектом внимания А. Адхама, М.Ю. Лермонтов использует вольный ямб, но последняя строфа отличается регулярным чередованием количества слогов, т.е. в нечетной строке 9 слогов, а в четной – 8. У А. Адхама («Ватан») в переводе не наблюдается регулярное чередование: в первой строке 11 слогов, во второй – 11, в третьей – 11, в четвертой – 10 и т.д.

У Лермонтова:

Люблю дымок спаленной жнивы, (9)

В степи ночующий обоз (8)

И на холме средь желтой нивы (9)

Чету белеющих берез. (8) [10, с.509].

У А. Адхама:

Дар миёни заъфарон дашти калон, (11)

Дар канораш чуфти тўсе сар ба авҷ. (11) [34, с.66].

Нужно отметить, что переводчик соблюдает корректность передачи оригинала, т.е. не нарушает порядок рифмовки (авав), но в приведенном примере можно, прежде всего, обнаружить, что А. Адхам сократил количество строк оригинала: четырехстрочная форма оригинала превратилась в двустрочную. Это первые две строчки, а дальше идёт такое нерегулярное чередование:

Бинам аз шодӣ дигарҳо беҳабар, (11)
Он сарои ғаллааш то шифт пур. (10)
Кулбаи бомаш ғарам аз бедатар, (11)
Дар тиреза пардаи чин-чини хур; (10)
Беғаҳи шабнамгирифта идҳо (10)
Ҳозирам то ними шаб созам нигоҳ (11)
Рақси покӯбону ҳуштак бо сафо, (11)
Гуфтугӯи маст деҳқонони роҳ. (10) [34, с.66].

Необходимо отметить, что стремясь правильно воспроизвести на родном языке переводимое произведение, переводчик каждый раз пытается соединить грамматическую и лексическую структуру языков с художественным содержанием. А. Адхам при переводе стихотворения «Родина» как, в лингвистическом, так и в эстетическом плане не отходит от подлинника. Особенно ярко это выражено в первой строфе:

Оригинал:

Люблю Отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой,
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные приданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья. [10, с.509]

Перевод:

Бас ғароиб ишқ дорам бар ватан!

К-он бурун аз ақлу идроки ман аст.
Не шараф, к-омад зи користони ман,
Не ғуруру ишрату айшу аласт,
Не азиз афсонаҳои бостон,
Кай диламро парваранд завқ ончунон. [34, с. 66]

Как мы видим, А. Адхам пытается сохранить не только мелодичность стихотворения, но и стремится изобразить лингвистическую точность, а также старается отобразить подлинную стилистическую окраску самих слов. Например: «шевелят» переводится как «выращенный», «мечтанья» как «желание». Далее переводчик, чтобы зарифмовать вторую и четвертую строки, трактует «покой» как наслаждение, пированье и пьянство («ишрату айшу аласт»).

Известно, что при дословном переводе нельзя сохранить такие художественные особенности текста оригинала, как рифма, ритм, стиль. Но желая максимально точно передать смысл оригинала, при переводе стихотворения «Родина», А. Адхам использует подстрочный перевод. Безусловно, в таком случае может появиться художественное воздействие на текст перевода, которое связано со свойствами языка текста оригинала. В переводе А. Адхама в связи с тем, что переводчик доминантой выдвигает восприятие таджикского читателя, наблюдается эстетическая интерференция, так как в культуре каждого народа по отношению к другой существуют лакуны (безэквивалентные, непередаваемые слова, представление о предметах, имеющих в одной стране, а в другой отсутствующих). Таджикский переводчик счел нужным, что в данном случае имеет большое значение передача идеи стихотворения. Следовательно, в переводном тексте в использовании некоторых словосочетаний наблюдается эстетическая интерференция, например, «с резными ставнями окно». А. Адхам эти лексемы перевел как «окно с занавесками в складку» («пардаи чин-чини хур»). Также в переводном тексте «Родина» вместо суффикса «-ист-»

(обозначающего «много») в сочетании «росистый вечер», поэт-переводчик употребил «вечером с росой».

Итак, необходимо отметить, что здесь в переводе, как и в подлиннике, наблюдается соответствие формы и содержания, но вместе с тем, оказались утрачены мелодичность и гармоничность. Возможно, причиной этому было то, что переводчик старался максимально близко воспроизвести подлинник на своем родном языке, т.е. выполнил дословный перевод.

Особый интерес представляет другое стихотворение М.Ю. Лермонтова, под названием «Тучи»: «Тучки небесные, вечные странники! / Степью лазурною, цепью жемчужною / Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники / С милого севера в сторону южную» [10, с. 498], переведенное А. Адхамом («Абрхо»):

Абракони осмонӣ, доимӣ сайёҳҳо!
Бо сафи марворидӣ аз даштҳои каб-кабуд
Тез метозед, ҳамчун ман, бадарға – рондаҳо,
Аз шимоли меҳрубон сӯи чануби беҳудуд. [34, с. 59].

Мы видим, что в переводном варианте как и в оригинале А. Адхам сохранил сложную схему рифмовки (авав). В оригинале стихотворение состоит из трех строф, а переводном варианте оно не разбито на строфы (вероятно перевод не разбит на строфы по вине типографии – прим. автора – С.К.). В данном переводе так же, как в переводе стихотворения «Родина», А. Адхам дословно передает содержание оригинала. В оригинале в первой строфе лирический герой Лермонтова сравнивает свою жизнь с «небесными тучами», и это сохранено в переводе («тучки небесные ..., будто как я» - «абракони осмонӣ..., ҳамчун ман»). А первый стих последней строфы начинается с отрицания «Нет», который тоже сохранился в переводном тексте. Первые слова первой и третьей строк буквально совпадают («нет» - «на», «вечно» - «доимӣ»). Эти строки завершены сочетаниями «зик кардааст», «озодед, бас», которые близки фонетически. Это, можно сказать,

удача для переводчика. Между тем строки не так аккуратны, и это мешает мелодичности стиха.

В таджикском варианте поэмы «Аул Бастунджи» («Овули Бӯстончи») переводчик Аслам Адхам мастерски передаёт ярко и выпукло изображенные Лермонтовым действующие лица и описание жизни горцев. К примеру, строфа, знакомящая читателя с убранством сакли братьев, звучит следующим образом:

Была их сакля меньше всех других,
И с плоской кровли мох висел зеленой.
Рядком блистали на стенах простых
Аркан, седло с насечкой вороненой.
Два башлыка, две шашки боевых,
Да два ружья, которых ствол граненый.
Едва прикрытый шерстяным чехлом.
Был закопчен в дыму порохом. [11, с. 261].

Перевод:

...Кулбашон буд аз дигархо хурд,
Ушнаи сабз руста дар сари бом.
Тани девор чашмро мебурд –
Зини накшин, каманди хушфарчом,
Ќуфти башлик, ду шофи чангии гурд,
Ду камони милаш рахи хушфом.
Нима пӯшида бо ғилофи чарм,
Дуди борут дорадаш тан нарм... [33, с.55].

За исключением некоторых случаев, когда переводчик по неизвестным нам причинам в тексте опускает слово или заменяет его другим, перевод можно считать удачным. Например, сочетание «шерстяным чехлом» в переводе передано как «бо ғилофи чарм - кожаным чехлом», хотя в таджикском языке эквивалентом слова «шерстяной» является «пашмин».

Таджикская поэтесса Гулрухсор, используя современный литературный язык, при своих переводах стремится к простому, ничем не стеснённому стилю. На первый план она выдвигает откровенность и лаконичность стихотворений Лермонтова. Ее переводы удостоены положительной оценки и одобрения современников.

Проведем сравнительно сопоставительный анализ текста стихотворения М.Ю. Лермонтова «Черны очи» с текстами переводов, выполненных поэтом М. Фархатом и поэтессой Гулрухсор. Так звучит первое четверостишие у Лермонтова:

Много звёзд у летней ночи,
Отчего же только две у вас,
Очи юга! черны очи!
Нашей встречи был недобрый час. [10, с.551].

Сопоставляя оригинал и перевод, можно заметить, что авторы переводов сохранили форму лермонтовского стиха: переводы, как и текст оригинала, состоят из трех строф.

У М. Фархата:

Чашмони сиёх

Шабҳои гармо ахтарон афсунсипох,
Аммо шуморо аз чи рӯ дуто,
Ҳайҳот чашмони чанубии сиёх,
Нохуб буд, дамҳои истикболи мо.

Ҳар кас бипурсад, тӯдаи наҷми шабон
Танҳо сухан гӯянд аз баҳти биҳишт,
Гардид, чашмони сиёх, бар дил аён
Фирдавсу дӯзах аз шумо, чун сарнавишт.

Чашмони фаттони чанубии сиёх,

Ман хондаам ҳукми муҳаббат дар шумо.
Аз баҳри ман рӯзу шабу шому пагоҳ,
Гаштед ахтарҳои пурнуру сафо! [30, с. 46].

У Гулрухсор:

Чашмони сиёҳ

Шабҳои гармо пур аз ситора,
Аз чӣ шуморо танҳо ду пора.
Чашми сиёҳе чашми ҷанубӣ,
Сӯзанда қисмат, тобанда хубӣ.

Гар аз ситора фарде бипурсад,
Посух диҳад аз рӯзи биҳишти.
Аз ду ситора - аз ду сияҳчашм
Даръёфтам ман хубиву зишти.

Чашми ҷанубӣ чашми сиёҳе,
Ҳукми шумо шуд ҳукми мураккаб.
З-он лаҳза бар ман гаштед як умр
Истораи рӯз, истораи шаб! [34, с.34].

М. Фархат перевел содержание произведения буквально. Разумеется, он не должен был переводить каждое слово по отдельности, а опираться на общий смысл произведения. Буквальный перевод причиняет огромный ущерб художественному произведению. В подобных переводах непрерывно можно встретить слова, которые нарушают нормы таджикского языка, звучат неестественно и не могут отображать все своеобразие подлинника. По всем вероятностям, переводчику нужно было искать другой метод, а не следовать слепо оригиналу, самопроизвольно вводя чужую таджикскому языку фразу.

Для наглядности сравним первое четверостишие оригинала и перевода. Вот как это звучит в переводе М. Фархата:

Шабҳои гармо ахтарон афсунсипоҳ, - В летние ночи звезды лукавые.
Аммо шуморо аз чи рӯ дуто, - Но у вас отчего две,
Ҳайҳот чаимони ҷанубии сиёҳ, - Жаль черные южные очи,
Нохуб буд, дамҳои истиқболи мо. - Плохи были моменты нашей встречи.

(Подст. пер. автора – С.К.)

Недостатком в переводном тексте М. Фархата является то, что он самовольно добавил слова «*ҳайҳот*» - «жалъ», «*афсунсипоҳ*» - «лукавые» к оригиналу: в оригинале «Много звёзд у летней ночи», а в переводе – «*В летние ночи звезды лукавые*». В последней строке оригинала слово «встреча» употреблено в значении «схождение с кем-нибудь», а в переводе для передачи этого слова М. Фархат использует «*истиқбол*», которое дает другое значение этого слова «прием». Известно, что «встреча» - это многозначное слово, и в таджикском языке существует слова «*вохӯрӣ, мулоқот*», которые могут точно передать этот смысл. Такое своеволие искажает смысл оригинала. Из-за того, что переводчик добавил слова, отсутствующие в оригинале, строки стали длиннее и трудно читаются. Особенно неудачно сделано концовка перевода:

Аз баҳри ман рӯзу шабу шому пагоҳ, - Ради меня днем и ночью, вечером и
утром,
Гаштед ахтарҳои пурнуру сафо! - Стали звездами сверкающими и ясными.

В оригинале:

Звезды дня и звезды ночи
Для меня вы стали с этих пор.

Перевод Гулрухсор удачнее перевода М. Фархата. Она переводит так:

Шабҳои гармо пур аз ситора, - Летние ночи полны звездами
Аз чӣ шуморо танҳо ду пора. - С чего у вас только две.

Надо сказать, что Гулрухсор обратила большое внимание на смысл. Мы также считаем это необходимым. Данный метод дает переводчику

возможность свободно выражать и свои чувства, и чувства автора, а также не искажать первоначальный смысл подлинника. Перевод Гулрухсор ближе к оригиналу, хотя в оригинале использована перекрестная рифмовка (авав), а перевод выполнен разными способами рифмовки (первая строфа смежным – аавв, вторая и третья строфы перекрестным – авав). Данный перевод совершенно адекватен, по всей видимости, раскованный и лаконичный: «*Чаими чанубӣ чаими сиёхе, / Хукми шумо шуд хукми мураккаб. / 3-он лаҳза бар ман гаштед як умр / Истораи рӯз, истораи шаб!*» [34, с.34].

Приведенный выше отрывок в переводе Гулрухсор ничем не уступает оригиналу. Он передает глубину и эмоциональную окрашенность подлинника.

Итак, анализ показывает, что подстрочный перевод, поиски эквивалента не образу, а к каждому слову, равнодушное отношение к экспрессивной окраске всегда становится причиной творческих неудач. Об этом В.Г. Белинский писал: «Близость к подлиннику состоит в предании не буквы, а духа создания. Каждый язык имеет свои, одному ему принадлежащие средства, особенности и свойства, до такой степени, что для того, чтобы передать верно иной образ или фразу, в переводе иногда их должно совершенно изменить. Соответствующий образ, так же как и соответствующая фраза, состоят не всегда в видимой соответствии слов: надо, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинала» [57, с. 76].

В стихотворении «Желание» (1831), анализ которого, на наш взгляд, имеет важное значение, Лермонтов использовал интересный размер – чередующиеся амфибрахий и анапест. Поэт выбрал этот размер специально, каждая строка пронизана тоской лирического героя:

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить

И одну лишь свободу любить?.. [8, с.11].

На таджикский язык стихотворение было переведено дважды. Впервые перевод «Желания» на таджикском языке, выполненный Хабибом Юсуфи был опубликован в первом номере журнала «Бо роҳи Ленин» - «По пути Ленина» в 1941 году:

Чаро ман нестам парранда ё зоғи биёбонӣ,
Ки ҳоло мекунад парвоз болоям – намедонӣ?
Чаро натвонам охир бар фазо парвоз карданро,
Ва озодӣ, фақат озодӣ аз чон нағз диданро?.. [34, с.7].

Двадцать три года спустя другой перевод стихотворения, выполненный Мухиддином Фархатом было напечатано в газете «Ҳақиқати Узбекистон» - «Узбекистанская правда», от 14 октября 1964 года:

Чаро қисмат пару болам набахшид,
Чу он зоғе, ки дар парвоз гардид?
Чаро парвоз карданро надонам,
Ки дорам дўст озодӣ чу чонам?... [30, с.62].

В переводах сохранились риторические вопросы, особенность звучания слов, которые выражают сожаление. Например, у Лермонтова первая и третья строки начинаются с вопроса «Зачем? («Чаро?»), выражающего недовольствие и поэт подчеркивает о двух отдельных явлениях (о свободном полете птиц и мечте о таком полете). Этот риторический вопрос полный печали сохранился в переводном тексте Х. Юсуфи. Х. Юсуфи, в переводе, использовал вид аруза ҳазачи мусаммани солим (мафойлун, мафойлун, мафойлун, мафойлун), сохранил музыкальность оригинала.

М. Фархат при переводе данного произведения применил другой аруз - «ҳазачи мусаддаси мақсур» (два раза мафойлун и мафойл), не смог сохранить все образы и музыкальность стихотворения. Хотя количество

слов в стихе Лермонтова и переводе совпадают, но таджикский одиннадцатисложный «хазач» не смог передать всю красоту русского стиха.

Когда Лермонтов писал стихотворение «Желание», он думал о родине своих предков - Шотландии. Здесь поэт высказывает мечту превратиться в степного ворона, который смог бы «одну лишь свободу любить». Эта цель в произведении выражена идиомой «парить в небесах»: «Зачем не могу в небесах я парить / И одну лишь свободу любить?» [8, с.11].

«Парить в небесах» измененный вид идиомы «парить в облаках», обозначающий «высокий полет», свободный полет». Лирический герой Лермонтова мечтает о свободе. К сожалению, ни Х. Юсуфи, ни М. Фархат не обратили внимания на эту фразу, и она выпала из переводного текста. Учитывая особенности таджикского языка в 30-е годы перевод Х. Юсуфи можно признать близким оригиналу по содержанию и сохранению системы образов подлинника. У Фархата это уже литературный язык 60-х годов. Он более поэтичный, но в его переводе чувствуется явный отход и в содержании и в сохранении системы образов оригинала.

Таким образом, в центре внимания таджикских поэтов оказались те лирические произведения Лермонтова, в которых заключаются «вечные вопросы» человеческого бытия: любовь, вера в высшие силы, свобода человеческой личности, судьба поэта и т.д. Важно отметить, что не всегда у авторов получается подходящим образом воссоздать в переводе все краски художественного целого подлинника. Но их желание ближе подойти к лермонтовскому тексту, приблизиться к духу и настроению оригинала и одновременно гармонизировать с языковым вкусом своей эпохи формулирует в основном общий процесс в переводческом восприятии Лермонтова на рубеже веков.

Наше исследование показывает, что таджикские переводчики выполнили полноценные переводы, то есть смогли показать творческое своеобразие автора. В их художественных переводах мы отыскивали взаимосвязь и некое слияние между ними и личностью автора оригинального

текста. Анализируя таджикские переводы поэтических произведений Лермонтова, мы убедились в том, что многогранное творчество великого русского поэта еще не познано в должном объеме.

3.2. ЛИРИКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ПЕРЕВОДАХ

М. ФАРХАТА И Б. РАХИМЗОДА

Исследование и изучение литературных произведений, переводы прозы, поэзии, проведение научных мероприятий, посвященных памяти поэтов и писателей, выдающихся деятелей науки, литературы, культуры прошлого века, почитание и охрана литературного, культурного наследия считаются из числа главных направлений русско-таджикского литературоведения. Истинная заслуга наших деятелей культуры, литературы и искусства в том, что духовная жизнь русского и таджикского народов становится всё разнообразнее и богаче.

Среди переводчиков лирики Лермонтова особое внимание обращает на себя деятельность Мухиддина Фархата и Боки Рахимзода, благодаря которым вышел сборник лермонтовских стихотворений на таджикском языке «Чавонии човидонӣ» («Вечная молодость», 1964 г.), насчитывающий почти 70 произведений поэта с предисловием М. Искандарова и иллюстрациями Туренко.

Б. Рахимзода – это поэт, многообразный творческий труд которого в течение почти полувека создавался на устойчивых убеждениях нашей общечеловеческой нравственности, и обладает богатым материалом для исследования. Интерес к творческому наследию Б. Рахимзода всегда был достаточно высок, так как он создал произведения, в которых освещались актуальные вопросы той эпохи. Научно-популярная монография Б. Худойдодова «Поэт и современность» на сегодняшний день является самым объемным анализом творчества поэта, которая раскрывает обширный круг вопросов. Подытоживая свои наблюдения, Б. Худойдодов пишет: «Устод Боки Рахимзода наилучшие свои стихи посвятил воспеванию труда и трудящихся; он создал произведения достойные людей нашей эпохи, утверждая в них величие человека» [113, с. 33]:

Основа жизни – труд. Везде! Всегда!
И радость к нам приходит от труда.
И светятся от вдохновения лица,
Когда работа дружная вершится. [113, с. 44].

Б. Рахимзода в своих стихах успешно использует формы и приёмы русской поэзии. Поэт больше описывает не само событие, а выражает своё отношение к событию. Правда, в действительности это и есть сущность лирики. Этот факт подтверждается и лирическим творчеством великих художников слова Рудаки, Хафиза, Джами, Пушкина, Лермонтова и других.

В середине 40-х годов прошлого века в поэзию Б. Рахимзода безудержно вторгается свежая лермонтовская струя, небывалая, сильная, одухотворяющая линия русской литературы. Поэт перевел отдельные произведения классиков русской литературы и стихи советских поэтов Н. Тихонова, М. Светлова, А. Суркова, Зульфийи, М. Рагима, Н. Хазри и др. Он для перевода берет те произведения, к которым отзывается его душа, чем-то родственные ему.

В своих переводах Б. Рахимзода старался целиком перевести идейное содержание лермонтовского текста на таджикский язык, соблюдая художественные особенности подлинника, его изобразительность и мелодичность. Таджикский поэт внимательно прислушивался к голосу мастера слова - Лермонтова, чтобы услышать своеобразный ритм речи автора, особое построение фразы. Иллюстрацией сказанного может послужить отрывок из перевода стихотворения «Свиданье»:

Уж за горой дремучею,
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ... [10, с. 437].

Перевод:

Дар пушти кӯҳи сарбаланд
Кайҳо фурӯ рафт офтоб,
Бо чӯши мавчи дилписанд
Рахшон бувад дар чашма об.
Аз накхати гулҳои тар
Пур гашта сахни бӯстон,
Хомӯш Тифлис сар ба сар,
Чарҳо ба торикӣ ниҳон. [30, с. 176].

Переводы требовали от Б. Рахимзода огромного труда над языком поэзии. Его переводы лермонтовских стихотворений «Пророк» («Пайғамбар»), «Дары Терека» («Ҳадяҳои Терек»), «Морская царевна» («Шохдухтари баҳрӣ»), «Утёс» («Кӯхпора»), «Ангел» («Фаришта») и других сыграли немаловажную роль в формировании эстетических взглядов поэта.

Лермонтовская «Дума» - творение, подготовленное всем предыдущим творчеством поэта. Она крепко связана с «Героем нашего времени».

Стремясь сделать «Думу» Лермонтова родственным людям иной культуры, Б. Рахимзода выполнил вольный перевод, иными словами творчески свободно отнесся к переводу.

Ритм стихотворения Лермонтова замедленный, выражает грустные думы поэта:

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем под временем познания и стремленья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели.
Как пир на празднике чужом. [10, с. 442].

Б. Рахимзода как большой эксцентричный художник слова вдохнул в перевод новую жизнь. В переводе, как и в оригинале, звучит интонация глубокого, горестного раздумья и речь произносится ровно, без восклицаний:

Ман ба ин авлоди худ бо яъсу ғам дорам нигоҳ!
Ҳаст ё холӣ ва ё торик истиқболашон,
Зимни он дар зери идроку ҳароси иштибоҳ
Пир аз беғайратии хеш гарданд ин замон.
Мо худ аз гаҳвора мегирем сарват аз падар:
Ақли дерину хатоҳои пур аз ташвишро,
Зиндагӣ чун роҳи бемақсад ба мо орад зарар,
Мисли он афтодае дар сӯхбати бегонаҳо. [30, с.119].

В первой строке слово «печально» в переводе передаётся двумя словами «яъсу ғам» - «отчаяние и печаль». Нужно отметить в переводе наличие лексических замен. В седьмой строке «томит» Б. Рахимзода заменил словом «зарар» - «вред». Вместо же «Как пир на празднике чужом» сказано: «Как тот опавший в разговоре чужих», что естественно, Б. Рахимзода считает более подходящим по отношению к своим современникам. А строку «и ненавидим мы, и любим мы случайно» поэт по неизвестным нам причинам пропустил.

Перевод «Думы» («Андеша») очень близко выражает лермонтовское содержание, о чём можно судить по следующим строкам:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно - малодушны,
И перед властью – презренные рабы. [10, с.442].

Перевод:

Бе набарду саъй пажмурда ба майдони ҳаёт
Мешавем, аз неку бад парво надорем он қадар;
Мо ҳама пеши ҳукумат – бандагони бесубот,

Мо ҳама тарсончаку шарманда дар пеши хатар. [30, с.119].

Используются такие приёмы как перестановка (меняется порядок строк в строфе) и добавление слов, отсутствующих в оригинале. Следует сказать, что строки перевода удлиняются по причине добавления слов (саъй, ҳаёт). В результате вторая строка, которая в переводе оказалась первой - *В начале поприща мы вянем без борьбы* - в переводе - *Бе набарду саъй пажмурда ба майдони ҳаёт* (*Без борьбы и усердий мы вянем на поприще жизни*). Как видим, переводчик опустил сочетание «в начале».

Хотелось бы отметить, что, несмотря на использование Б. Рахимзода переводческих приёмов, тема и сюжет сохранены, элементы элегии и сатиры, эмоциональность присутствуют. Переводчик уделил большое внимание форме. Перевод стихотворения также представляется разделением на строфы 16/8/12/8. Текст перевода, как и в оригинале, начинается ярко, с использованием ораторских приёмов. Затем осуществляется переход на более спокойный тон. Важно отметить, что переводчик смог мастерски передать контрастные понятия «ненавидим – любим» - «нафрат -ишқ», «холод – огонь» - «сардӣ – оташ», которые помогают переплести первую и вторую части стихотворения:

Оригинал:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови. [10, с.442].

Перевод:

Ишқи мо ҳам, нафрати мо ҳам тасодуф ҳар замон,
Мо накардастем баҳри ишқу нафрат чон фидо,
Ким-чӣ сон сардии пинҳон бар дили мо ҳукмрон,
Гарчи оташвор хун чушанда дар рағҳои мо. [30, с.119].

В переводе данного произведения представлена красота таджикских слов. На наш взгляд, перевод успешный и читается с интересом. Наряду с этим надо указать и на новые элементы, которые проникли в лирику Лермонтова. В эти годы В. Белинский обогащает словарь литературной критики, вводя в свои статьи философские термины, слова социального, морально-этического плана. И в «Думе» мы отмечаем такие слова как познание, бездействие, к добру и злу, в начале поприща, наукою бесплодной, мысли плодovitой, гением начатого труда и др. Таким образом, «Дума» является опытом глубокого психологического анализа, раскрытия души – и притом не одного человека, а целого поколения.

М.Ю. Лермонтову было всего лишь 17 лет, когда он написал стихотворение «Ангел» (1831). «Ангел» - это та точка, где пробрался наружу из душевной глубины родник поэзии величайшего гения русской литературы. В стихотворении «Ангел» - четырехстопный амфибрахий чередуется с трехстопным и поэтому оно становится музыкальным. Неслучайно данное стихотворение выбирали для своих романсов такие выдающиеся композиторы, как Н.А. Римский-Корсаков, С.В. Рахманинов, А.Г. Рубинштейн.

В каждом переводе Б. Рахимзода стремится представить свою работу на уровне поэтики оригинального произведения, не отдаляясь от его контекста. Здесь ему благоприятствуют два обстоятельства: богатство таджикского языка и талант таджикского поэта. При переводе «Ангела» («Фаришта») Б. Рахимзода, используя все возможности современного таджикского литературного языка, передал стихотворению Лермонтова аккуратную форму таджикского стиха. Данный перевод является верным и точным. Приведем отрывок из оригинала и перевод стихотворения «Ангел».

У Лермонтова:

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой

Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была. [10, с.239].

У Рахимзода:

Ними шаб парзанон дар авчи фалак,
Хонад охистаяк суруд малак.
Абру моҳу ситораҳо шуда гӯш,
Шунаванд ин сурудро хомӯш.
Месуруд аз саодати покон
Андар оғӯши равзаи ризвон.
Месуруд аз саною ҳамди худо,
Буд сурудаш пур аз дуруду дуо.
Баҳри ин олами сиришку фиғон
Ў ба каф оварид чони чавон.
Пас, сурудаш бимонд дар дилҳо,
Бе сухан, лек зиндаю фаҳмо.
Дар чаҳон дид бас азоби зиёд
Бо умеди висоли бахту мурад.
Савти дилгири ин замин асло
Нашуд андозаи суруди само. [30, с.70].

Нужно отметить, что переводчик точно передал смысл оригинала, за исключением того, что слово «ангел», в оригинале находится в первой строке, а в переводе - во второй строке, а слово «толпой» в переводе отсутствует и «слушают молча эту песню» - это измененная форма четвертой строки оригинала «внимали той песне святой».

Стихотворение состоит из четырех четверостиший (шестнадцать строк). Размер перевода совпадает с размером оригинала. Первые два

четверостишья – это описание «неба полуночи» и песни, которую поёт ангел. Лермонтов употребляет эпитеты «тихая, святая», характеризуя слово «песня». В переводе мы видим, что эпитет «святая» переводчик опустил, хотя в таджикском языке существует эквивалент этого слова – «муқаддас». Слова антонимы «небо» и «земля» в произведении занимают особое место, они усиливают противопоставление образов земли и неба. В оригинале стихотворение начинается со слова «небо», а заканчивается словом «земля». Переводчик при воспроизведении стихотворения не учел этот факт, и слово «земля» в переводе оказалось в предпоследней строке.

Перевод не лишен положительных сторон: достаточно удачный подбор эквивалентной лексики, тонкий литературный вкус, сохранение содержания оригинала.

Стихотворение «Песня» в переводе Б. Рахимзода («Суруд») получился достойным внимания. Оригинал стихотворения написан в размере трехсложного амфибрахия: «Не знаю обманут ли был я, / Осмеян тобой или нет, / Но клянуся, что сам любил я / И остался от этого след...» [10, с. 280].

Таджикский поэт при переводе выбрал размер хачази мусаддаси мақсур (мафойлун мафойлун мафойл), который тоже является трехсложным:

Намедонам фиребам дода будӣ,
Тамасхур кардиям ё не, чафокор.
Вале савганд шайдоям намудӣ,
Ки аз он мондааст андар дил осор.
Қасам бидхам туро бо номи афлок,
Ба онҳое, ки бар н-ояд дигар,
Ба номаълум бахтам, к-аз дили пок
Зи чурми ошики дилдода бигзар. [30, с. 76].

Здесь дело не в том, что совпадает стихотворный размер, а в том, что данный размер аруза смог передать внутреннюю мелодию стихотворения «Песня». При сопоставлении между текстом оригинала и переводным

текстом нельзя заметить различие. Даже в таджикском варианте большинство ударений падает на второй слог каждой стопы, что является достойным всяких похвал. В. Г. Белинский писал: «Так как форма всегда соответствует идее, то размер отнюдь не есть случайное дело, и изменить его в переводе - значит, поступить произвольно» [57, с. 45].

Среди произведений, к которым обращался Б. Рахимзода, мы встречаем: с политическими мотивами, такие как «Дума» («Андеша»), «Спор» («Баҳс»); пейзажную лирику – «Дары Терека» («Хадяхои Терек»), «Утёс» («Кӯхпора»), «Весна» («Баҳор»), «Родник» («Чашма»); гражданскую поэзию – «Кинжал» («Ханчар»); поэтическое призвание «Поэт» («Шоир»), «Пророк» («Пайғамбар»), лирическую исповедь – «Нет, не тебя так пылко я люблю» («Не, не ба худо ҳеҷ туро дӯст надорам»), «Валерик», «Звуки» («Садоҳо») и т.д.

Б. Рахимзода внес большой вклад в дело перевода. В частности, он перевел 46 стихотворений М.Ю. Лермонтова. Таджикский переводчик сумел передать колорит той эпохи, дух времени, в котором жил М.Лермонтов. Он идеально подбирал лексику. Переводы некоторых стихотворений так хороши («Поэт», «Дары Терека», «Морская царевна», «Пророк» и т.д.), что малосведующий таджикский читатель видит в них оригинальные тексты. Духовное сходство поэта и переводчика стало гарантией высокого качества перевода.

Другой известный таджикский поэт Мухиддин Фархат является автором сборников стихов и поэм: «Цветы радости» (1948), «Люблю» (1950), «Поэзия свободы» (1955), «Песня о любви» (1962), «Горная река» (1964), «Белая черешня» (1981), «Книга дружбы» (1976). Видное место в творчестве поэта занимают переводы. В 1966 году он завершил многолетний труд над переводом пушкинского «Евгения Онегина». Отдельными изданиями в его переводе вышли «Последний сын вольности» и «Бородино» М. Лермонтова. М. Фархат часто обращался к переводам поэзии Лермонтова. По свидетельству современников и родных поэта, М. Фархат любил переводить.

В своей статье, посвященной 150-летию М.Ю. Лермонтова, М. Фархат пишет: «С Лермонтовым я встретился впервые ещё мальчиком. Помню, была зима, но солнце сияло ярко, по-летнему, и древний Ходжент нежился в его лучах. Вся страна отмечала в те дни столетие со дня смерти великого Пушкина. Я с нетерпением ждал каждую новую газету, журнал. В них регулярно печатались новые переводы произведений гениального поэта. В одной из газет в те дни я впервые прочитал переведенное на таджикский язык стихотворение М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта». Оно потрясло меня до глубины души. Это была первая встреча моя с великим Лермонтовым, ставшим одним из любимейших моих поэтов» [17, с.8]. М. Фархат после первой встречи с Лермонтовым начинает искать и с жадностью перечитывать его произведения. Постепенно поэт сам начинает переводить Лермонтова.

К числу переводов М. Фархата, которые с большой точностью и верностью воссоздают русский оригинал на таджикском языке, можно, прежде всего, отнести переводы стихотворений «Кавказ», «Чаша жизни» («Чоми хаёт»), «Дереву» («Ба дарахт»), «Ночь» («Шаб»), «Осень» («Тирамоҳ»), «Разлука» («Фироқ»), «Посвящение» («Бахшиш»), «Совет» («Маслиҳат»), «Гроза» («Раъду барқ»). Словом, он перевел более 30 стихотворений Лермонтова. Поэт в них полно и верно передаёт смысловое содержание русских стихотворений. Эти произведения являются вольными переводами поэзии Лермонтова, более того, они созданы на основе сюжетов и мотивов его же поэзии. В 1964 году, когда вся страна, все прогрессивное человечество отмечало столетие со дня рождения великого русского поэта М.Ю. Лермонтова, М. Фархат переводит ещё несколько произведений. Среди них его юношеская поэма «Вадим», проникнутая чувством горячей любви к Родине и которая давно привлекала М. Фархата.

В 1837 году в России грандиозно отмечалось 25 – ление победы над французами в 1812 г. В честь этого мероприятия Лермонтов написал поэму «Бородино». Особенность поэмы заключается в манере изложения автора. Стиль «Бородино» сильно отличается от стиля других его произведений.

Главным повествователем выступил старый солдат – человек из народа, сожалеющий о том, что если бы не «господня воля, не отдали бы Москвы». Разносложный ямб вместе с другими конструктивными особенностями сочинения вызывает в «Бородино» ощущение свободной разговорной речи.

«Бородино» было опубликовано в популярном журнале «Современники». Для творчества М.Ю. Лермонтова является традиционным обращение к историческим событиям России, к военным подвигам русского народа. В произведении раскрывается тема родины в понимании человека из народной массы. Это произведение действительно полно патриотизма. Во время Великой Отечественной войны стихотворение «Бородино» получило второе рождение. Зимой 1941 года в одном из боев на подступе к Москве знаменосец Красной Армии упал в снег и, изливаясь кровью, крикнул: «Ребята! Не Москва ль за нами? Умрем ж под Москвой».

Сюжет произведения – это повествование о Бородинской битве от лица старого солдата, участника Отечественной войны 1812 года. В этом стихотворении используется диалог как выразительное средство для образования сюжета. Несмотря на мотивы сожаления старого ветерана, поэма посвящена величию народа, героизму русских солдат.

Следует отметить, что стихотворение «Бородино» было переведено на таджикский язык дважды. В начале шестидесятых годов стихотворение вышло на таджикском языке отдельной книжкой в переводе Фархата, которое до этого было напечатано в журнале «Пионер», а спустя 20 лет произведение было переведено А. Адхамом.

Обращение М. Фархата в год 140-летия Отечественной войны 1812 года к лермонтовскому «Бородину» было явлением в высшей степени знаменательным. М. Фархат выразил восхищение беспримерным в истории героизма русского народа, проявленным им в 1812 году. Таджикский поэт ценил «Бородино» как произведение, в котором выступает подлинно народный герой. С другой стороны, ему понятно и лермонтовское недовольство действительностью и обществом того времени, обличие

пассивностью современников («Да, были люди в наше время... Богатыри – не вы!»). Эта тема звучит, получает последовательное развитие в творчестве самого М. Фархата. «Мы молчали под впечатлением этих чудесных строк будто писал великий поэт об одном из наших вчерашних боев, будто нас троих, сидевших с томиком его стихов, звал он не посрамить боевую славу предков наших», - писал М. Фархат [17, с. 8].

Анализ переводов произведений Лермонтова на таджикский язык показывает, что национальные поэты достигают большого успеха, когда стремятся отыскать в родном художественном наследии образные средства, близкие к тем, которые присущи переводимому произведению. Анализируя перевод стихотворения Лермонтова «Бородино», можно сказать, что таджикский поэт М. Фархат, умело подбирая нужные слова из родной поэзии, создал близкий по духу, стилю и размеру перевод. Следует заметить, что в переводе система образов оригинала сохранена, хотя и подвергнута специфической инонациональной интерпретации. Это относится ко всем переводам М. Фархата.

В стихотворении «Бородино» используется разносложный ямб, рифмуются третья и седьмая строки. С начала до конца количество слогов регулярно чередуется: в первой строке 9 слогов, во второй – 9, в третьей – 6, в четвертой – 9, в пятой – 9, в шестой – 9, в седьмой – 6. А в переводе первая строка превратилась в 11 слогов, вторая – 10, третья – 9, четвертая – 10, пятая – 10, шестая – 11, седьмая – 7. Приведём начало стихотворения:

Лермонтов:

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?... [10, с. 408].

М. Фархат:

Кани гўй, охир, амак, бесабаб ин
Набуд: Маскави сўхта, сахт захмин
Ба дасти фарангӣ кўшунҳо.

Задухӯрдҳое шуда низ барпо,
Ки гӯянд ачаб сахт буданд онҳо:
Бале, бесабаб не, ки Бородиноро
Ба ёд оварад Рус ҳар гоҳ!.. [30, с. 109].

Осуществляя перевод стихотворения «Бородино, М. Фархат фактически сохраняет все слова оригинала, например, в использовании местоимений «я» и «мы» («Забил заряд я в пушку туго» - «Намудам пур аз дору ман тӯпи худ». «И умереть мы обещали» - «бидодем дар чондихӣ ваъдаҳо мо»). Это говорит о том, что переводчику удалось сохранить основное содержание оригинала, где тонко передан истинный дух, любовь, вера. При переводе стихотворения передан смысл. Переводчик бережно сохранил смысловые и художественные особенности подлинника. Итак, посмотрим это на примере второй строфы.

У Лермонтова:

- Да, были люди в наше время.
Не то, что нынешнее племя;
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Не многие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы! [10, с. 408].

У Фархата:

Бале, одамоне дар он давр буданд,
Касони тавоноу зӯру тануманд.
Ҳама паҳлавон. – Чун шумо не!
Чунон талх будаст тақдири онон,
Ки аксар нагаштанд аз ҳарбу майдон.
Намебуд агар амри яздон, ба хасмон
Кучо буд Маскавситонӣ! [30, с. 109].

В переводе М. Фархата удачно передается разговорная речь. Например, такие сочетания как «ушки на макушке» - «ҳама гўшҳо ба қимор истода», «брат мусью» - «мусью додар» и т.д. Это способствует особенно яркому воспроизведению образа простого человека из народа.

В своей переводческой версии М. Фархат старается не пропускать изобразительно-выразительные средства, особенно сравнений, которые использовал Лермонтов в описании сражения: «французы двинулись как тучи» - «сипохи фаранг абр-осо равон буд» (сравнение); «картечь визжала» - «синону гулӯла садо мебароранд», «и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой» - «садои ҳазорон адад тўп боло шуду ғурриши сахт бархост» (олицетворение); «рука бойцов колоть устала, и ядрам пролететь мешала гора кровавых тел» - «зи найзани дастҳо гашта пурдари, тале гашта барпой аз чисми ҳар мард, раҳи тирро банд бинмуд» (гипербола):

Зи найзани дастҳо гашта пурдари.
Тале гашта барпой аз чисми ҳар мард.
Раҳи тирро банд бинмуд.
Дар он рӯз душман басте диду донист,
Ки чанги далерони русҳо чист,
Чунон найзачанге, ки дар мост...
Замин ларза мекард, чун синаи мо,
Ҳам аспу ҳам одам биёмехт як чо,
Садои ҳазорон адад тўп боло
Шуду ғурриши сахт бархост... [30, с. 113].

Высокий уровень перевода стихотворения «Бородино» был связан не только с большим мастерством автора, но и с его старательностью и трудоспособностью, ведь перед тем как осуществлять перевод, М. Фархат досконально изучил историю Отечественной войны 1812 года.

Язык многих переводов М. Фархата связный и благозвучный, он легко читается и во время изучения можно наблюдать лишь малое количество лишних слогов. В переводе стихотворения «1831-го июня 11 дня»: «...Не верят в мире многие любви / И тем счастливы; для иных она / Желанье, порожденное в крови, / Расстройство мозга иль виденье сна. / Я не могу любовь определить, / Но это страсть сильнейшая!..» [10, с.186], М. Фархату удалось сохранить способ рифмовки (авав, аавв), метрику подходящую оригиналу и полностью передать содержание стихотворения на таджикский язык («11 иуни соли 1831»):

...Ба ишқ аксар касон бовар надоранд,
Аз ин рӯ мукбиланд; аммо дигарҳо
Ба роҳи ишқ чонро месупоранд,
Аз он доранд шӯру ҳуши сарҳо.
Намедонам бигӯям ишқ чун аст,
Валекин ҳирси дар қувват фузун аст!.. [30, с.52].

В сборник произведений Лермонтова «Вечная молодость» вошло и стихотворение «Осень» («Листья в поле пожелтели, / И кружатся, и летят; / Лишь в бору поникши ели / Зелень мрачную хранят...») [10, с. 9]. Перевод данного стихотворения, выполненный М. Фархатом, является подстрочным и отличается высокой техникой и мастерством:

Баргҳо зард гашта дар сахро,
Ҳар тараф мепаранд чархзанон;
Лек сархам ҳама санавбарҳо,
Ҳифз бинмуда ранги сабз онон.
Дар таги санг, зери сояи он,
Нимрӯзӣ миёнаи гулҳо
Дам гирифтани намеравад дехқон,
Чунки набвад дигар ҳузур он чо.
То ки пинҳон шавад дарандаи чувт,

Ана беихтиёр биштобад,
Зеби сахро кунад ба нукра дуруст
Моҳ шабҳо, ки тира метобад. [30, с. 15].

На наш взгляд, этот перевод, можно сказать, внес определенный вклад в таджикскую литературу и в дело развития переводческой культуры. Стоит отметить, что у М. Фархата есть одноименное стихотворение «Осень».

«Пейзажные стихи - могучее оружие эстетического воспитания», - пишет М. Фархат в одной из своих статей под названием «Встреча с поэтом». Известно, что образ Кавказа в стихах Лермонтова предстаёт перед нами во всем своем величавом великолепии. Здесь же таджикский поэт написал: «Многие поэты наши, такие как Мухаммеджан Рахими, Мирсаид Миршакар, Аминджон Шукухи мастерски пишут пейзажные стихи. Я думаю, что они многому научились у Лермонтова» [17, с. 8]. Таким образом, в разные годы прошлого столетия одновременно с другими стихотворениями Лермонтова М. Фархатом, были переведены несколько его пейзажных стихов, таких как «Гроза», «Кавказ», «Кавказу» и др. Если сопоставлять переводы различных этапов, принадлежащих перу М. Фархата, то можно увидеть, как менялась его позиция по отношению к художественному переводу.

Говоря об искусстве Лермонтова, нужно отметить, что вопрос о сохранении индивидуального своеобразия оригинала в таджикских переводах русской классической поэзии остаётся открытым.

3.3. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ «МОРСКАЯ ЦАРЕВНА»

В середине XX века растет число переводчиков творчества Лермонтова и естественно увеличивается количество переводов. Переводчиков этого периода притягивает глубина и философичность художественного познания Лермонтова, уникальность созданных им образов. Современные таджикские поэты в поиске ответов на вечные вопросы концентрируются на прошлом, прибегают к классике, услаждаясь у нее вдохновением, получая уроки мастерства, присоединяя своих сограждан к высшей ступени поэтического искусства, являясь, подобным образом, в роли агитаторов русской литературы и культуры в таджикскоязычном культурном пространстве в целом.

Наше внимание привлекла проблема чёткости восприятия одного и того же произведения разными переводчиками. Мы поставили перед собой задачу сравнить и сопоставить тексты переводов стихотворения М.Ю. Лермонтова «Морская царевна» на таджикский язык с оригиналом, установить насколько перевод соответствует подлиннику. Объектом исследования стал текст поэтического произведения М.Ю. Лермонтова и переводы, выполненные Боки Рахимзода и Мастоном Шерали.

Любовная лирика Лермонтова в большинстве случаев была предназначена одной и той же персоне – легкомысленной Екатерине Сушковой. Откровенные и достаточно прямые стихи поэта, которые так и остались без ответа, были доказательствами его чувств.

Этот необычный роман, который длился почти десять лет, закончился громким скандалом: Лермонтов, испытав разочарование в любимой женщине, сурово отомстил ей, опорочив Екатерину Сушкову перед светским обществом, а потом ещё и оскорбил на глазах у всех. Отражение этой мести можно найти в лирической балладе поэта под названием «Морская царевна», которая была написана в 1841 году, накануне трагической гибели поэта.

Короткая и яркая баллада «Морская царевна» состоит всего из 34 строк, 17 двустиший. С внешней стороны здесь всё понятно: встреча представителей двух миров – царевича, купающего коня и морской царевны, затягивающая царевича в пучину. Правда общепринятый русалочий сюжет изменен – гибнет не царевич, а русалка, перед этим испытав необыкновенное изменение.

Стихотворение «Морская царевна» («Шохдухтари бахрӣ») трижды переведено на таджикский язык: поэтами Боки Рахимзода («Чавонии човидонӣ», 1964 г.) и Мастоном Шерали («М. Лермонтов. Шеърҳо ва достонҳо», 1981 г.), а также автором диссертации («Навруста», №4 (4), 2015, с. 28-29). Наш перевод не будет анализироваться в данной работе, а приведен лишь для того, чтобы представить на суд читателю.

В переводе Б. Рахимзода, как и в оригинале, 34 строки, 17 двустиший. Под пером М. Шерали, хотя количество строк сохраняется, но двустишия превратились в четверостишия, а предпоследняя строфа состоит из шести строк. В нашем же переводе мы старались сохранить внешний вид подлинника. Для сравнения приведем первые восемь строк оригинала и переводов:

У Лермонтова:

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и далее плывёт.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды. [10, с. 545].

Б. Рахимзода:

Аспро дар бахр шӯяд шоҳписар;
Бишинавад: «Шаҳзода! Сӯи ман нигар!»

Гўшу сар чунбонда аспи хушёр
Дар шино омад ба баҳри беканор.

Бишнавад шаҳзода: «Ман шохдухтарам!
Хоҳӣ имшаб омадан андар барам?»

Ҳо, ана дасте зи об омад падид,
Аз лаҷоми асп мехоҳад кашид. [30, с.183].

М. Шерали:

Ҳангоми ба баҳр аспшӯй,
Шаҳзода шунид як садое:
«Эй шохписар, ба ман назар кун,
Огоҳ дилат аз ин хабар кун.

Ман духтари шоҳу матлаберо
Гўям - гузарон ба ман шаберо» -
Ин гуфту баромад аз дили об,
Дасташ чу зи чоки абр маҳтоб. [34, с.25].

Наш перевод (С.К.):

Аспро дар баҳр шуста шаҳписар,
Омад овозе, ки: «Шаҳ бар ман нигар».

Рам намуда он саманди хушёр,
Майл карда сӯи баҳри беканор.

Шаҳ шунид овоз: «Ман шохдухтарам!
Шаб намехоҳи биёй дар барам?»

Ин бигуфту бо ду дасти бемадор,
Аз лаҷоми асп бигрифт он нигор. [25, с.28].

При сопоставлении можно увидеть, что в переводе Б. Рахимзода число слогов совпадает с числом слогов текста оригинала. Лермонтов: *В море царевич купает коня (10 слогов)/ Слышит: «Царевич! взгляни на меня!» (9 слогов).* Б. Рахимзода: *Аспро дар баҳр шӯяд шохписар (9 слогов)/ Бишнавад: «Шаҳзода! Сӯи ман нигар!» (10 слогов).* А в переводе М. Шерали

одинаковое число слогов: *Ҳангоми ба баҳр аштиӯй (10 слогов) / Шаҳзода шунид як садое (10 слогов).*

Необходимо указать, что первое двустишие оригинала М. Шерали передаёт четырьмя строками:

Ҳангоми ба баҳр аспшӯй,
Шаҳзода шунид як садое:
«Эй шоҳписар, ба ман назар кун,
Огоҳ дилат аз ин хабар кун...» [34, с.25].

Недостаток перевода текста М. Шерали в том, что он пропустил целое двустишие: *«Фыркает конь и ушами прядет, / Брызжет и плещет и далее плывёт»*. Поскольку первое двустишие в переводе превратился в четверостишие, в конечном итоге количество строк совпадают с оригиналом.

Кроме того, нужно отметить, что при переводе М. Шерали потребовалось новое сочетание слов. Например, «В море царевич купает коня / Слышит: «Царевич! взгляни на меня!», он переводит «Во время купания коня / Царевич услышал голос...». Анализ показывает, что М. Шерали не только употребил новое сочетание, но и добавил слово «голос», которого нет в русском варианте.

Сопоставляя оригинал и перевод текста Б. Рахимзода, мы заметим, что он в отличие от М. Шерали не пропустил второе двустишие, но тоже позволил себе новое сочетание. Строка *«Фыркает конь и ушами прядет»* у Б. Рахимзода звучит так: «Гушу сар чунбонда аспи хушёр» - *дословно «шевелия ушами и головой трезвый конь»*.

В четвёртом двустишии, которое звучит *«Вот показалась рука из воды / Ловит за кисти шелковой узды»*, М. Шерали опять применяет новое сочетание: *«Ин гуфту баромад аз дили об / Дасташ чу зи чоки абр маҳтоб»* - дословно:

«Вышла рука из сердца воды, как выглянула луна из щели тучи».

Кстати, в переводе поэт превратил «из воды» в «из сердца воды», «ловит за кисти шелковой узды» полностью заменил «как выглянула луна из щели тучи».

Перевод этого двустишия у Б. Рахимзода совершенно адекватен, кажется и естественным и лапидарным: «*Ҳо, ана дасте зи об омад падида / Аз лаҷоми асп мехоҳад кашида*», всё как в оригинале, кроме того, что глагол настоящего времени, которым обозначено действие царевны «ловит» у Б. Рахимзода превратился в «хочет потянуть» («мехоҳад кашида»). Глагол «мехоҳад кашида» стоит в будущем времени и не может буквально передать смысл глагола «ловит».

Если говорить о рифмовке, то в стихотворении «Морская царевна» двустишия с парной мужской рифмовкой. Попарная рифмовка – самая простая, примитивная рифмовка. Она не придает стихам внешнего блеска, и стихи ею написанные могут стать гениальными только за счет их содержания, языка, образности.

Поскольку русский и таджикский языки относятся к одной семье, возможен буквальный перевод. Уравновешенность и баланс стихий, который абсолютен в оригинале сохранился в переводах.

Б. Рахимзода (девятая строфа):

Сӯи соҳил шуд шиновар паҳлавон;
Бар канор омад, бихонд ӯ дӯстон.

М. Шерали (девятая строфа):

Шаҳзода варо канор овард,
Сӯи руфако садо баровард.

Наш перевод - С.К. (девятая строфа):

Сӯи соҳил шуд шиновар гурди фард,
Шуд буруну бар рафиқон рӯй кард:

Важно обратить внимание на лексику, изображающую царевну, но теперь не как в начале:

Вышла молодая потом голова;
В косу вплелася морская трава.
Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг дрожат [10, с. 545],

а в ином качестве: «Чудо морское с зеленым хвостом». Эта строка у М. Шерали передана «Як чонвари обӣ бо думи сабз», где переводчик слово «чудо» поменял словом «существо» и добавляет слово «як» - «один», в результате которого получается «одно существо с зеленым хвостом». Б. Рахимзода тоже при переводе вводит новое сочетание. У него «чудо» переводится как «дев». В таджикской мифологии «дев - злой дух, демон», а в словосочетание «зелёный хвост» добавляет прилагательное «длинный» в результате строка дословно звучит так - «морской дев с длинным зеленым хвостом».

В оригинале:

Видит: лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом. [10, с. 545].

У Б. Рахимзода:

Дид рӯи реги заррин хуфта боз
Деви бахрӣ бо думи сабзу дароз. [30, с. 183].

У М. Шерали:

Хобида ба рӯи рег белавз
Як чонвари обӣ бо думи сабз. [65, с. 25].

Если считать, что выражение «чудо» обозначает нечто загадочное, непостижимое, неизвестное, чужеродное, то перевод Б. Рахимзода ближе к оригиналу.

В стихотворении у Лермонтова на 34 строки приходится 40 глаголов, а в переводе Б. Рахимзода их 31, у М. Шерали 40. Из 40 глаголов двадцать семь – настоящего времени, десять - прошедшего времени и два глагола - в повелительном наклонении: «Эй вы, сходитесь, лихие друзья, гляньте, как бьется добыча моя», которые точно переданы в переводах. И один глагол

будущего времени в самых последних строках – «Будет он помнить про царскую дочь». То, как это выглядит в интерпретации таджикских переводчиков, можно проследить в данных отрывках:

Б. Рахимзода:

Ғарқи фикр, он шахзода меравад – Задумчиво тот царевич уходит прочь
Кай бурун шахдухтар аз ёдаш шавад? – Как скоро забудется царская дочь?

М. Шерали:

Шахзода зи баҳр мешавад дурр – Царевич от моря уходит прочь
Пеши назараш лиқои пурнур. – Пред взором светящееся лицо.

(Подстрочные переводы автора – С.К.)

Передача этого отрывка поэтами осуществлено по-разному: Б.Рахимзода дословно перевел строфу, а у М. Шерали она звучит так: «Царевич отдаляется от моря / Перед взором светящееся лицо».

В целом анализ переводов стихотворения Лермонтова «Морская царевна», показало, что хотя перевод М. Шерали имеет недостатки, это нельзя считать промахом и перевод можно считать адекватным. На наш взгляд, переводчики при переводе данного стихотворения старались передать смыслы, скрывающиеся за выражениями. Они посчитали, что это важнее, т.е. содержание важнее формы.

В сопоставлении с переводом М. Шерали становится ясно, что текст перевода стихотворения Б. Рахимзода более удачен, и он получился звучнее, в нем сохраняется гармония звука и он близок к оригиналу.

При этом мы приходим к окончательному выводу, что и Б. Рахимзода и М. Шерали выполняя вольный перевод стихотворения «Морская царевна», сумели сохранить эстетическую сторону оригинала.

Итак, в заключении этого раздела хочется отметить, что перевод произведений М.Ю. Лермонтова для таджикской поэзии весьма важный вопрос, способный обогатить школу переводческого мастерства, и что

будущим специалистам переводчикам следует выдвинуть на первый план перевод произведений этого гениального поэта, хотя бы потому, что он испытывал большой интерес к наследию наших классиков, был близко знаком с восточным миром. Свидетельством этому могут послужить его слова: «Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания» [78, с. 312]. Так в поэме «Сашка» поэт признается:

Не веры я ищу, - я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Восток...[11, с.394].

3.4. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ «МЦЫРИ» НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

«Художественный перевод в социальном отношении становится фактором обогащения культур народов мира. Любой перевод приносит в другую культуру новые темы, образы, приемы, понятия, но это единственный признак вторично создаваемого творения. Благодаря переводам мы знакомимся с мировым наследием, изучаем традиции другой культуры, узнаем его историю» [90, с. 87].

Сегодня к творчеству русских писателей обращаются многие таджикские ученые, писатели, деятели культуры. Таджикские литераторы занимаются художественным переводом, а также рассуждают о проблемах перевода. Ввиду этого возникает необходимость в сравнительном анализе текстов переводов произведений М.Ю. Лермонтова и одновременно изучении переводческой деятельности самих переводчиков.

В творчестве М.Ю. Лермонтова таджикских поэтов XX века притягивал романтический настрой его поэзии. Их особенно привлекали поэмы. Например, Кутби Киром настолько виртуозно переводил «Мцыри» М. Лермонтова, «Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова, что его переводы по праву могут соперничать со знаменитыми оригиналами.

«Поэма «Мцыри» была написана в 1839 году и напечатана при жизни поэта в 1840 году. По словам Н. Огарева, «Мцыри» у Лермонтова – «его самый ясный или единственный идеал» [10, с. 692]. Действительно, эта поэма стала самой любимой у поэта. Он с удовольствием и вдохновением читал его вслух. Об этом вспоминали друзья Лермонтова. Изначально поэма имела название «Бэри», по-грузински - «монах». Спустя время Лермонтов изменил это название на «Мцыри», таким способом привнеся дополнительное значение, ведь «мцыри» переводится и как «послушник», и как «чужак». «Мцыри» - это великолепная поэма с удивительно тонким слогом, выразительная и красивая с точки зрения сюжета. Поэма состоит из 26 глав,

написана четырехстопным ямбом с исключительной мужской парной рифмой.

Перевод поэм Лермонтова требовал от переводчиков проявления усердия для точной передачи смысла и содержания оригинала. Перевод поэмы «Мцыри» («Мцири») относится к числу таджикских переводов, связанных с восточной темой. Поэма переводилась трижды и несколько раз переиздавалась отдельной книжкой: Х. Юсуфи в 1941 году, Р. Хашимом в 1948 году и К. Киромом в 1968 году.

Впервые в 1941 году на таджикском языке появляется отрывок из поэмы «Мцыри» в переводе Х. Юсуфи, помещенный в его маленьком сборнике «Лермонтов М.Ю. Шеърҳои интихобшуда» («Лермонтов М.Ю. Избранные стихотворения»). Полный перевод поэмы в 1948 году был выпущен отдельной книжкой издательством Таджикгосиздат («Нашрдавточик») без указания имени переводчика. Позднее было выяснено, что данный перевод принадлежал Р. Хашиму. А через год в 1949 году поэма «Мцыри» («Мцири») была переиздана этим же издательством под редакцией С. Улугзода. Это стало уникальным событием в таджикском переводческом деле. Через некоторое время в 1968 году в журнале «Садои Шарқ» («Голос Востока», №7) был опубликован отрывок из нового перевода поэмы «Мцыри», принадлежащий опытному переводчику Кутби Киromу. А в 1969 году издательство «Ирфон» выпустило ее отдельной книжкой под редакцией Бобо Ходжи. В этом переводе поэма была переиздана в 1971, 1981 годах. Это все говорит о большом интересе к поэме, как переводчиков, так и читателей республики.

Значительную пользу для практики перевода могут иметь важные теоретические выводы, которых можно добиться, делая сопоставительный анализ текста оригинала и перевода. По этой причине, нас заинтересовала проблема различных переводов поэмы «Мцыри».

Поэма «Мцыри» - одно из лучших переводных работ К. Киroma, повествующая о бегстве из монастыря юного послушника, а также о

восстании героя против повседневной серой жизни в монастыре и последовавшей за ним гибель.

Наша цель состоит в том, чтобы дать сравнительный анализ двух переводов поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри» (перевод К. Киромы и Р.Хашима под редакцией С. Улугзода), выявить художественное своеобразие данных переводов. В связи с тем, что Х. Юсуфи перевел не всю поэму, а лишь только две главы, мы не сочли нужным подвергать данный перевод анализу. Приведем лишь отрывок из перевода Х. Юсуфи:

Муқаддамтар аз ин дам солаке чанд
Дар он чо, ки ба ҳам фарёд созанд,
Арагвӣ, Кура – ҳар ду наҳри худсар,
Ба по буд як монастир, хонаву дар.
Манору пештоқи мӯъбадашро,
Ки аз афсурдагӣ афтода аз по,
Бубинад раҳгузар ҳозир ҳам он чо,
Вале акнун намеояд аз он сӯ
Зи маҷмарҳои сӯзон дуди хушбӯ:
Намеоҷ ба гӯши кас шабона
Садои дуои роҳибона.
Кунун як сӯ сафеди нимчонӣ –
Ниғаҳбони харобиҳои фонӣ,
Ки аз ёди касону марг рафта,
Намеоҷ пок чанги сангтахта. [44, с. 285].

Сюжет поэмы Лермонтов взял из рассказа одинокого монаха, в нем описывается действительный случай, произошедший в стенах монастыря. Русский поэт рисует читателям картину о том, как пленный мальчик, воспитанный в грузинском монастыре, во время страшной бури совершает побег. После трехдневного пропадания его вернули в монастырь, но он не смог жить по-прежнему и умер.

Таджикские переводчики перевели поэму в соответствии со своими знаниями и навыками. Мы здесь далеки от утверждения, что один перевод лучше другого. Однако, проанализировав два таджикских варианта перевода, мы наблюдаем интересную картину.

Вначале о самом названии поэмы. Переводчики оставили русский вариант, за исключением Р. Хашима, который поменял лишь одну букву в названии («Мцири»). Хотя на таджикский язык слово «мцыри - монах, послушник» переводится как «роҳиббача» или «шогирди роҳиб», переводчики не сочли нужным перевести название поэмы.

О переводе самого текста произведения. В самом начале поэмы речь идет о монастыре с обрушенными воротами, превратившемся в развалины:

Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры.
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башня и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым. [11, с. 467].

В переводе данного отрывка наблюдается перестановка слов и даже строк и другие композиционные приемы, которые оправданы. В частности, первая строка «Немного лет тому назад» в переводах обнаруживается в пятой. Сравним:

У К. Киромы:

Он чо, ки шўр ангехта,
Шавку сурур ангехта,
Кура –Арагви – ду хоҳар

Ҳамроҳ гашта раҳсипар.

Дар наздашон аз бостон...[33, с.138].

У Р. Хашима:

Дар ҳамон ҷо, ки як шуда бо шӯр

Обҳои ду наҳр – Арагваю Кур,

Ба мисоли ду меҳрубон хоҳар

Ҳамдигарро гирифтанд ба бар,

Пешиаз аз ин чанд сол дар он ҷо...[35, с. 3].

Переводы отличаются различным настроением, изображением, приемами передачи. Но нельзя забывать о том, что автор поэмы все-таки Лермонтов. Дословный перевод текстов Лермонтова не возможен, он может привести к значительным искажениям. При этом хотелось бы отметить, что Р. Хашим выигрывает в плане содержания, в то же время как у К. Киромы более яркой оказалась мелодика перевода. Несмотря на это, лишь проведя подробный сопоставительный анализ трех текстов можно выявить несоответствия в них и причину их возникновения.

Сравним следующие четыре строки из поэмы в переводе таджикских поэтов.

У К. Киромы:

Вайрона девору дараш, - разрушены стены и ворота

Бурчу равоқи пурфараш. - пышные башни и своды

Аммо напечад бар фазо - но не вьется в воздухе

Дуди муқаддас з-ин саро - Священный дым из этих мест. [33, с.138].

(Здесь и далее подстрочные переводы автора – С.К.)

В переводе Р. Хашима:

Тоқу ҳам гунбази шикастаи он, - Его разбитые арки и своды,

Бурҷҳои ба таҳ нишастаи он. - Его осевшие башни.

Лек дуди муаттари мичмар, - Но благовонный дым кадилъниц,
Накашад бар самои нилу сар - Не тянется к лазурному небу. [35, с. 3].

Как видим, в переводе К. Киромы сочетание «кадилъниц благовонный дым» передано «дуди мукаддас», а в другом переводном тексте эта строка переведена дословно. В оригинале говорится, что «кадилъниц благовонный дым не курится под церковным сводом». Переводчики это предложение передали по-другому. В первом варианте «священный дым не вьется в воздухе», а во втором – «благовонный дым кадилъниц не тянется к небу». Оба переводчика опустили слово «церковный», а слово «свод» передали как «воздух, небо», что привело к нарушению смысла предложения. Но из перевода начальных строк понятно, что это заброшенный монастырь, где когда-то произошло событие, о котором рассказывается в поэме.

Следующий отрывок также по-разному переведен таджикскими переводчиками. В оригинале: «Теперь один старик седой, / Развалин страж полуживой, / Людми и смертию забыт, / Сметает пыль с могильных плит» [11, с. 467].

Таджикский вариант К. Киромы:

Ҳоло дар ин дайри куҳан - Теперь в этом старом монастыре
Номурда, аммо дар кафан - Неумерший, но в саване
Аз ёди маргу одамон - Из памяти смерти и людей
Даррафта пире нимаҷон. - Ушедший старик полуживой
Бар хештан дорад қарор, - Обосновался
Чун ҳомии санги мазор. - Как защитник могильных плит [33, с. 138].

Перевод Р. Хашима:

Карда дар он маҳал ба худ маскан - Сделав то место своим жилищем
Нимаҷон мўйсафед, пири куҳан. - Полуживой старец, престарелый.
Рафта аз ёди марг ҳам мардум, - Забытый смертью и людьми,
Номаш аз дафтари чахон шуда гум,- Его имя из мировой тетради исчезло,

Посбони харобаҳо шудааст, - Сторожем руин он стал,
Гардрӯби катибаҳо шудааст. - Подметальщиком могильных плит стал.

[35, с. 4].

В переводе данного отрывка Р. Хашим последовал его русскому варианту. В его переводе понятно, что старик подметает пыль с могильных плит, а у К.Кирома строка «Сметает пыль с могильных плит» утрачена. Однако этим не снижается художественная ценность перевода, потому как здесь не утрачена плавность композиции.

Несмотря на то, что в переводах четыре строки превратились в шесть, стих К. Кирома ближе к русскому поэту и по длине строк, и по интонации, что является главным в переводе. Переводный текст очень ярко передает черты характера повествователя, его манеру изложения. В таджикских переводах поэмы заслуживает внимание передача словосочетания «развалин страж», которое можно передать как «посбони» или «нигаҳбони харобаҳо». Если, например, у Р. Хашима оно передано дословно «посбони харобаҳо», то у К. Кирома «ҳомии санги мазор» (защитник могильных плит), что, конечно, искажает смысл.

Идея верности идеалу свободы и борьбы за свободу родного края, любви к родине не могла не привлечь таджикских поэтов. Неспроста кульминацией поэмы оказывается бой с барсом. В одиночку против хищника, безоружный, Мцыри оказывается посильнее зверя оттого, что им руководит не просто чувство самосохранения – поединок с барсом воодушевляет героя. Отдав все свои силы, он побеждает. Великолепным образцом данного эпизода Лермонтова может являться следующий известный отрывок из поэмы:

Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя навзничь на песок,
То был пустыни вечный гость –

Могучий барс... [11, с. 482].

Сцена боя Мцыри с барсом действует ключом к пониманию произведения. Казалось бы, в небольшой поэме «Мцыри» сцене с барсом предоставлено целых четыре строфы (16-19). Выделяя для него столько места и располагая сцену боя в середине поэмы, Лермонтов уже композиционно обращает внимание на значимость эпизода. Вероятно, именно поэтому сюжет поэмы и стал интересен таджикским поэтам.

Сопоставляя переводы данного эпизода, мы можем понаблюдать за тем, как поэты передали слова и выражения, характеризующие героя, его поступки, его чувства. Какие слова исчезают в переводном тексте, и какие прибавляются?

У Кутби Киромы:

Дидам, ки як даррандае
Барчаства аз чангал ба шаст,
Худро ба рег афканд маст.
Бишнохтам. Бабре калон...
Чун ҳокими ин мулк буд...
Омода бар чанги калон,
Қое ситодам ноён,
Аммо дар ин шомии сиёҳ,
Пай бурда аз ман он бало,
Парканда хоки чӯю қар,
Фарёд мезад аз қигар.
Поҳои худ тиргак намуд,
Ёлу думаш сик қарда зуд.
Чун марг сӯям ҳамла зад,
Меҳост сад лахтам қунад.
Аммо ба як зарби асо,
Афкандамаш бар зери по.

Асо ба монанди табар
Ўро ду булак кард сар. [33, с. 119].

В переводе Р. Хашима:

Баъд аз он миёна як ҳайвон
Часту худро фиканд бар майдон.
Хоб карду ба рег пушт ниҳод,
Часту ғелида чарх зад, афтод.
Дидамаш: як паланги бепарво,
Соҳиби дашту чангалу саҳро...
Ман шуда мунтазир, гирифта камин
Истодам ба як тараф вазнин.
Дар шаби тира пай зи душмани худ
Бурду дарҳол рӯ ба ман бинмуд.
Наъра он дам кашида бо ҳайбат,
Гӯиё нола кард аз ҳиддат.
Хашмгин регро харош намуд,
Хест ў бар ду пову хоб намуд.
Чаҳише карда бо ғазаб сӯи ман.
Лек бар вай надода ман имкон
Зарбаи хешро задам ба нишон.
Калтаки ман варо расида ба сар
Кард онро чудо чунон, ки табар... [35, с. 27].

При передаче данного эпизода таджикские переводчики старались передать бесстрашие, презрение к смерти, страстную любовь к жизни, жажду борьбы, не страх, а мужество. Заметно, что у Р. Хашима перевод подстрочный, а это весьма нежелательное явление. Кроме того слово «барс» в переводе передано как «паланг» - «тигр», на таджикский язык слово «барс» переводится как «бобр».

А у К. Киромы сжатый ёмкий стих хорошо отображает ритм оригинала, в котором слышен могучий дух Мцыри – гордого, страдающего, непокорного, рвущегося к свободе человека.

Качество перевода включает понятие как эквивалентность. С уверенностью можно сказать, что поэма «Мцыри» в переводе К. Киромы стала явлением в таджикской литературе. Несмотря на некоторую шероховатость языка, переводчик максимально приблизился к стиху Лермонтова и его перевод можно считать более завершённым, нежели у других.

В написании поэмы «Мцыри» Лермонтов использовал четырехстопный ямб (двудольный размер с ударением на последнем слоге). В «Мцыри» поэт применил исключительно мужские парные рифмы (аабб), которые передают энергию, мощь, страсть. Это особенно популярная система рифмовки, являющаяся наиболее распространённой во все времена. Фактически все эпические произведения написаны с помощью смежной системы рифмовки. В.Г. Белинский относительно размера «Мцыри» писал, что размер и рифма в поэме тоже в свою очередь подчинены поэтической идее: стих звучит отрывисто, как удар меча, разящий свою жертву, и целиком соответствует характеру Мцыри. Отметим, что таджикские переводчики, чтобы быть ближе к оригиналу выбрали такой же способ рифмовки. В переводах сравнения, с помощью которых Лермонтов показал, как Мцыри сливается с природой, присоединяется к ней («сплетаясь, как пара змей») мастерски переданы нашими переводчиками («Ҷамчу ду мор рафта дӯш ба дӯш» - Р. Хашим, «Печида бо ҳам чун ду мор» - К. Киром). Сравним:

У Лермонтова:

И мы, сплетаясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле. [11, с. 83].

У К. Киром:

Печида бо ҳам чун ду мор,
Гаҳ ў савор, гаҳ ман савор,
Афтону хезон мешудем,
Болою поён мешудем. [33, с. 152].

У Р. Хашима:

Ҳамчу ду мор рафта дӯш ба дӯш,
Ҳамчу ду ёр гашта ҳамоғуш,
Дар ҳамон тирагӣ бичангидем,
Ўфтодему хестему задем. [35, с. 29].

Исследования показали, что некоторых шероховатостей в своих переводах не могли избежать даже самые лучшие таджикские переводчики. Так, например, К. Киром опустил следующие строки со сравнениями, подчеркивающие эмоциональность образа Мцыри: «Он был, казалось, лет шести; / Как серна гор, пуглив и дик / И слаб и гибок как тростник...» [11, с. 468]. Но поэт активно компенсирует потери средствами таджикского стихосложения. Поэтому, в общем, его перевод подходит к оригиналу ближе, чем другой перевод, в переводе К. Киром не чувствуется натяжки – стихи свободны и легки.

В этой связи анализируем перевод данного отрывка, выполненный Р. Хашимом. Автор данного перевода с иным решением подошел к работе. Для него главным является передача смысла, а не звучность стиха. Но, стоит подчеркнуть, что в поэтическом переводе количество строк и слогов являются главнейшими ритмообразующими деталями. Тожественность хотя бы одного из ритмообразующих факторов, в частности, количества слогов, дает возможность приблизиться к общему звучанию стиха оригинала, что в данном переводе совсем не совпадает и это можно заключить по следующим строкам:

Он был, казалось, лет шести (8 слогов)

Синни ў менамуд шаш ба назар (10 слогов)

Особенность яркого и точного описания барса в «Мцыри» Лермонтова отмечают многие исследователи:

...Какой-то зверь одним прыжком
Из чаши выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом... [55, с. 482].

У К. Киромы:

...Як соя ногаҳ шуд бадар
Бо ду чароғи шўълавар
Дидам, ки як даррандае,
Бадҳайбату ғуррандае
Барчаста аз ҷангал ба шаст,
Худро ба рег афканд маст.
Бишнохтам. Бабри калон
Як устухоне дар даҳон
Хоида ғур-ғур менамуд,
Чун ҳокими ин мулк буд.
Аз чашми ў хун мечакид,
Дар партави моҳи сафед.
Ёлу думаш аз моҳтоб
Рахшанда буду нукратоб. [33, с. 151].

У Р. Хашима:

Пеши чашмам бигашт ногаҳ аён

Сояеву ду оташи рахшон.
Баъд аз он миёна як ҳайвон
Часту худро фиканд бар майдон.
Хоб карду ба рег пушт ниҳод,
Часту ғелиду чарх зад, афтод.
Дидамаш: як паланги бепарво,
Соҳиби дашту чангалу саҳро,
Устухоне гирифта бар дандон,
Гуррише дошт хурраму шодон.
Гоҳ хунин дидааш ба моҳ
Нигаронида менамуд нигоҳ,
Нури маҳ чун ба рӯш меғалтид,
Пӯсташ ҳамчу нукра мерахшид. [35, с. 27].

Сравнив, последние четыре строки данного отрывка, мы убеждаемся в том, что перевод К. Киромы здесь тоже представляется более удачным.

Таким образом, переводчик Лермонтова не должен стараться находить какие-нибудь стандартные нормы. Только творчески отнестись к работе и благодаря расширению круга синонимов, можно добиться признания. Сущность в том, что переводчик должен держаться правильных методов. Основываясь ими, у него появится возможность творить, а не быть копировальщиком.

Приведенные отрывки из переводов, выполненных Р. Хашимом и К. Киромом позволяют увидеть, что воспроизвести на другом языке всю привлекательность поэмы М. Ю. Лермонтова, нелегкий и долговременный труд. Первоначально, сравнивая оригинал и переводы, наблюдается близость текста Р. Хашима по содержанию к поэме Лермонтова, а у К. Киромы, как нам думается, можно присмотреть поэтические накал страсти, и ускоренный ритм действий. По нашему мнению, оба варианта отличаются высоким мастерством.

К. Киром сохранил в своем переводе драматизм, в тексте много сокращений, чувствуется личное отношение переводчика. Тогда как, Р. Хашим стремится максимально точно выразить содержание текста. Эти два перевода сильно отличаются друг от друга. Такая существенная своеобразность свидетельствует о весьма свободном отношении таджикских поэтов к содержанию оригинала. Переводчики смогли удачно передать художественную силу, темп действия оригинала, строго сохранить строй оригинала, правильно передать дух поэмы, воссоздать на таджикском языке поэтическую мысль и отразить любовь русского поэта к Востоку.

Наше исследование показало, что переводы отличаются друг от друга, потому что каждый переводчик имеет свой творческий подход к переводимому, старается соответствовать требованиям, предъявляемым обществом и духовной культурой своего времени.

При анализе переводов, выполненных великими поэтами, больше всего рождаются вопросы о грани свободы в художественном переводе. Хотя в таких переводах меньше всего соблюдается точность, но талант, красота и поэтическая сила в них пленят читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История восприятия поэзии Лермонтова в Таджикистане определяет процесс поэтапного освоения разностороннего мира его поэзии таджикской национальной культурой. Переводческие познания являются неразделимой частью научно-исследовательского интереса к природе лермонтовского художественного сознания.

Изучение истории переводов поэзии М.Ю. Лермонтова на таджикский язык и отдельных вопросов их особенностей, продемонстрировало, что началу процесса перевода творений поэта в Таджикистане проложил путь первый Съезд советских писателей, проходивший в 1934 году.

Вступление Лермонтова в «новый» языковой и интеллектуальный мир было вызвано взаимодействием множества факторов (общественно-исторических, историко-культурных, общефилософских и др.), установивших несколько этапов в создании таджикского образа русского поэта. На первом этапе (30-40-е гг. XX в.) интерес к творчеству Лермонтова имел определенный круг литераторов. Высказывания видных таджикских литераторов, публикации литературных критиков, первые образцы переводов предвещали начало долгого пути осознания русского поэта таджикским читателем.

Исключительно важное значение в приближении Лермонтова к таджикскому народу имела деятельность Хабиба Юсуфи. Рассуждения Х. Юсуфи основательно сформировали отношение к Лермонтову в Таджикистане, его переводы отдельных лермонтовских произведений до сих пор считаются непревзойденными.

Исследования показали, что на очередном этапе (50-60-е г. XX в.) многие таджикские поэты занимались переводами произведений Лермонтова. Труды таких интерпретаторов, как М. Фархат, Б. Рахимзода (опубликовали книгу «Вечная молодость»), К. Киром достойны признания и одобрения.

Следующий этап приходится к началу 70-80-х годов. К этому времени Лермонтов обретает новых интерпретаторов своего наследия, среди которых особое место занимают работы А. Адхама, М. Шерали, Гулрухсор, Г. Келди и др., хорошо владевших обоими языками и выступивших посредниками между двумя культурами и которые являются новаторами в области переводов поэзии Лермонтова. В 1981 году вышел двухтомник избранных сочинений Лермонтова.

В основном обращение к художественному наследию Лермонтова носило юбилейный характер. Наследию Лермонтова уделялось большое внимание, но и когда памятные даты не отмечались, оно не прекращалось.

Исследование переводов произведений М.Ю. Лермонтова на таджикский язык выявляет множество проблем. Перевод – это, в основном искусство, и никакие теоретические суждения не могут гарантировать хорошего перевода в случае, если переводчик не обладает талантом, эстетическим чувством и художественной изобретательностью. Данные заключения только лишь направят его на правильный путь в его творческих исканиях, предостерегут от ошибок.

Почти все наши критики оценивают качество перевода в зависимости от того, стало ли переводное произведение феноменом другой культуры. Разумеется, это является справедливым требованием.

Таким образом, наше исследование подтвердило, что восприятие поэзии Лермонтова в современной таджикской литературе имела общие тенденции, свидетельствующие о специфике восточного национально-художественного сознания. Однако вопрос о существовании принципиальных различий между переводами произведений Лермонтова остается открытым. По своей природе перевод множественен, поскольку язык – живая, открытая система, которая постоянно движется, меняется, наполняя творение, рожденное в иной флоре и фауне, своей кровью, новым дыханием, где в процессе создания перевода действуют те же законы, что и в биологии.

При переводе произведения необходимо сохранить национальное своеобразие, колорит, потому что это играет немаловажную роль в процессе взаимообогащения литератур наших народов. От хорошего качества перевода зависит культура, которая всегда открыта к восприимчивости, эволюции, видоизменению. Следовательно, переводчику не нужно сомневаться в нарушении национальной формы стихосложения. История литературы предоставляет немало фактов того, что национальное стихосложение – следствие многолетнего развития, которое происходило в известной степени под действием переводческой работы.

Переводчику необходимо постоянно принимать оригинал как действительность, которая уже выражена в произведении и которую он должен изображать на другом языке. И изображать не фотографически, а сохранить в целостности дух и форму подлинника. «Произведение лишается подлинного содержания, жизненной энергии, художественной значимости, если перевод его на другой язык не будет связан с подлинником. Только благодаря правильному отображению оригинала в переводе на другой язык произведение словно бы второй раз рождается» [127], начинает жить, второй раз волнует своих читателей. По этой причине исключительно большая ответственность возлагается на переводчика.

Лингводидактическое исследование таджикских переложений выявляет специфичность творческого метода каждого отдельного интерпретатора, представляя опыт поисков, постижений и ошибок переводчиков. Действительно переводчики бережливо относятся к семантическим тонкостям лермонтовского текста, и в свою очередь, соответствующим выбором средств художественной выразительности, функционально схожих стилистическому своеобразию оригинала. Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Историю переводов произведений М.Ю. Лермонтова мы условно разделили на три этапа (1930-1940; 1950-1960; 1970-1980 гг.), которые отражали формирование переводческой деятельности в контексте

отечественного литературного течения, способы ее познания и восприятие таджикскими переводчиками степень влияния русской культуры на таджикскую литературу.

2. Нами установлено более 200 переводов стихотворений М.Ю. Лермонтова. Эти переводы осуществлены 15 переводчиками. В диссертации в той или иной мере анализируются тексты 30 переводов и результаты работ 10 переводчиков.

3. Произведения М.Ю. Лермонтова таджикскому народу по-настоящему стали доступными лишь после Октябрьской революции. Первые переводы произведений М.Ю. Лермонтова на таджикский язык были опубликованы в 1936 году.

4. Переводами произведений М.Ю. Лермонтова занимались выдающиеся поэты-переводчики Х. Юсуфи, М. Шерали, Б. Рахимзода, М. Фархат, А. Адхам и многие другие. Они публиковались на страницах журналов «Шарки Сурх» («Красный Восток»), «Тоҷикистон» («Таджикистан»), «Памир» и «Илм ва ҳаёт» («Наука и жизнь»). Из нынешних поэтов переводами Лермонтова занимаются талантливые таджикские поэты Г. Келди, Гулрухсор, Фарзона и другие.

5. Х. Юсуфи завоевал большую популярность благодаря переводам произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. В результате, таджикский народ смог читать на родном языке самые значительные стихотворения и поэмы Лермонтова такие, как «Смерть поэта», «Желание», «Парус», «Узник», «Баллада», «Демон», «Боярин Орша», и многие другие.

6. Поэзия М.Ю. Лермонтова с его удивительной способностью изображать тончайшие нюансы переживаний человека научила К. Кирому, Б. Рахимзода, М. Фархата и других таджикских поэтов мастерству психологического анализа. В центре внимания таджикских поэтов оказались те лирические произведения Лермонтова, в которых заключается «вечные вопросы» человеческого бытия: любовь, вера в высшие силы, свобода человеческой личности, судьба поэта и т.д.

7. Творчество М.Ю. Лермонтова было примером, к которому стремился равняться таджикский поэт К. Кирум и многие другие. Принимая активное участие в деле перевода русской литературы, К. Кирум обогатил таджикскую переводческую культуру своими стихами из Лермонтова, что, конечно же, не могло не отразиться на его творчестве.

8. Начиная с 30-х годов XX века все таджикские писатели, поэты, литературоведы оживленно занимались переводами на таджикский язык произведений мировой литературы. Поэт Б. Рахимзода внес большой вклад в дело перевода. В частности, он перевел 46 стихотворений М.Ю. Лермонтова. Таджикский переводчик сумел передать колорит той эпохи, дух времени, в котором жил М.Ю. Лермонтов.

9. Поэт Г. Келди глубоко интересовался литературой других стран и знакомил таджикских читателей с творениями своих собратьев по перу. Переводы Г. Келди вошли в несколько сборников стихов, одним из которых является «М.Ю. Лермонтов. Шеърҳо ва дostonҳо» («М. Ю. Лермонтов. Стихотворения и поэмы», 1981).

10. Анализ переводов произведений М.Ю. Лермонтова на таджикский язык показывает, что национальные поэты достигали большого успеха, стремились отыскать в родном художественном наследии образные средства, близкие к тем, которые присущи переводимому произведению. Перевод произведений русских писателей, в том числе М.Ю. Лермонтова, явился школой творческого прогресса и плодотворной почвой для развития творчества таджикских литераторов.

Таким образом, наше исследование засвидетельствовало, что рецепция поэзии М.Ю. Лермонтова в таджикской литературе XX века имела особый характер. Сравнение различных вариантов переводов показало, что трансформация в них имеет национальную особенность и влияние литературных форм – жанров и стихотворных метров. Сегодня разнообразная и богатая переводческая деятельность художников слова приводят к богатству литературы, созреванию современной

интеллектуальной культуры. Перевод таит в себе сакральный момент слияния с речью переводимого автора, когда его жизнь, чувства и мысли, отраженные в художественном мире, постигаются переводчиком как собственный жизненный опыт.

Библиографический список

Источники:

Литература на русском языке

1. Каноат, М. Сын России / М. Каноат // Коммунист Таджикистана. - Душанбе, 1964. -15 октября. –С. 8.
2. Киром, К. Запах хлеба [стихи перевод] / Кутби Киром. –Душанбе: «Ирфон», 1969. –94 с.
3. Киром, К. Мост времени: стихи. Перевод с тадж. С.Корнеева: / Кутби Киром. -М.: «Сов. писатель», 1983. –88 с.
4. Киром, К. Напевы вершины. Пер. с тадж. В. Кострова: / Кутби Киром. - М.: «Сов. писатель», 1976. –104 с.
5. Киром, К. Закон любви / Кутби Киром. -Душанбе: Маориф, 1985. -128 с.
6. Киром, К. Горный кряж: [стихи]. Пер. с тадж. В Кострова / Кутби Киром. – М.: Молодая гвардия, 1979. –76 .с
7. Краевский, А.А. Воспоминания: (В пересказе П.А. Висковатова) / А.А. Краевский // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. –М.: Худож. литература, 1989. – 690 с.
8. Лермонтов, М.Ю. Избранное / М.Ю. Лермонтов. –М.: Просвещение, 1984. –399 с.
9. Лермонтов, М.Ю. Полное собрание стихотворений / М.Ю. Лермонтов. – Л.: Сов. писатель, 1989. Т.1. Стихотворения и драмы. –167 с.
10. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Том первый. Стихотворения / М.Ю. Лермонтов. -М.-Л. Изд-во АН СССР, 1958. –754 с.
11. Лермонтов, М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Том второй. Поэмы / М.Ю. Лермонтов. -М.-Л. Изд-во АН СССР, 1958. –702 с.
12. Мелехова, Е. Через всю жизнь / Е. Мелехова // Коммунист Таджикистана, 1971, 28 июля. –С. 8.
13. Рахим-заде, Б. Первое знакомство. / Б. Рахим-заде // Зелёный лист. -М.: «Советский писатель», 1963. –446 с.
14. Рахим-заде, Б. Чудо. / Б. Рахим-заде. –Душанбе: Ирфон, 1973. -29 с.

15. Рахим-заде, Б. С крыши мира. / Б. Рахим-заде. -М., «Художественная литература», 1973. –С. 21-23.
16. Рыжакова, В. И цветы тебе, и любовь // Коммунист Таджикистана. -Душанбе, 1964. -15 октября. –С. 8.
17. Фархат, М. Встреча с поэтом / М. Фархат // Коммунист Таджикистана. -Душанбе, 1964. -15 октября. –С. 8.
18. Фархат, М. Цветы Таджикистана / Мухиддин Фархат. –М. «Худ. литература», 1981. –71 с.
19. Ходжи, Б. В сердце жив / Б. Ходжи // Коммунист Таджикистана. - Душанбе, 1964. -15 октября. -С. 8.

Литература на таджикском языке

20. Ашуров, А. Лермонтов ва Пушкин =[Лермонтов и Пушкин] / А. Ашуров // Шарқи сурх [Красный Восток], 1941. -№4-5.-С. 47-48.
21. Бунёд, Ш. Ало шоир! Шеър бахшида ба М.Ю. Лермонтов =[О, поэт! Стихотворение, посвященное М.Ю. Лермонтову] / Ш. Бунёд // Маданияти Тоҷикистон [Культура Таджикистана]. –Душанбе, 1984. –13 января. –С. 3.
22. Жола, Б. Маъшук=[Машук], / Ж. Исфакони // Маориф ва маданият [Просвещение и культура]. -Душанбе, 1971. -6 февраля. –С.3.
23. Искандаров, М. М.Ю. Лермонтов. Дар бораи ҳаёт ва эҷодиёт =[М.Ю. Лермонтов. О жизни и творчестве] / М. Искандаров // Ҷавониҳои ҷовидонӣ [Вечная молодость], 1964. –С. 3-11.
24. Қувватова, С.М. Харсанг =[Утёс]. / С.М. Қувватова // Навруста, 2015. -№3 (3). –С. 112.
25. Қувватова, С.М. Шохдухтари баҳрӣ=[Морская царевна] / С.М. Қувватова // Навруста, 2015. - №4 (4). –С. 112.
26. Лермонтов, М.Ю. Шеърҳои интихобшуда=[Избранные стихотворения] / М.Ю. Лермонтов.-Сталинобод-Ленинград: Нашрдавтоҷик [Таджикгосиздат], 1941. –53 с.

27. Лермонтов, М.Ю. Асарҳои мунтахаб=[Избранные произведения] / М.Ю. Лермонтов. –Сталинобод: Нашрдавтоҷик [Таджикгосиздат], 1954. -373 с.
28. Лермонтов, М.Ю. Иблис= [Демон] / М.Ю. Лермонтов; пер. Х. Юсуфи. -Сталинобод-Ленинград: Нашрдавтоҷик [Таджикгосиздат], 1940. –54 с.
29. Лермонтов, М.Ю. Ошиқ ва Ғариб = [Ашик-Кериб] / М.Ю. Лермонтов. -Сталинобод – Ленинград: Нашрдавтоҷик [Таджикгосиздат], 1939. –18 с.
30. Лермонтов, М.Ю. Ҷавонии ҷовидонӣ. Шеърҳо. =[Вечная молодость. Стихи] / М.Ю. Лермонтов. -Душанбе: Ирфон, 1964. –234 с.
31. Лермонтов, М. Ҷаҳрамони даврони мо=[Герой нашего времени] / М.Ю. Лермонтов; пер. В. Махмуд, ред. Б. Фируз. -Душанбе: Маориф, 1977. –183 с.
32. Лермонтов, М.Ю. Осори мунтахаб: Иборат аз ду ҷилд. Ҷилди 1. Шеърҳо =[Лермонтов М.Ю. Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. Стихотворения] / М.Ю. Лермонтов. -Д: «Ирфон», 1981. -157 с.
33. Лермонтов, М.Ю. Осори мунтахаб: Иборат аз ду ҷилд. Ҷилди 2. Достонҳо. = [Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2. Поэмы] / М.Ю. Лермонтов. -Душанбе: «Ирфон», 1981. –160 с.
34. Лермонтов, М.Ю. Шеърҳо ва достонҳо =[Стихотворения и поэмы] / М.Ю. Лермонтов. –Душанбе: «Маориф», 1981. –127 с.
35. Лермонтов, М.Ю. Мҷири =[Мҷири] под ред. С. Улугзода / М.Ю. Лермонтов. –Сталинобод: Нашрдавтоҷик [Таджикгосиздат], 1949.-38 с.
36. Лермонтов, М.Ю. Бородино / М.Ю. Лермонтов; пер М. Фархата. – Сталинобод: Нашрдавтоҷик [Таджикгосиздат], 1961. –16 с.
37. Лермонтов, М.Ю. Мҷири / М.Ю. Лермонтов; пер. К. Киром, ред. Б. Ходжи. –Душанбе, 1969. –36 с.
38. Лермонтов, М.Ю. Баллада / М.Ю. Лермонтов; пер. Х. Юсуфи / Лирикаи классикии рус. Маҷмӯи шеърҳо [Русская классическая лирика. Сборник стихотворений]. –Душанбе, 1988. –С. 40.

39. Сатторӣ, П. Шоир. Ба М.Ю. Лермонтов=[Поэт. М.Ю. Лермонтову] / П. Сатторӣ // Ҳақиқати Қургонтеппа [Кургантюбинская правда], 1979. -14 июля. –С. 3.
40. Сафарзода, А. Кавказ / А. Сафарзода // Комсомоли Тоҷикистон [Комсомол Таджикистана], 1964. -14 октября. –С. 3.
41. Файзулло, Ҳ. Абр =[Туча] / Ҳ. Файзулло // Маориф ва маданият [Просвещение и культура], -Душанбе, 1969. -14 октября. – С. 4.
42. Ҳайдаршоҳ, М. Дар назди ҳайкал=[У памятника] / М. Ҳайдаршоҳ // Тоҷикистони советӣ [Советский Таджикистан].-Душанбе, 1983. -27 февраля. -С. 3.
43. Ҳайдаршоҳ, М. Ошиқи маъшук=[Влюбленный в Машука] / М. Ҳайдаршоҳ // Гули ағба [Цветок горного перевала].-Душанбе, 1988. -72 с.
44. Юсуфӣ, Ҳ. Сатрҳои нотамо. Китоби 1. = [Отчизны верный сын. Книга 1] / Х. Юсуфи. – Душанбе: Адиб, 1987. -332 с.
45. Юсуфӣ, Ҳ. Сатрҳои нотамо. Китоби 2. = [Отчизны верный сын. Книга 2] / Х. Юсуфи. – Душанбе: Адиб, 1987. -256 с.

Научная литература:

Литература на русском языке

46. Амонов, Р. Занимательный рассказ об одном переводе / Р.Амонов // Памир.- 1999.- №1.-С.185-192.
47. Андреев-Кривич, С.А. Два распоряжения Николая I / С.А. Андреев-Кривич // Литературное наследство. Т.58.-М., 1948. -411 с.
48. Андроников И. Лермонтов. Исследования и находки / И. Андроников. - М., 1967 (4 изд., М., 1977). –712 с.
49. Андроникашвили, И. К биографии М.Ю. Лермонтова / И. Андроникашвили //«Труды тифлис. гос. ун-та», 1936, Т.1. -С. 200-214.
50. Архипов, В. М.Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. / В. Архипов. - М.: Изд-во «Московский рабочий», 1965.-471 с.

51. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. –М., 1966. -608 с.
52. Ашукин, Н.С. Историко-бытовой комментарий к драме Лермонтова «Маскарад» / Н.С. Ашукин // «Маскарад» Лермонтова. - М. –Л., 1941. -С. 211- 412.
53. Баранов, В.В. Отклик А.И. Полежаева на стихотворение Лермонтова «Смерть поэта». / В.В. Баранов // Литературное наследство. Т.58. - С. 485-87.
54. Баранов, В.В. Об истинном адресате стихотворения Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю» / В.В. Баранов // Уч. зап. Калуж. пед. ин-та, 1957. –С. 182-92.
55. Баранов, В. Лермонтов в Москве / В. Баранов //Литературное наследство. Т.45-46.-М.: АН ССР, 1948. -С. 727-29.
56. Бархударов, Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л.С. Бархударов. –М.: «Междунар. отношения», 1975. -240 с.
57. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений / В.Г. Белинский. -М.: Изд. АН СССР, 1954. –Т.4. (рецензии и статьи). -665 с.
58. Белов, С.В. Достоевский и Лермонтов. / С.В. Белов // Русская литература XIX века. - Г., 1975. -С. 128-33.
59. Березнева, А.Н. Русская романтическая поэма. Лермонтов, Некрасов, Блок. / А.Н. Березнева. – Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1976. –97 с.
60. Блок, А.А. Педант о поэте / А.А. Блок // Собр. соч. в 8 тт., Т.5. -М. – Л., 1962. -С. 25-30.
61. Брагинский, И.С. Исследования по таджикской культуре (К проблеме межлитературных связей Советского Востока) / И.С. Брагинский. –М.: Наука, 1977. -288 с.
62. Бродский, Н.Л. «Бородино» М.Ю. Лермонтова и его патриотические традиции / Н.Л. Бродский. - М. – Л.: Академия пед. наук, 1948. –68 с.
63. Брюсов, В. Техника поэзии / В. Брюсов. – М.: Наука, 1976. –165 с.
64. Валиев, Н.У. В.В. Маяковский и таджикская гражданская лирика / Н.У. Валиев. –Душанбе, 1990. –87 с.

65. Вацуро, В. Ранняя лирика Лермонтова и поэтическая традиция 20-х гг. / В. Вацуро // Русская литература, 1964. -№3. –С. 46-56.
66. Вацуро, В.Э. М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. / В.Э. Вацуро // К цензурной истории «Демона». -Л., 1979. -С. 410-414.
67. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. -М.: Изд-во. Ин-та общего среднего образования РАО, 2001. –224 с.
68. Влахов, С. и Флорин, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов и С. Флорин. –М.: Наука, 2001. –396 с.
69. Гачечиладзе, Г. Что за словом? / Г. Гачечиладзе // Литер. газета, 1972. -1 ноября. –С. 6.
70. Гитович, Н.И. А.П. Чехов в воспоминаниях современников / Н.И. Гитович. –Москва: «Художественная литература», 1986. –С. 735.
71. Голованова, Т.П. Наследие Лермонтова в поэзии XX века / Т.П. Голованова // Русская советская поэзия. - Л., 1972. -С. 90-155.
72. Гроссман, Л. Труд Лермонтова // Лермонтов и культура Востока. -ЛН., 1941. –Т. 43-44. –С.673-744.
73. Гуревич, А. Проблема нравственного идеала в лирике Лермонтова / А. Гуревич // Творчество М.Ю. Лермонтова. - М., 1964. –С. 149-71.
74. Девицкий, И.И. Об эпитафии к стихотворению М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» / И.И. Девицкий // Науч. докл. высш. школы. Филол. науки, 1970 -№6. –С. 60-73.
75. Дюришин, Д. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. – М.: Прогресс, 1979. –320 с.
76. История русской литературы в трех томах. Т. II, Изд. АН СССР. -М. – Л., 1963. -559 с.
77. Комиссаров, В.Н. Теория перевода: (Лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. –М., Высш. школа, 1990. –253 с.
78. Краевский, А.А. Воспоминания: (в пересказе П.А. Висковатого) / А.А. Краевский // Лермонтов в воспоминаниях современников. _М.: Худ. лит., 1989. -690 с.

79. Лермонтов и литература народов Советского Союза. -Ереван. Изд-во Ереван. ун-та, 1974. –570 с.
80. Лилова, А.А. Введение в общую теорию перевода / А.А. Лилова. –М.: Высш. школа, 1985. -256 с.
81. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н. Ярцевой. –М.: Советская энциклопедия, 1990. –685 с.
82. Ломидзе, Г.И. В поисках нового: статьи о проблемах национальных литератур / Г.В. Ломидзе. –М.: Сов. писатель, 1963. -351 с.
83. Муллоджанова, З.А. Стиль оригинала и перевод (издание второе) / З.А. Муллоджанова. –Душанбе, 2014. -191 с.
84. Никулин Л.В. Лермонтов / Л.В.Никулин // Лермонтов, Чехов, Бунин, Куприн: Литературные портреты. -М., 1960. -С. 171-264.
85. Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1968. –117 с.
86. Очерк истории Таджикской советской литературы. –Д: Изд-во Академии наук Таджикской ССР, 1955. –305 с.
87. Паустовский, К.Г. Собрание сочинений в 6 томах / К.Г. Паустовский. –М.: Государственное изд-во худ. литературы, 1957. -Т. 2. –699 с.
88. Писатели Таджикистана. –Душанбе: Ирфон, 1986. –253 с.
89. Розенфельд, А. З. Переводы произведений Лермонтова на таджикский язык. / А.З. Розенфельд // Лермонтов и литература народов Советского Союза. Ереван. Изд-во Ер. ун-та, 1974. –С. 399-408.
90. Рустамова, Г.Р. Русско-таджикские литературные связи в XX веке (в контексте творчества Льва Толстого). Г.Р. Рустамова. –Душанбе, 2017.-246 с.
91. Свет, В.Е. Женские характеры в ориентальной поэзии М.Ю. Лермонтова / В.Е.Свет // Литературный процесс в его жанровом и стилевом своеобразии: Сборник научных трудов. -Ташкент: Изд-во ГПИ, 1987. -С. 61-74.
92. Смирнова, Л.А. М.Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество / Л.А.Смирнова. - М.: Просвещение, 1991. -194 с.

93. Соболев, Л.Н. О переводе образа образом: Вопросы художественного перевода / Л.Н. Соболев. –М., 1955. -290 с.
94. Тамахин, В.М. Подтекст в романе Лермонтова «Герой нашего времени» / В.М. Тамахин // Русская литература и Кавказ. –Ставроп., 1974. –С. 26-41.
95. Удодов, Б.Т. Роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Б.Т. Удодов. –М.: Просвещение, 1989. –С. 191.
96. Федоров, А.В. Введение в теорию перевода / А.В. Федоров. –М.: Изд-во лит. на иност. Яз., 1953. -336 с.
97. Холмухаммедова Н.Н. Западно-восточный синтез в творчестве М.Ю. Лермонтова. / Н.Н. Холмухаммедова. – Душанбе, 1989. –146 с.
98. Холов, Х. Р. История и проблемы перевода лирических стихотворений и прозы А.С. Пушкина на таджикский и персидский языки: дис. докт. филол. наук: 10.01.03 / Х.Р. Холов. –Душанбе, 2014. -272 с.
99. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус. Проблемы. Аспекты. 2-ое изд. / А.Д. Швейцер. –М: Книж. дом «ЛИБРИКОМ», 2009. -216 с.
100. Шодикулов, Х. На таджикском языке / Х. Шодикулов // Коммунист Таджикистана. -Душанбе, 1964. -15 октября. –С. 8.
101. Щемелева, Л.М. «К» / Л.М. Щемелева // Лермонтовская энциклопедия. Ред. В. Мануйлов. – М.: Сов. энцикл., 1981. –456 с.
102. Эткинд, Е. Искусство перевода / Е. Эткинд. – М.: Наука, 2001. -263 с.
103. Яковкина, Е. Последний приют поэта, 3 изд. / Е. Яковкина. - Ставрополь, 1975. –126 с.

Литература на таджикском языке

104. Амонов, Р. Дар бораи назми Боқӣ Раҳимзода=[О поэзии Боки Рахимзода] / Р. Амонов // Шарқи Сурх [Красный Восток], 1954. -№11. -С. 95.
105. Ахрорӣ, Ҳ. Дар бораи баъзе масъалаҳои тарҷимаи наср=[О некоторых вопросах перевода прозы] / Х. Ахрори // Шарқи сурх [Красный Восток], 1952. - №11. – С. 91-100.

106. Давронов, А. Равобити адабии халқҳои тоҷику арман=[Таджикско-армянские литературные связи] / А. Давронов. -Душанбе: Адиб, 2008. -328 с.
107. Дехотӣ, А. Барои сифати баланди тарҷимаи асарҳои назм=[За высокое качество перевода поэтических произведений] /А. Дехотӣ // Шарқи сурх [Красный Восток], 1952. -№11. – С. 101-112.
108. Маъсумӣ, Н. Лермонтов ва эҷодиёти ӯ = [Лермонтов и его творчество] / Н. Маъсуми // Асарҳои мунтахаб, дар 2 ҷилд. - Ҷ. 2. [Избранные произведения в двух томах. Т.2]. –Душанбе: «Ирфон», 1977. –Т. 1. –335 с.
109. Маъсумӣ, Н. Шоири чанговар =[Поэт-воин] / Н. Маъсуми // Шарқи сурх [Красный Восток], 1946. - №3. –С.10-15.
110. Самад, В. Пайвандҳои адабӣ чун омили муҳими инкишофи адабиёт=[Литературные связи – важнейший фактор развития литературы] / В. Самад. –Душанбе: Ирфон, 1976. -24 с.
111. Сайфуллоев, А. Дӯстии халқҳо – дӯстии адабиётҳо=[Дружба народов – дружба литератур] / А. Сайфуллоев. –Душанбе: Ирфон, 1975. -224 с.
112. Холмухаммадова, Н. Лермонтов ва Шарқ =[Лермонтов и Восток] / Н. Холмухаммадова // Илм ва ҳаёт [Наука и жизнь], 1989. - №12. -С. 34-35.
113. Худойдодов, Б. Шоир ва айёми мо =[Поэт и наше время] / Б. Худойдодов. –Душанбе: «Ирфон, 1976. –33 с.
114. Ҳошим, Р. Яке аз аввалин тарҷумонҳои адабиёти рус ва китоби у. = [Один из первых переводчиков русской литературы и его книга] / Р. Ҳошим // Шарқи сурх [Красный Восток], 1959. - №11.-С. 94.
115. Шодикулов, Х. Лохутӣ ва Пушкин=[Лохути и Пушкин] / Х. Шодикулов. – Душанбе: Ирфон, 1985. – Т.1. -С. 33.
116. Шодикулов Х. Таронасарои Ватан = [Певец Родины] / Х. Шодикулов // Юсуфӣ Х. Роҳи нотаом [Х. Юсуфӣ. Неоконченный путь]. – Душанбе: Ирфон, 1973. –257 с.

117. Шодикулов, Ҳ. Лермонтов ва шуарои тоҷик=[Лермонтов и таджикские поэты] / Ҳ. Шодикулов // Садои Шарқ [Голос Востока], 1967. -№5. –С. 136-143.
118. Шукуров, М. Шавқ агар раҳбар шавад=[Если руководит увлеченность] / М. Шукуров // Садои Шарқ [Голос Востока], 1970. -№1. –С. 121-137.
119. Юсуфӣ, Ҳ. Подшоҳи идрок ва озодӣ =[Царь познания и свободы] / Ҳ. Юсуфӣ // Тоҷикистони сурх [Красный Таджикистан], 1940. -16 октябрия. –С. 8.

Интернет-ресурсы:

120. Диалог: Таджикистан и мир. –Режим доступа: <https://www.dialog.tj/news>
121. К 200-летию М. Лермонтова. –Режим доступа: <https://tvkultura.ru>
122. Фр. Боденштедт. Из предисловия к переводу стихотворений Лермонтова. –Режим доступа: www.tarhany.ru>lermontov>bodenshtedt
123. И.А. Бунин. –Режим доступа: www.tarhany.ru>lermontov>
124. Великие о Лермонтове. -Режим доступа: www.tarhany.ru>lermontov>
125. Общий взгляд на стихотворения Лермонтова: <https://licey.net>>free>stages
126. Белинский о Лермонтове. -Режим доступа: <https://licey.net>>free>stages
127. История и методы перевода лирики М.Ю. Лермонтова в Китае. –Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>>artcle>
128. 80-летие К. Киромы. –Режим доступа: <https://www.asiaplus.tj>
129. С.А. Андреевский. –Режим доступа: dugward.ru>andreevskiy_lermontov
130. lermontov-lit.ru>slovar-202-1

